Анастасия Астахова

Тимур Атнашев

Зинаида Васильева

Анна Ганжа

Николай Гнисюк

Максим Жиганов

Александр Калгин

Иван Кисленко

Наталья Липкина

Евгения Панова

Артур Печерских

Пётр Сафронов

Михаил Соколов

Андрей Суворов

Пути России

Научно-практический журнал социальных и этнографических исследований

СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Том 4 № 2

2026

Пути России

Том 4 **№ 2** 2026

Научно-практический журнал социальных и этнографических исследований

сквозь тусклое стекло **академического знания**

Редакторы-составители:
М. Д. Мальков
И. В. Дуденкова

Пути России

Научно-практический журнал социальных и этнографических исследований

Том 4 № 2 2026

ISSN 3034-1388 (online)
ISSN 3034-1396 (print)

www.jrsre.ru

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном и печатном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77–86371 от 27.11.2023

УЧРЕДИТЕЛЬ
ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы распространяются свободно. Ссылка на журнал при перепечатке и цитировании материалов обязательна.

Редакторы-составители: Максим Мальков, Ирина Дуденкова
Редактор: Катя Наумова
Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН
Дизайн: Максим Григоренко
Обложка: Иоанна Дуденкова

© ОАНО «МВШСЭН», оформление, 2026
© Авторы статей, 2026

Главный редактор:
Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва.

Заместители главного редактора:
Дмитрий Рогозин, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва,
Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение», Москва,
Анастасия Гачева, докт. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва,
Артем Земцов, канд. полит. наук, НИУ ВШЭ,
Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь,
Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,
Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,
Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва,
Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,
Андрей Тесля, канд. филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,
Александр Фокин, канд. историч. наук, МВШСЭН, Сеченовский университет, Москва,
Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т,
Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,
Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,
Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,
Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия,
Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники, НИУ ВШЭ, Москва,
Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,
Юрий Плюснин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Мария Сигова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,
Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,
Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,
Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

Russia's Directions

The Journal of Russian
Social Research and Ethnography

Vol 4 No 2 2026

ISSN 3034-1388 (online)
ISSN 3034-1396 (print)

www.jrsre.ru

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

ESTABLISHER
The Moscow school of social and economic sciences

ADDRESS
3–5 Gazetny Lane, bld. 1, Moscow, 125009

@RUSSIANWAYS

Editors-compilers: Maxim Malkov, Irina Dudenkova
Editor: Katia Naumova
Secretary: Maxim Grigorenko, MSSES
Design: Maxim Grigorenko
Cover art: Ioanna Dudenkova

Editor-in-chief:
Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow.

Deputy editors-in-chief:
Dmitry Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPA, Moscow,
Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPA, Moscow.

EDITORIAL BOARD
Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion Foundation), Moscow,
Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS, Novosibirsk State University,
Aleksandr Fokin, Cand. Sc. (History), MSSES, Sechenov University, Moscow,
Anastasiya Gacheva, D. Sc. (Philology), IWL RAS, Moscow,
Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist,
Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,
Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPA, Moscow,
Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPA, Moscow,
Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,
Andrej Teslya, Cand. Sc. (Philosophy), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Artyom Zemtsov, Cand. Sc. (Politics). HSE University, Moscow.

EDITORIAL COUNCIL
Roman Abramov, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Svetlana Barsukova, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State University,
Leonid Blyaher, D. Sc. (Philosophy), Pacific National University, Khabarovsk,
Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow,
Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow,
Gul'nara Krasnova, D. Sc. (Philosophy), RANEPA, Moscow,
Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow,
Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h. C. mult., Bielefeld University, BRD,
Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,
Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores University, UK,
Yurij Plyusnin, D. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Vadim Radaev, D. Sc. (Economics), HSE University, Moscow,
Mariya Sigova, D. Sc. (Economics), MSSES, Moscow,
Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,
Irina Trotsuk, D. Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,
Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow.

© The Moscow school of social and economic sciences, design, 2026
© The authors of the articles, 2026

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

М.М. Соколов — «Свобода от ценностей — это не инструмент научного поиска, это его финальный пункт»
Интервьюеры А.А. Герасимов и И.В. Дуденкова — **9**

А.А. Печерских — Журнальные близости между авторами в российских социальных науках: карты и варианты использования — **33**

А.А. Суворов — Малый спор в большой социологии науки — **72**

И.Ю. Кисленко — «Социальная функция науки» или чему может научить книга Джона Бернала сегодня
Эссе-рецензия на книгу Дж.Д. Бернала «Социальная функция науки» (The Social Function of Science, 1939) — **97**

СОЦИОЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

А.С. Калгин, Н.А. Гнисюк, А.С. Астахова — Между сектой и корпорацией: как формируются университетские этосы — **113**

А.Г. Ганжа, М.Д. Жиганов — Университетский глоссарий локальной универсальности: сталактиты, сталагмиты, сталагнаты производства социального знания — **141**

П.А. Сафронов, З.С. Васильева, Т.М. Атнашев, Е.Л. Панова, Н.А. Липкина — Переизобретая распределённую академическую коммуникацию: семинар ФИЛАПС — **167**

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

В. Р. Мисихин Сеннет, Р. Умо-зрение: Устройство и социальная жизнь городов / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2024 **189**

Т. С. Коршунов Ковальская Е., Угаров И. Постановка взгляда. Михаил Угаров о театре, в котором не играют. Лекции, семинары, интервью. М.: Individuum, Эксмо. 2025 **193**

Contents

SOCIOLOGY OF SCIENCE

M. Sokolov — "Freedom from values is not a tool of scientific research, it is its final point"
Interviewers A. Gerasimov and I. Dudenkova **9**

A. Pecherskikh — Venue-author coupling for Russian social sciences: maps and use cases **33**

A. Suvorov — A small dispute in the big sociology of science **72**

I. Kislenko — The social function of science or
what John Bernal's book can teach us today
Essay review of J. D. Bernal's book "The Social Function of Science" (1939) **97**

SOCIOLOGY OF UNIVERSITIES

A. Kalgin, N. Gnisiuk, A. Astakhova — Between a sect and a corporation: how university ethos is formed **113**

A. Ganzha, M. Zhiganov — University glossary of local universality: stalactites, stalagmites, stalagnates of social knowledge production **141**

P. Safronov, Z. Vasilyeva, T. Athashev, E. Panova, N. Lipkina — Rethinking decentralized academic communication: the PHILAPS seminar **167**

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

V. Misikhin Sennett, R. The conscience of the eye: The design and social life of cities. Translated from English. M., NLO, 2024 **189**

T. Korshunov Kovalskaya E., Ugarov I. Setting the gaze. Mikhail Ugarov on the theatre where they do not act. Lectures, seminars, interviews. Moscow: Individuum, Eksmo. 2025 **193**

Социология науки

М. М. Соколов

«Свобода от ценностей — это не инструмент научного поиска, это его финальный пункт»

Михаил Михайлович Соколов — кандидат социологических наук, профессор Назарбаев Университета. **Электронная почта:** mikhail.sokolov@nu.edu.kz.

Андрей Андреевич Герасимов — независимый исследователь. **Электронная почта:** agerasimov@eu.spb.ru.

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), старший преподаватель кафедры философии религии и религиоведения богословского факультета ПСТГУ. **Электронная почта:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Аннотация: В интервью поднимаются вопросы институционализации социологии социальных и гуманитарных наук, перспектив социологии как научной дисциплины, механизмов академического признания. Социология трактуется как форма организованного самообмана, обсуждается место и актуальность принципа свободы от ценностей в научной работе.

Ключевые слова: социология общественных и гуманитарных наук, свобода от ценностей, академическое признание, научный глобализм и локализм, апология социального знания

Для цитирования: *Соколов, М. М.* «Свобода от ценностей — это не инструмент научного поиска, это его финальный пункт» / Интервьюеры: А. А. Герасимов, И. В. Дуденкова // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 9–32.

Редактор **Алина Владимировна Лихачевская**, МВШСЭН

Интервью провели 2 декабря 2025 года Ирина Дуденкова, декан факультета социальных наук МВШСЭН, и Андрей Герасимов, выпускник Европейского университета, один из студентов Михаила Соколова, специально для тематического номера журнала «Пути России», посвященного социологии социальных и гуманитарных наук.

Ирина Дуденкова: Я бы хотела начать с обсуждения нескольких манифестов, которые написал Михаил. Мне кажется, это необычно, что кроме каких-то научных исследований существует ещё экзистенциальный оттенок, личное отношение к той области знания, которую Михаил изучает. Я сначала попробую узнать обстоятельства создания Манифеста Диких Молодых Доцентов и конкретизировать этот аспект объективности и свободы независимого академического поиска, который там очень отчётливо рассматривается. Как он сейчас для вас звучит? Может ли он быть действительно этическим императивом? Как вы оцениваете этот мотив Манифеста Диких Молодых Доцентов?

Михаил Соколов: Не знаю, как изменились позиции моих соавторов по этому поводу. Я бы сказал, что мои не изменились. В этом смысле мне совсем нечем похвастаться в плане интеллектуального развития. По крайней мере, тот акцент, который делался на свободе от ценностей, остался в моей виденье социологии на месте. Я имею в виду ту часть манифеста, где говорилось, что свобода от ценностей есть не средство, а цель социологии. Я попробовал бы генерализовать это сегодня, сказав, что в истории социальной мысли есть разные эпохи, в которых доминирует тот или иной импульс. Один импульс очень понятный, человеческий: желание убедиться, что то, во что мы верим, — правильно. Искать подтверждение своих взглядов, и интуитивно воспринимать как правильные и заслуживающие большего доверия источники, которые этим взглядам не противоречат — очень мощная общечеловеческая психологическая склонность. В социологии она проявляется, возможно, даже в несколько преувеличенном виде, потому что наша работа — это выносить какие-то суждения о реальности, и когда мы вынуждены сказать, что наши прежние суждения были неправильными, мы тем самым не только испытываем внутренний дискомфорт, но и переживаем профессиональную дисквалификацию. Поэтому социологи в этом плане еще более консервативны, чем остальные смертные.

С другой стороны, иногда возникает и противоположный импульс — хотеть, чтобы нам показали, что все, во что мы всегда верили как в правду, на самом деле — неправда. В некоторые эпохи этот импульс становится сильнее первого.

То, что мы считаем золотыми веками в истории социологии как раз совпадает с историческими моментами, когда целое поколение начинает рассматривать свои собственные устоявшиеся взгляды с по-

дозрением. Если мы посмотрим на динамику рождения знаменитых социологов, то обнаружим, что в ней имело место два пика. Первый пришёлся примерно на конец 1850-х — начало 1860-х годов. Большая часть героев курса по истории классической социологии появилась на свет в интервале между 1 марта 1858 года, когда родился Зиммель, и 21 апреля 1864 года, когда родился Вебер. На протяжении 6 лет между ними родились Дюркгейм, Зомбарт, Вебер, Веблен и Роберт Парк. Второй период тоже примерно 5–6 лет, между 1926 и 1930 годами, когда родилась большая часть классиков современной социологии (Фуко, Говард Беккер, Бурдье, Хабермас, Харрисон Уайт, Луман, Бергер и Лукман, Дарендорф). Основная активность первой когорты пришлась на период где-то между 1890-м и 1920-м, второй — где-то между 1960-м и началом 1980-х. Посмотрите на наши хэндбуки по истории социологии: большая часть текстов, которые там будут, была исходно опубликована в эти узкие интервалы. Попробуйте сходу вспомнить знаменитого социолога, который родился в 1870-х или 1880-х годах. Это можно сделать, но это будут уже имена второго ряда, и они не придут вам в голову в сразу (разве что в России могут сразу подумать о Питириме Сорокине, родившемся в 1889). Интеллектуальный пик второй из этих когорт совпал с Молодёжной революцией 1960-х—и это был момент фундаментального сомнения западной цивилизации в своем собственном мировоззрении.

Это сомнение замечательно описывает Миллс в начале «Социологического воображения», когда пишет о том, что его современники все чаще ощущают себя людьми, проснувшимися и осознающими, что находятся они в чужом доме, который прежде лишь казался им знакомым и родным[1]. Чего он не говорит — это моё домысливание, — что подобное тревожное и, вместе с тем, будоражащее ощущение было связано в значительной степени с Холодной войной и с пониманием того, что привычный способ видеть мир и готовность отстаивать этот способ как единственно верный, интуитивное чувство того, что мы правы, а все возражающие нам — или идиоты, или мерзавцы, — приведёт нас к взаимному уничтожению. Конечно, мы уверены, что мы правы, но они тоже уверены, что они правы. Собственно, именно наша правота и завела нас в смертельный тупик. Или мы все настаиваем на правоте своих привычных взглядов на мир, или остаёмся в живых. Именно это осознание, мне кажется, в 60-е годы дало очень сильный импульс, способствующий развитию социологического воображения.

Известное определение либерального образования, данное Робертом Хатчинсом, гласит, что его цель — освободить индивида из “prison-house of his class, race, time, place, background, family and even his

[1] *Миллз, Ч. Р.* Социологическое воображение. / Пер. с английского О.А. Оберемко. М.: NOTA BANE, 2001.

nation". Эта же задача становится в тот период основной задачей социологической теории: выйти из темницы предубеждений своего политического лагеря или своей социальной среды. Все это в значительной степени ушло из социологической повестки в дальнейшем. То есть в каком-то плане мы снова вступили в парадигматическую эпоху, в которой есть доминирующий взгляд на мир, и большинство социологов вовсе не хотят отказываться от него, и вообще любой вызов ему воспринимают как наступление на самую суть своего ремесла.

Так вот, та линия ассоциации себя с политической незаинтересованностью, которая была в Манифесте Диких Молодых Доцентов, в моей интерпретации как раз была выражением, если хотите, ностальгии по эпохе, когда социологи хотели достичь свободы от ценностей и выйти из темницы своих устоявшихся представлений о мире. Мы занимаемся тем, чем занимаемся, для того, чтобы быть меньше прикованными к той перспективе, которая продиктована нашей культуры или нашим социальным положением. Вот что, я предполагаю, в этом тексте было написано. Я прежнему в это верю, хотя за прошедшие уже 15 лет большая часть социологов, по-моему, все меньше видела свое ремесло в этом свете.

И. Д.: Мне кажется, что здесь возникает противоречие с другим манифестом, который вы написали в 2015 году, 10 лет назад, «Социология как чудо»[2], где прозвучал другой тезис о том, что социальное знание является результатом автофабрикации. Можно прояснить, что такое автофабрикация? Насколько я понимаю, это поддержание коллективной веры, в то, чего в действительности не происходит — коллективной веры внутри научного сообщества. И нет ли здесь проблемы, если эта вера нуждается в поддержке на длинной дистанции?

М. С.: Я не думал об этом тексте 2015 года как о манифесте никоим образом, хотя, наверное, он говорит очень много о моих настроениях тогда, да и сейчас. Текст 2010 года был нормативным, а 2015 — задумывался как дескриптивный, констатирующий то, как мир работает, не как должен работать. Но с тем, о чём я только что говорил, это стыкуется достаточно хорошо. Правда, в 2015 я писал не столько о социальном знании как об автофабрикации, сколько о статусе социологии как науки как об автофабрикации. И здесь я, в общем, снова остался при том же мнении.

Когда я использовал термин «автофабрикация», то делал это с явной отсылкой к Гоффману. Меня интересовало, как во фрейм-анализе можно было бы анализировать самообман. У Гоффмана есть две

[2] *Соколов, М. М.* «Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине» // Социология власти. 2015. № 27 (3). С. 13–57.

формы социальной организации небуквальности. Есть *keyings*, «переключение» в переводе Батыгина[3]. Не идеальный перевод, но лучшего пока никто не придумал. «Переключение» — это когда люди совместно участвуют в чём-то, что, как все они знают, и знают, что все знают, не является тем, что буквально изображается. Например, театральная постановка. Или дети играют во что-нибудь.

А вторая форма — это фабрикация, когда одна группа людей обманывает другую. В самом чистом виде, мошенничество. Разговор с «куратором из СВР» по телефону, который просит перевести деньги на безопасный счёт. И тут основная задача тех, кто такую постановку ставит, — обманом заставить других в неё верить.

Но как быть в случае с самообманом, при котором люди обманывают сами себя? Где он должен быть расположен в этом спектре? Это была одна линия рассуждений, которая присутствовала в этом тексте, и из нее взялось понятие автофабрикации. А вторая была как раз связана с судьбами социологии и с тем, что главный страх для социологов — не только для социологов, но и, в общем, для всех учёных, как говорит социология научного знания, — заключается в том, чтобы обнаружить себя частью мыслительного коллектива, стиль которого не будет поддержан их окружением[4]. То есть, в обывательском представлении об учёных, среди ученых есть консенсус по поводу того, ответ на какие вопросы научном сообществу известен, а на какие — нет. Есть общее знание о незнании. Но на самом деле, говорит Флек, учёные состоят из мыслительных коллективов, которые имеют разные идеи на этот счет. Одни думают, что уже нашли ответ, и убеждают себя в том, что их подход в целом правильный, осталось немножко подкрутить, например, эксперимент — и тогда всё получится. Другие не верят, что ответ найден, да и вопрос кажется им неправильно заданным. И те, и другие могут долго жить бок о бок. История науки полна вот таких замкнутых мыслительных коллективов, которые существуют как пузыри, верящие, что они уже на пороге великого открытия или уже сделали великое открытие, осталось убедить остальной мир. Потом некоторые из таких коллективов занимают потом места в наших учебниках, но о всех остальных бесповоротно забывают, потому что успешные коллективы так переписывают историю, словно неуспешных и не было никогда.

Знакомый, наверное, всем ученым экзистенциальный страх, который вытекает из этой картины, — это страх обнаружить, что они как раз в таком пузыре и провели всю свою жизнь. Что они, со-

[3] *Гофман, И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой, 2003.

[4] *Флек, Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. Поруса В. Н. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

знательно или нет, подгоняли результаты и их интерпретации так, чтобы они укладывались в знакомую и уже придуманную ими картину. А на самом деле — раз! — и весь этот карточный домик однажды рухнет. Или даже не рухнет, но просто почему-то другой карточный домик станет зданием науки, а их домик исчезнет.

В случае социологии этот страх, наверное, ещё более общий и ещё более фундаментальный, потому что мы не знаем, не превратится ли в глазах образованных людей 50 лет спустя социология в разновидность алхимии или схоластики, о которой будут вспоминать пренебрежительно, если вообще будут. И идея моя состояла в том, что значительная часть того, что делают социологи, мотивируется как раз попыткой справиться с этим страхом. Это вроде бы то же самое, что и сказать, что социологи с самых своих первых дней стремились сделать из социологии настоящую науку. Однако, на самом деле, совсем не то же самое. Гоффман говорил, что быть кем-то — это не единственный и часто даже не лучший способ казаться этим кем-то. Например, испытывать какие-то чувства — это не обязательно лучший способ продемонстрировать другим, что мы испытываем эти чувства. Вопреки тому, как иногда понимается Станиславский, испытывать те же самые чувства, что Гамлет, может быть, не очень хорошей идеей для того, чтобы играть Гамлета, хотя бы потому, что Гамлет изъясняется стихами, а человек, встретивший призрак своего отца, вряд ли станет это делать.

И то же самое относится к самообману. Убедить самих себя, что являешься кем-то, и на самом деле являться этим чем-то — это не обязательно одно и то же. И вот в статье я под разными углами пытался посмотреть на социологическую практику в свете потребности социологов видеть в социологии настоящую науку. Например, без этого сложно объяснить успех регрессии как статистической техники. Эндрю Эбботт в одной из своих статей задавался вопросом, почему социологи настолько полюбили регрессию, что в какой-то момент центральным элементом социологической статьи — в десятках процентов, может быть, даже более 90% статей ведущих журналов — стала регрессионная табличка[5]. Действительно, почему? Потому что регрессия воплощала в себе идеал научной кумуляции. Кумуляция — необходимый, может быть, даже самый важный атрибут науки. Кумулятивная наука — это вообще очень привлекательный идеал. Она воплощает мечты о бессмертии в доступной современному человеку форме. Ни один вклад не пропадает целиком и полностью. Все внесли свой маленький кирпичик в построение общего знания. Даже те, что гипотезы опровергнуты, научили чему-то остальных, потому что благодаря им некоторые направления поиска были отброшены как тупиковые. Регрессия воплощает этот идеал.

[5] *Abbott, A.* Transcending general linear reality // Sociological Theory. 1988. Vol. 6. No. 2. P. 169-186.

Мы встроили открытия наших предшественников в проверяемые гипотезы, добавив соответствующие переменные. В результате, здание кумулятивной науки строится на наших глазах. Оказалось, что получилось оно не так, как хотелось бы, но те, кто находится внутри, по крайней мере точно могли ощущать себя настоящими учёными на какой-то временной дистанции. Правда, магия автофабрикации работала только ограниченное время, потому что, когда регрессий становилось всё больше, они становились всё сложнее, а уверенности, что же мы открыли, всё не возникало, начинали раздаваться вопросы о том, чем мы занимались всё это время. Экономисты, которые пошли по этому пути раньше, кажется, за последние 10–15 лет обнаружили, что никакая сложность регрессии не отвечает на вопрос статистического контроля и устранения ложных переменных, на который она, по идее, должна отвечать. И обратились к естественным экспериментам, которые сейчас на пике моды[6]. Безусловно, до социологии это тоже доберётся, как уже добралась до политической науки.

И третья часть истории в той давней статье была связана с теорией сожалений, вернее, с тем, что находимся ли мы внутри автофабрикации или нет, — мы узнаём только в конце пути[7]. Строили ли мы карточный домик или здание науки выясняется, только когда его сдувают или не сдувают ветры времени. Но это, вероятно, будет уже после нас и мы об этом уже ничего не узнаем. Но если мы строили что-то, а потом сами от этого отказались — тогда бы уже точно знаем, что это был карточный домик. То есть мы можем испытать неудачу сейчас, а можем её отложить на некоторое время, может быть, простирающееся за пределы времени нашей жизни. Это как гигантский лохотрон, в котором можно выйти из игры раньше, но тогда точно поймешь, что проиграл. А можно поднять ставки, и тогда на некоторое время остаётся шанс, пусть даже все более призрачный, что-то выиграть. Или экспедиция, которая должна найти землю где-то там за пределами известного мира: можно повернуть, а можно продолжать плыть дальше. Если ты повернул — то увеличиваешь шансы на выживание, но тогда твоя экспедиция точно неудачна. Для социологов, пессимистически предполагал я, проект построения кумулятивной науки, был чем-то вроде гигантского лохотрона. Остановившись, они отказались бы не только от своих перспективы обнаружить, что находятся в правильном пузыре, но и перспективы всех своих предшественников занять место в истории науки. Поэтому социологи делали массу разных вещей для того, чтобы, например, забывать или

[6] *Angrist, J. D., Pischke, J. S.* The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics. // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. No. 2. P. 3-30.

[7] *Sokolov, M.* A sociology of regret // European Journal of Social Theory. Vol. 26. No. 1. P. 3-23.

изолировать себя от каких-то влияний, мешавших им верить, что они находятся внутри успешного проекта научного познания общества.

То, что я рефлекторно цитировал Гофмана несколько минут назад как автора идеи о том, что быть — не лучший способ кем-то казаться, было невольной иллюстрацией сказанного. Разумеется, до Гофмана значительная часть художественной литературы под разными углами эксплуатировала ту же самую идею. «Театр» Моэма — очевидный, но никоим образом не единственный пример. Но социологи учат своих студентов проводить границу между Социологической Теорией и литературой, или Качественными Методами и журналистикой чтобы не испытывать некомфортных ощущений от того, что открытия их кумиров — вовсе не открытия. Подозреваю, по этой же причине большинство профессиональных социологов являются не очень активными читателями художественной литературы.

Как это стыкуется со свободой от ценностей? Ну, потому что, когда, ко всем прочим ставкам, на которые играет наш мыслительный коллектив, мы привносим еще и ценности, мы поднимаем ставки еще выше. Теперь мы не можем признать, что были неправы, потому что это еще и скомпрометирует политические идеалы, которые мы разделяем, и идеалы наших предшественников. Мало того, что мы заблуждались и показали профессиональную некомпетентность, мы ещё, получается, были горе-пропагандистами, которые старались обманом вести людей за собой. И чем больше мы этих ценностей привнесли, тем меньше нашего желания со всем сделанным расставаться и больше потребности пытаться залатать дыры в тонущем корабле.

И. Д.: Ещё один вопрос в антропологическом модусе связан с феноменом академического признания. Меня очень удивило в первой главе знаменитой книги Homo Academicus «Книга для сожжения», что Бурдьё пишет об академическом признании, как о таком необъективном остатке социальных отношений, как будто это что-то отличающееся от просто борьбы за чистый престиж, как оно выглядит в концепции признания от Гегеля и далее. И мне очень интересно обратиться к вам с таким вопросом как к человеку, который действительно одним из первых начал изучать академическое признание в России. Действительно ли можно это различие между борьбой за признание, то есть борьбой за чистый престиж, и этим устремлением к признанию каким-то образом провести?

М. С.: Бурдьё как я его понимаю, применительно к науке занимал позицию, похожую на позицию Адама Смита применительно к рынку. Он бы возненавидел, безусловно, любого, кто ему бы это сказал, но его логика примерно такая же. Поле науки устроено так — по крайней мере, на его правильном полюсе ограниченного производства — что единственный способ увеличить свой престиж — продви-

гать науку. И в этом плане борьба за престиж, признание и за истину происходят одновременно. Никакой воли к истине, отличной от политического или микрополитического интереса, здесь не предполагается. Да и не нужно. Пусть даже человеческие мотивации всегда в основном низменные, это совершенно неважно, потому что, продвигая свои собственные интересы, мы продвигаем науку наилучшим образом. Невидимая рука, воспетая Айн Рэнд, действует и в науке тоже.

Другое дело, что все те исследования, которыми мы занимались, добавили тут какое-то количество акцентов, которые именно бурдьевистскую картину академического мира ставят под некоторое сомнение. Например, бурдьевистская логика состояла бы в том, что группы с разными конфигурациями капиталов или ресурсов пытаются переопределить границы поля таким образом, чтобы именно их продукты в этом поле были самыми ценными. Но эмпирические подтверждения для этого оказываются, в общем, довольно слабыми. Тот признак, который структурирует в России разные академические вселенные — и исследования признания в разных дисциплинах это показывали, — во многом строится вокруг двух полюсов, западнического и славянофильского. Можно найти какой-нибудь более нейтральный термин — глобалистского и локалистского, например. Было бы логично, чтобы эти разные полюса привлекали людей с разными унаследованными ресурсами, и чтобы накопление ресурсов превращалось в микрополитическую позицию. Например, дети, которых в детстве посылали в английские школы, хорошо знающие английский язык, используют этот ресурс для того, чтобы напечатать много статей на английском языке. Потом они же громче всех продвигают идеи о том, что только публикации в англоязычных журналах — и те приемы и темы, которые в этих журналах приветствуются — вообще заслуживают звания науки. Если им удается захватить контроль в поле, все остальные оказываются выдавлены или на какие-то маргинальные позиции, или из поля вообще, а оставшиеся у них ресурсы доминирующая фракция перераспределит между собой.

Бурдьё, применённый к миру с карательной наукометрией, заставляет нас ждать какой-то такой картины. Но на самом деле картина не очень складывается. То, что мы видим на российских обществоведах, в эту картину укладывается плохо. Есть статьи, которые находили какие-то подтверждения, например, у моей коллеги из Европейского университета Катерины Губы[8]. У неё получилось, что отношение к наукометрии действительно как-то связано с собственным публикационным опытом. То есть, чем выше импакт-фактор, тем лучше люди думают о наукометрии. Каузальность здесь очень за-

[8] *Guba, K.* Why do sociologists on academic periphery willingly support bibliometric indicators? // Scientometrics. 2024. Vol. *129*. No. 1. P. 497-518.

путанная, потому что, может быть, у них выше импакт-фактор — они лучше думают о наукометрии, а может, они лучше думают о наукометрии — поэтому публикуются так, чтобы у них был выше импакт-фактор. С наличными данными установить ничего невозможно, но как будто какая-то предсказательная сила есть. Но на других выборках это не работало никак: есть значительное количество людей, которые говорят, что лучшие статьи публикуются в англоязычных журналах, их средний уровень значительно выше, чем в русскоязычных, но при этом [они] не то что сами ничего там не публиковали — не читают их, потому что английским языком не владеют. Это то, что мы получили на большей по размеру выборке экономистов[9].

Где здесь, спрашивается, политический интерес? Опять же, мы не нашли следов прямой конвертации унаследованных капиталов в позиции в поле науки. Мы бестактно спросили экономистов (а они безропотно ответили), чем занимались их родители, какой у них уровень образования, включая учёную степень, и в какую школу они ходили. Некоторые связи были такими, какими мы и могли бы предполагать. Дети кандидатов наук ходили в английские школы, это хорошо видно. Но дальше никакой однозначной связи с тем, на каком языке они печатались и читали статьи почему-то не находится.

То есть, общеполитические взгляды явно проникают в науку. Научный локализм или глобализм очень тесно переплетены с более широкими политическими ориентациями[10]. Настолько, что они кажутся вообще тождественными друг другу. Но именно бурдьевистская картина социального мира, в которой разные фракции с разными ресурсами, с разными капиталами пытаются передвинуть границы поля так, чтобы эти границы были для них наиболее благоприятны, — вот такая картина не складывается. Можно создать мыслительный коллектив, который за счёт разных анекдотических примеров убедит себя в том, что ещё немного порасспрашивать — и она точно сложится, но шансы этого коллектива на успех выглядят сомнительными.

Андрей Герасимов: Я бы поспорил по поводу интерпретации Бурдьё, но не буду этого делать, потому что уже не раз с Михаилом спорил, и, наверное, повторять это будет не так интересно. Поэтому

[9] *Libman, A., Sokolov, M.* Can Western economics survive in an anti-Western regime? Intellectual universalism and the internationalization of economic science in Russia // European Review of History: Revue européenne d'histoire. No. 32. Vol. 4-5. P. 435-462.

[10] *Sokolov, M.* Totalitarian liberals, imperialist decolonizers: The strange history of sociology in Russia // *Routledge Histories of Sociology Handbook* / S. Moebius, N. Holzhauser, A. Ploder (eds.). Routledge, 2026.

я приготовил другие вопросы. Первый: STS[11] как некая предметная область, начиная, наверное, с 70-х годов, по крайней мере на Западе, но даже чуть-чуть в России, институциализировалась. Есть какие-то журналы, факультеты, образовательные программы, которые учат людей STS, есть исследовательские центры. В то время как в социологии общественных или гуманитарных наук даже нет слова, которое описывает эту область: одни люди называют себя социологами социальных наук, другие — социологами знания, третьи — социологами экспертизы и так далее. И эти люди ещё обычно друг с другом не общаются, даже если пишут про одно и то же. В общем, у них на кабинетах будут разные таблички. Почему всё так плохо? Почему не состоялось даже какого-то магистрального дебата вокруг этой темы, не говоря уже об институциализации — такое ощущение, что до неё ещё надо очень много миллионов лет пройти, потому что нужно создать какой-то аллод, как говорят медиевисты, и его возделывать. Но его никто не создаёт. При этом интерес к области большой. Действительно, очень много разных групп в разных странах занимается очень похожими вещами. По крайней мере, в России, там, где вы раньше работали, ЦИАНО[12] был большим коллективом, который очень активно это исследовал.

М. С.: Андрей, я как раз думаю, что наши разногласия в понимании Бурдьё, и особенно ваш взгляд, многим будут куда более интересны, чем то, что я могу ответить сейчас, потому что на ваш вопрос у меня нет никаких ответов, кроме совершенно очевидного. Социология научного знания начиналась с большого тезиса в духе той самой революции 60-х: всё, что мы знали о мире, неправда. Мы верили в то, что есть объективное научное знание, — так вот его нет. Возникновение социологии научного знания было частью большой конструктивистской волны, когда всё оказывалось социальным конструктом, всё оказывалось относительным, гендер оказался социальным конструктом, нация оказалась социальным конструктом, и научная истина, разумеется, тоже — социальный конструкт. Это было одно большое радикальное послание, которое отражало дух эпохи и для многих ощущалось как глоток свежего воздуха.

Значительная часть авторов этих исходных работ, как вы знаете, потом сказали, что передумали, погорячились — как Латур перед смертью, — отчасти потому, что настроение их аудитории тоже изменилось. В 60-е годы критиковать науку было прогрессивно, а защищать науку было, наоборот, реакционно. Верить в науку — значило

[11] Science and Technology Studies — социальные исследования науки и технологий.

[12] Центр институционального анализа науки и образования Европейского университета в СПб.

присягать на верность технотронному капитализму, логоцентричной цивилизации и даже американскому ВПК, если мы берём американский контекст. Парадоксальным образом, сейчас, пройдя по американскому университетскому городку, мы увидим, что “science is real” стала частью той же самой прогрессивной позиции, которая сочетается с разными эмансипаторными движениями, в 60-х, наоборот, науку критиковавшими. То есть произошёл неожиданный поворот на 180 градусов. И поэтому в связи с глобальным потеплением и в связи с ковидом статус научной истины изменился и снова вырос в глазах левой и либеральной аудитории. И STS, которое за это время превратилось в широко институционализированную область, отреагировало, конечно, на все эти изменения, как и на необходимость доказывать свою практическую полезность и востребованность в эпоху академического менеджериализма.

Моё впечатление об STS сейчас — ощущение постороннего (поскольку я не занимаюсь STS, оно может быть очень поверхностным), но мне кажется, оно благополучно превратилось в область прикладной или эмпирической моральной философии, которая обсуждает вопросы вроде: а с какого момента мы можем считать, что у искусственного интеллекта есть сознание, права, личность? Ясно, что этот вопрос в ближайшие десятилетия никуда не денется, и STS оказалось в очень удачном положении для того, чтобы это обсуждать. И ответ на него, кроме того, интересен огромному количеству людей за пределами науки, потому что он сопряжено с огромным количеством практических решений. Если говорить о том, о чём сейчас думают во всех университетах во время сессии, — какое использование генеративного интеллекта сохраняет за человеком авторство текста? Когда мы должны студентов карать за неавторизованное использование искусственного интеллекта, например? Если мы придумали промпт: тогда то, что ИИ выдал в ответ на промпт, — это наше произведение или не наше? Можно, конечно, дать абсолютистскую позицию: «нет, всё не наше, кроме того, что мы написали сами от первой буквы до последней», но она выглядит явно ретроградной. Статистический коэффициент мы больше не считаем руками. И правописание свое мы тоже не поправляем, и уж, тем более, не пишем свои тексты от руки. Почему такое использование машины мы не считаем ограничением авторства, а промпт считаем? Есть огромное количество совершенно практических вопросов, которые, немножко копнув, выводят нас на большие философские вопросы, и STS заняло эту нишу, так что, в той мере, в какой за будущее хоть чего-то в наше время можно быть спокойным, за будущее STS можно не волноваться.

С другой стороны, поскольку открытия социальных учёных проникают в жизнь простых людей гораздо менее очевидным способом, то и интересны они большей частью самим социальным учёным. Потенциальная аудитория для таких исследований гораздо меньше. Поэто-

му я не сказал бы, что (опять же, с частичным исключением экономики, которая тут занимает особую нишу), что социология социальных наук имела какие-то шансы развиться в большое предприятие. Так что для нас с вами тут всё выглядит не очень радужно.

А. Г.: Я конечно, не буду спорить, потому что [тоже] считаю, что аудитория для социологии социальных наук намного меньше. Но это не объясняет вот такого феномена — что всё-таки аудитория есть, и исследователи есть, но между ними нет никаких, скажем так, социологических сетевых связей. То есть они подчёркнуто игнорируют друг друга. Я вспомнил такой анекдот. Есть два очень крупных американских социолога, которые, может быть, являются в каком-то смысле вершиной социологии знания. Это Рэндалл Коллинз и Эндрю Эбботт. И они написали друг на друга рецензии. Рецензия Коллинза довольно благожелательна — видно, что он приглашает Эбботта к разговору и к какой-то дискуссии. Эбботт отвечает: «Ваша книга — полная ерунда, это полный бред». И рецензия заканчивается так: «Я не рекомендую читать эту книгу». То есть, несмотря на понятное отсутствие институциональных возможностей и финансирования, всё равно даже те люди, которые есть, каким-то образом умудряются — даже если они сталкиваются, скажем, на конференции, — они всё равно проходят мимо друг друга. И вот этот социологический феномен лично я не могу объяснить. Можете ли вы это сделать?

М. С.: Моё объяснение состояло бы здесь в том, что какие-то научные специализации или области гармонично развиваются, если есть очевидные фигуры, начинающие исследования в этой области. Допустим, у нас есть территория-аллод, которая чья-то. Если есть исходные авторы, то дальше всё может более-менее пристраиваться к их работам: развивать, критиковать, отвергать. Все равно у всех есть какая-то общая исходная точка. Но представим себе, что в одной и той же области сразу очень много людей написали какие-то работы, которые могут считаться основополагающими, и с кем из них надо соотносится — совершенно непонятно. Социология науки могла себя как-то позиционировать относительно Мертона: объявлять себя новыми поколениями, добавлять новые переменные, находить у самого Мертона, певца универсализма, всевозможные предубеждения, — это всё пожалуйста. Но при этом там был какой-то ясный центр, и в результате она сохранила — или сохраняла до того, как STS и наукометрия окончательно ни выделились в отдельные специальности, — некоторое подобие общего центра.

Но когда мы говорим про социологию социальных наук, более-менее все социологи испытывают почти рефлекторную необходимость объективировать своих оппонентов и имеют полные возможности для этого. В связи с чем там не было никакого ядра, из которого эта общая

специализация могла бы развиться. В результате пространство внимания (если заимствовать термин у Коллинза) исходно было предельно фрагментировано. У Коллинза есть запоминающийся образ равнины, на которой много-много людей кричат: «слушайте меня, слушайте меня!» И если им повезло, и вначале они слушали кого-то одного, а потом даже совершенно отказались этого кого-то слушать, но когда-то у них этот опыт был, — у них есть больше возможности услышать друг друга. А когда они все сразу слушали каждый только себя, потому что имели более-менее равные основания и возможности высказываться на какую-то тему, — диалога особенного нет, то есть никакого общего фокуса внимания не возникает и не сохраняется, потому что там не было отцов и матерей-основательниц.

А. Г.: Тогда перейду к другому вопросу. Несмотря на то что Ирина пыталась показать, что между вашими разными манифестами есть разный взгляд на социологию, я в риторических целях скажу, что вы склоняетесь, на мой взгляд, по крайней мере в своих реальных исследовательских работах, к такому более-менее объективистскому взгляду на социологию. То есть какая-то социальная реальность всё-таки существует, и мы её можем — тоже со всеми скобками, кавычками — безоценочно изучать.

И что очень ценно, вы не просто теоретически высказываете эту точку зрения, как многие социологические теоретики в вакууме, вы сами это практикуете. По крайней мере, вы сами и ваши коллеги написали очень много очень интересных статей практически по каждой российской общественно-гуманитарной дисциплине: и про экономистов, и про историков, и про политических учёных. Такой взгляд — объективистский, построенный в том числе на использовании количественных методов, — он уже много десятилетий критикуется, обычно с двух сторон. Одна часть, назовём её в кавычках «правая», скажет, что в целом нельзя никаким образом объективно изучать людей, особенно которые производят знания, потому что каждый мыслитель уникален, его биография абсолютно уникальна, каждая идея заслуживает глубокого прочтения. А вы им отвечаете: «Вот в таком-то году родилось больше великих социологов», — и люди падают в обморок сразу. Для другой части, назовём её тоже в кавычках «левой», — в целом такой объективный подход к исследованию академических институций за ним есть всегда какая-то подозрительность. Невозможно изучать более-менее безоценочно: там наверняка есть какой-то либо западный, колониальный… и далее по тексту много дискурсов. Вопрос, конечно, на миллион рублей, но если вам надо кратко «продать» всё-таки исследования социально-гуманитарного знания и ответить на вот эти два возражения — что бы вы сказали?

М. С.: А почему первый взгляд «правый»?

А. Г.: Я говорю в кавычках. Потому что, например, условно «левый» взгляд, который на Западе левый, на постсоветском пространстве часто перехватывают какие-то люди, которые скорее политически правые… Назовём его интерпретативным и критическим, хотя те же названия, может быть, не отражают всей сложности.

М. С.: Может быть, я живу в каком-то своём пузыре, и до меня новости ни справа, ни слева не долетают. Но удивительным образом по поводу наших исследований никто не говорил ни того, ни другого. Возможно, потому что мы эксплицитно опирались на Бурдьё, а с Бурдьё среди современных социологов спорить не принято. Среди «левых» — безусловно. А среди «правых» — бог его знает, правых социологов вообще не существует, если мы не понимаем под «правыми» традиционных гуманитарных историков.

А. Г.: Могу назвать имена.

М. С.: Да, давайте, называйте.

А. Г.: Действительно, в кавычках «слева» мне тяжело вспомнить, кто именно ваши исследования критиковал, но вот с некой интерпретативной традицией я помню очень гневные высказывания, например, Виталия Куренного, который говорил о том, что объективировать нельзя, и знание — это какая-то священная корова. Извините, я немножко иронически, скорее на вашей стороне здесь. Но я помню, что плеяда философов, скажем так, они очень любят вот такого рода возражения.

М. С.: Если говорить про эмпирическую социологию социальных наук, мне кажется, что общая тональность определяется тем, что это всё-таки достаточно маленькая область, если мы берём количество людей, которые делают какие-то исследования. Это может показаться противоречащим тому, что я говорил, но противоречие мнимое. Нормальная научная область состоит из небольшого числа больших теоретиков и большого числа эмпириков. По вопросам социологии социальных наук, однако, высказывалось много больших теоретиков, которые объективировали друг друга — при этом, в ней всегда было ничтожно мало эмпириков. Это так мало людей, что они радуются, если кто-то ещё оказываются вместе с ними в одной лодке, и почти не критикуют друг друга. И так очень хорошо, и сяк очень хорошо. Если мы представим себе традиционных социальных историков социологии, RC08 Международной социологической ас-

социации[13], — это одна из самых приятных, дружественных, деревенских (по Тони Бехеру[14]) специальностей, когда люди приезжают и рассказывают истории, каждый своей страны. И все они очень любят эти истории. Как продолжения любимого сериала, который раз в несколько лет они слышат: что там ещё наисследовали про Лазарсфельда в 20-е годы или про мексиканских контианцев в XIX веке. То есть это очень приятное в социальном смысле окружение, где точно никто никого не будет преследовать, потому что использованы количественные методы, а не интервью, или наоборот.

В отношении интерпретативной научной традиции — может быть, я опять прослушал самую важную критику, потому что был в своём пузыре. Но применительно к исследованию количественными методами я бы сказал, что если что-то удерживает нас от того, чтобы превратиться в уж совсем изолированный мыслительный коллектив в социальных науках, это только количественные данные. Кто кого смог убедить с помощью качественных методов? Не слишком хорошо удерживают, потому что они тоже подвержены разным интерпретациям. Но, по крайней мере, эти разные интерпретации предполагают какой-то рецепт, как можно из них выбирать лучшую. Разные интерпретации текстов Бурдьё могут существовать практически бесконечное время рядом: например, ваша и моя. Это лучший ответ, который я могу придумать.

А. Г.: Это тоже хороший ответ, хотя бы честный. Ещё один вопрос, который я хотел задать вам, — потому что меня спрашивают, а у меня нет ответа. Вопрос состоит в том, что в социологии, и в том числе в социологии знания, куда-то делись большие классики. Вы частично сказали, что есть фактор, связанный с поколением, переосмысляющим прошлое 60–70-х годов. Но если всё-таки перестать молиться на классиков, и если вам нужно назвать какие-то большие работы в этой области (я не знаю, как её назвать: социология социальных наук, социального знания), которые вышли за последние годы, что бы вы сказали? За чем нужно следить, за какими прорывами, есть ли они вообще? Если их нет, то это уже ответ.

М. С.: Из того, что я сказал, следует, что я должен сейчас сказать, что их нет. В моей интерпретации социологической истории — большинство социологов с ней, возможно, не согласятся, но тем не менее — социология вообще-то стала парадигматической наукой.

[13] RC08 — это исследовательский комитет по истории социологии в составе Международной социологической ассоциации (ISA).

[14] *Becher, T.* The counter-culture of specialisation // European Journal of Education. 1990. Vol. 25. No. 3. P. 333–346.

Несмотря на то что нас учили думать, что она мультипарадигматическая, она стала вполне себе парадигматической. В ней сменились три парадигмы. Опять же, в очень спорной интерпретации Куна, согласно которой парадигма — это общий взгляд на вещи, оставляющий для последующих поколений учёных задачу как-то договориться о деталях внутри общей картины.

Была парадигма XIX века, которая точно определяла, что такое социология. Социология — это наука о прогрессе, а ее основная задача — расположить, используя исторический и этнографический материал, общества в линейной последовательности, показывающей, как они превращались из одного в другое, — от наиболее примитивного к современной Англии — а затем спроецировать эту последовательность в будущее и вывести из этого ориентиры прогрессивной политики. «Происхождение семьи» Энгельса представляет собой замечательную иллюстрацию. Энгельс верит, что, сколько бы антропологи ни обнаружили систем родства, они все соответствуют какой-то стадии единой траектории развития. И поэтому наша задача — реконструировать, как они эволюционировали из одной в другую, так, чтобы все известные системы встроились в одну общую картину. Он не сомневался в том, что эта картина есть. И, кроме того, для него было очевидно, что, хотя на сегодня моногамная буржуазная семья — это самая прогрессивная форма, но если мы проследим всю эволюцию, мы можем угадать тренд и понять, что будет дальше.

Социология в XIX веке это: «поймём логику истории, проследим, что отличает самых примитивных дикарей от современной Англии, и попробуем угадать, что будет дальше, и приблизить это светлое будущее». Спенсер, Маркс, Дюркгейм попадут в это широкое определение. Только в 1890 году выходят две первые читаемые сегодня социологические работы, которые не принадлежат к этой парадигме. Тённис, у которого явно нет идеи прогресса — *Gesellschaft* идёт после [*Gemeinschaft*'а], но он не лучше в моральном или политическом смысле. Тённис скорее симпатизирует *Gemeinschaft*'у и у него нет никакой идеи «давайте приближать светлое будущее». И «Законы имитации» Тарда, который вообще прогрессом не очень интересуется, — и поэтому, к слову сказать, кажется нам невероятно современным по сравнению с другими классиками.

Потом снова появляется что-то типа парадигмы после общего периода упадка. И эта период, когда люди задаются парсонсовским вопросом «как вообще социальный порядок возможен?» Легко связать это с их социальным опытом 20-х и 30-х годов — Мировая война, революции, Великая депрессия, тоталитаризм. Что вообще удерживает людей от того, чтобы поубивать друг друга? У Парсонса как раз есть идея эволюции, он в духе XIX века встраивает в своё общее теоретизирование о порядке идею направления развития системы действия. Но для массы людей, которые проводят исследования, опи-

раясь на «Структуру социального действия» и «Социальную систему», его идея исторической эволюции неважна, а важен общий протокол для описания какой-то социальной реальности: какие есть в каждом случае противоречия между ценностями, нормами и индивидуальными импульсами, как они регулируются или не регулируются существующими институтами, и так далее. Собственно, Парсонс вполне заслуженно был таким великим именно потому, что он обеспечил огромное количество даже не во всём с ним согласных социологов пониманием того, что им делать, если их разбудят ночью и скажут: «напишите социологию „Гарри Поттера“».

Потом у нас был второй революционный период, о котором мы уже успели поговорить, и который и породил нашу современную социологическую теорию, закончившуюся в 80-х. И у нас есть новое понимание того, чем занимаются социологи: они исследуют социальное неравенство. То есть главная проблема социологии — как объяснить, почему в списке Forbes очень мало темнокожих лиц, среди чемпионов мира по шахматам никогда не было женщин, и почему нобелевские лауреаты по естественным наукам — это сплошь белые мужчины из стран глобального Севера. Как это объяснить без того, чтобы ссылаться на «Господь так решил» или гены? Это большая тема социологии — скрытые механизмы воспроизводства социального неравенства. 80% того, что пишут социологи, более-менее однозначно вписывается в эту повестку.

При этом, те области, которые по какой-то причине не очень в эту повестку вписывались, превращались в отдельные дисциплины. Скажем, была социология организаций — стал организационный анализ. Потому что вопрос эффективности работы организации встречал большой общественный интерес (платёжеспособный, замечу) вне связи с темой неравенства. При том, что, конечно, неравенства внутри бюрократии будут тоже много исследоваться. Но там есть какая-то альтернативная повестка — как бюрократия работает или не работает, — которая стоит в стороне от этого. Была этнометодология, которая превратилась в значительной степени в область лингвистики. Конверс-анализ не обязательно задаётся вопросом о равенстве, а [спрашивает] о том, как люди вообще способны понимать других людей. Или наукометрия, или STS, которые не были связаны с большой социологической повесткой. Они все оказались за пределами мэйнстримной социологии.

В пределах социологии, если мы сегодня наберём аудиторию способных аспирантов и скажем: «напишите на два абзаца короткий очерк социологии „Гарри Поттера“», — я ставил этот эксперимент, можете поставить и вы — большинство социологий «Гарри Поттера» будет про гендерные стереотипы, про проблему расизма в Хогвартсе, про то, как дети разных классов читают «Гарри Поттера», используя его потом как коммуникативный ресурс для выстраивания отношений с детьми своего же класса, и как более грамотно дети из семей с

высоким культурным капиталом читают «Гарри Поттера» правильно по сравнению с детьми из семей без культурного капитала. То есть, в общем, это даёт нам какую-то универсальную отмычку: мы знаем, что делать с «Гарри Поттером». И это как раз потому, что у нас есть общий консенсус, есть общее понимание, парадигма. Прорывные, отличные от всех работы не то чтобы очень сильно приветствуются или ожидаются. Нам вполне хватает Бурдьё. Бурдьё стал главным современным социологом, потому что он представил набор готовых отмычек, которые подходят почти ко всему.

Опять же, социология хотела быть кумулятивной наукой. И она в какой-то степени стала кумулятивной наукой. Есть некое общее понимание, есть консенсус, есть ощущение достижения, когда мы применили новые, более изощрённые методы для того, чтобы что-то посчитать. Ощущение движения вперед достигается как минимум за счет усовершенствования методов, пусть даже сами открытия и не выглядят особо новыми. И действительно, есть огромное количество очень изобретательно написанных эмпирических работ, которые используют новые данные, новые методы анализа, чтобы убедиться в том, что женщин цитируют меньше, чем мужчин, например. Но есть гораздо меньше запроса на то, чтобы придумать какие-то проблемы, которые в нашу общую повестку не очень укладываются. В целом, за последние 40 лет я бы сказал, что социология пришла к тому, чем была социальная статистика в XIX веке — количественные обследования с прогрессивной политической повесткой.

Это был ответ на вопрос о том, почему назвать свежие интересные работы так трудно. Но если называть имена, то есть разные постколониальные работы, которые вы, Андрей, знаете гораздо лучше моего. Или вот Моника Краузе, например, если мы говорим о социологии социальных наук, — она написала очень интересную работу о статусе разных случаев[15]. Из того, что я бы рекомендовал из свежих работ, это явно приходит в первую очередь на ум. Но они все прекрасно иллюстрируют ту тенденцию, о которой я говорил.

А. Г.: Если расширить вопрос за пределы социологии знания, или даже ядра социологии, если мы его определяем как социологию социальной стратификации, — что бы вы посоветовали? Может быть, в каких-то маргинальных областях есть что-то близкое прорывному духу социологии, как вы его понимаете? Или даже там ничего нет?

М. С.: Если мы берём то, что мне кажется очень интересным, оно, по большей части, будет происходить не из социологии, а из поведен-

[15] *Krause, M.* Model Cases: On Canonical Research Objects and Sites. University of Chicago Press, 2021.

ческой экономики или социолингвистики. Последняя книга, которую я тут невольно порекомендую — “Common Knowledge” Стивена Пинкера[16]. Невольно — потому что один из самых неприятных опытов в академической жизни — это прочитать у кого-то другого свои тщательно вынашиваемые на протяжении долгого времени мысли. И Пинкер действительно сделал много вещей в этой книжке, которые я обдумывал последние годы (и, к счастью, не сделал много других вещей, так что мне, кажется, ещё есть что сказать на эту тему). Но “Common Knowledge” совершенно замечательно берёт терминологию и проблематику из поведенческой теории игр или эпистемической теории игр и добавляет туда социальную лингвистику. Там появляется только самая капелька социологии, хотя в действительности как будто должно быть очень много. И вот эта книжка строится на той литературе, которую я читал последние годы.

А. Г.: Правильно я понимаю, Вы настроены относительно социологии пессимистично? И если я, может быть, так заострю: молодой человек, который хочет оставаться на острие по духу социологического исследования, должен скорее поступать на социолингвистику, потому что там проблемы имеют больше пересечения с классиками социологии, чем в современной социологии это происходит?

И. Д.: Можно я дополню? Вот этот пессимизм в отношении проекта большой социологии как науки с таким мессианским импульсом, — очень созвучно тому, что говорил Александр Фридрихович Филиппов на нашем большом паблик-токе в Шанинке[17], где он сказал публично при большом стечении народа, что социология как проект закрыта. Давайте больше не будем об этом говорить. Но именно поэтому нужно заниматься, как ни странно, фундаментальной социологией. Хотелось бы действительно одновременно на вот эти две реплики получить какой-то ваш результирующий ответ.

М. С.: Да, я могу добавить, что я не рекомендовал бы никому поступать на социологию сейчас. То, что я сам на неё поступил, было ошибкой. Ну, в смысле, если бы я мог отправить какое-то послание самому себе на расстоянии 30 лет — это было бы, пожалуй, «не поступай на социологию». То есть я вообще всегда говорил, что не надо получать социологического образования, по крайней мере в качестве первого. Потому что история, филология, математика — вот практически всё, что угодно, — лучше как бэкграунд для социолога, чем

[16] *Pinker, S.* When Everyone Knows That Everyone Knows...: Common Knowledge and the Mysteries of Money, Power, and Everyday Life. Scribner, 2025.

[17] Предполагается к публикации в журнале «Пути России», 2026, № 3.

учить Дюркгейма с самого первого курса, а потом ещё раз в магистратуре, а потом ещё раз в аспирантуре.

Это общий совет, который касается характера изучения социологии в целом. Но с социологией не стоит связываться и по еще нескольким причинам. С ней не стоит связываться, если вы хотите драйва. Если выбирать общественнонаучную специальность, ориентируясь на драйв, который в ней есть, единственным выбором сегодня, пожалуй, будет экономика. Экономический империализм как будто приобрёл новое дыхание. Прежде был экономический империализм, который строился на универсальности модели рационального выбора, а сейчас у нас есть экономический империализм, который строится на универсальности методов — методов, которые как раз как исторические квазиэксперименты могут быть приложены к чему угодно. Можно посмотреть на последние работы Хекмана про детскую социализацию[18] — тематически примерно то же, что социология детства исследовала последние лет семьдесят. Социологию детства он не упоминает, а если его спросить: «Что же вы не упоминаете социологию детства?» — он скажет: «Ну, всё это смутные догадки, построенные на непроверенных данных. Посмотрите на мои естественные эксперименты. Вот наконец-то пришла настоящая наука. А зачем мне было читать вашего Бурдьё, если я и так всё придумал без вашего Бурдьё?» И, в общем, не поспоришь — действительно много чего придумал совершенно независимо.

Поэтому, мне кажется, у экономистов не было бы проблемы сказать, кто сейчас самый интересный экономист младше 50. Для социологов, а также антропологов или социальных психологов, боюсь, этот вопрос будет трудным, и ответ, если его вообще получится дать, у каждого свой. Социологи в этом контекст вообще смогут назвать только очень пожилых людей. Если мы на большом социологическом мероприятии попросим собравшихся назвать самого значительного ныне живущего социолога, то имена, которые будут встречаться чаще всего, будут принадлежать людям за 80 лет: Арли Хохшильд уже 86, Юргену Хабермасу до 100 немного осталось. Все остальные будут называться с большими сомнениями, и по их поводу будет гораздо меньше консенсуса. А с экономистами всё иначе. Про социолингвистов я уверен несколько меньше, но вот с экономистами это, безусловно, не так.

Все эти мои пессимистичные рассуждения не означают, что социология исчезнет. В этом смысле, она обещает не меньше стабильности, чем любая иная. Мы изучаем неравенство с использованием всё более изощрённых методов и масштабных данных — и, в общем, вполне этим довольны. Понятно, что социальная статистика никуда

[18] См. например: *Хекман, Дж.Дж*. Равные условия для всех детей: стратегия, которая работает / пер. с англ. Э. Л. Емельяновой. — М.: Мозаика-Синтез, Изд-во Московского ун-та, 2018.

не денется. И проблемы, которые с её помощью можно анализировать, никуда не денутся, хотя голодные выпускники экономических факультетов и могут покуситься на эту территорию.

Если для социологии есть какая-то опасность, то она исходит она не со стороны потери спроса на её результаты, а с той, что для неё, как для дисциплины со своим каноном есть риск, что необходимость этого канона будет поставлена под сомнение. Может быть, социология как дисциплина с лояльностью своим классикам, поддерживающей в себе ощущение цельной кумулятивной науки, и исчезнет в следующие десятилетия. Для того чтобы изучать гендерное неравенство, нам необязательно читать Дюркгейма. Много людей могут его изучать, не читая Дюркгейма, и производят примерно те же результаты, которые производят люди, читая Дюркгейма. Правда, эти результаты — примерно те же, что получали люди, не знавшие современных продвинутых методов и не имевшие доступа к Большим данным, но об этом сейчас думают меньше.

Вообще, идея, что изучение классической социологии так организует наш ум, что мы интерпретируем наши эмпирические результаты лучше, чем без нее, может в принципе быть неверной, или, как минимум, переоцененной — и новые поколения могут догадаться, что она переоценена. Поль Вен[19] (я помню, мы с вами, Андрей, его обсуждали сколько-то лет назад) иронически замечал, что большая социологическая теория — это такой набор трюизмов, попытка выдать простейшую житейскую мудрость за отдельный корпус эзотерического знания. Поэтому так сложно рассказать не-социологу что, собственно, открыли социологи. И так мы примерно можем угадать, что эти результаты значат, читали ли мы Дюркгейма или нет. Конечно, статистические результаты будут получаться и анализироваться дальше. Не буду сейчас рассуждать, какую роль во всём этом будет играть искусственный интеллект — безусловно, какую-то будет. Но само это занятие никуда не денется.

Последнее — чтобы не звучать слишком фаталистически, — мы не знаем, не последует ли за двум случившимися еще один парадигматический сдвиг. Некоторые его признаки не так уж трудно разглядеть. Может быть, как людям свойственно искать подтверждения своим взглядам, так им свойственно уставать постоянно видеть вокруг себя одно и то же. Примером может быть, например, то, что полное отвержение генетики в объяснении социального неравенства, — оно вроде бы уходит в прошлое. То есть в 70–80-е годы какие-нибудь исследования школьной успеваемости благополучно включили бы в качестве независимой переменной тест интеллекта. Потом это стало совершенно невозможно, потому что тесты интеллекта, разумеется, превратились

[19] *Вен, П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир. 2003.

в измеритель унаследованного культурного капитала, а не врожденных способностей. Сейчас, в общем, тесты интеллекта снова появились в разных стратификационных работах. И вдруг оказалось, что, возможно, именно биологическая наследственность объясняет большую часть того неуловимого процесса наследования школьной успеваемости, которую Бурдьё пытался объяснить с помощью габитуса и культуры разных классов. Пять лет назад мы это вообще не обсуждали. Сейчас стали снова обсуждать. Есть и более парадоксальные сюжеты: например, известная команда датских социологов культуры опубликовала исследование, согласно которому монозиготные близнецы имеют гораздо более сходные художественные вкусы, чем дизиготные, даже если они росли под одной крышей и должны были унаследовать идентичный культурный капитал[20]. Как это вписывается в преобладавшее последние 30 лет виденье задач социологии культуры? Честно говоря, никак. Но, по крайней мере, такие работы больше не отвергаются социологическими журналами сходу.

Подводя итог, однажды современная социология заставила людей проснуться в странном и незнакомом мире. За годы своего доминирования, нынешняя парадигма сделала свое понимание общества социального неравенства частью здравого смысла глобального среднего класса. Все знают теперь, что есть гендерное неравенство, что если у нас есть какая-то публичная дискуссия, особенно пленарная, и там одни мужчины — что-то идёт неправильно, надо что-то поменять. В том, что это форма сензитивности распространилось, социология сыграла некоторую, даже, пожалуй, большую роль. Однако, став частью здравого смысла, она оказалась перед дилеммой, контуры которой можно угадать еще в «Социологическом воображении» Миллса. Миллс говорит, что нам надо практиковать социологическое воображение, удивляться знакомому и, одновременно, что нам надо видеть политические проблемы за частными несчастьями. Но что, если видеть политические проблема за частными несчастьями само по себе стало самым распространённым способом смотреть на вещи, не требующим никакого воображения?

Как минимум, однажды социология заставила значительную часть человечества взглянуть на свой дом как на незнакомый, но потом человечество обжило и этот новый дом, полюбив и его, несмотря на многочисленные скелеты в шкафах. Социология, таким образом, оказалась перед выбором — или разрушить созданную ею же конструкцию, или отказаться от своей роли разрушительницы ментальных миров. Мы видим, что пока выбор склонялся скорее в сторону последнего. Но нельзя гарантировать, что этот выбор окончателен.

[20] *Jæger, M. M., & Møllegaard, S.* Where do cultural tastes come from? Genes, environments, or experiences // Sociological Science. 2022. No. *9*. P. 252–274.

Mikhail Sokolov

“Freedom from values is not a tool of scientific research, it is its final point”

Mikhail Sokolov is a Candidate of Sociological Sciences, professor at Nazarbayev University. **E-mail:** mikhail.sokolov@nu.edu.kz.

Andrey Gerasimov is an independent researcher. **E-mail:** agerasimov@eu.spb.ru.

Irina Dudenkova is an Associate Professor at the RANEPA Faculty of Philosophy and Sociology, Dean of the Faculty of Social Sciences at the MSSES, Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies at the Faculty of Theology of the Saint Tikhon’s Orthodox University. **E-mail:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Abstract: The interview raises issues of institutionalization of sociology of social sciences and humanities, prospects of sociology as a scientific discipline, mechanisms of academic recognition. Sociology is interpreted as a form of organized self-deception, the place and relevance of the principle of freedom from values in scientific work is discussed.

Key words: Sociology of social sciences and humanities, freedom from values, academic recognition, scientific globalism and localism, apology of social knowledge

For citation: Gerasimov, A. (2026) “Freedom from values is not a tool of scientific research, it is its final point”. Interviewers: A. Gerasimov, I. Dudenkova. *Russia’s Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 9–32.

Editor **Alina Vladimirovna Likhachevskaya**, MSSES.

А. А. Печерских

Журнальные близости между авторами в российских социальных науках: карты и варианты использования

Артур Андреевич Печерских — исследователь в Центре институционального анализа науки и образования (ЦИАНО), Европейский университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, Гагаринская улица, д. 6/1 лит. А. **Электронная почта:** apecherskikh@eu.spb.ru.

Аннотация: В фокусе статьи находится venue-author coupling (VAC) — способ определения дистанций между учёными, основанный на степени пересечения списков журналов, в которых они публиковались. Эти дистанции могут служить основанием для построения «карт науки», т. е. реляционных репрезентаций научных специальностей. Первая часть текста предлагает обзор использующих VAC исследований, показывая связь этого стиля работы в наукометрии (bibliographic coupling, co-citation, co-word...) с аффилиационными метафорами в социологии (в частности, той, что предлагает Георг Зиммель, когда пишет о «социальных кругах»), и обсуждая особенности современных зарубежных и отечественных эмпирических работ по теме. Вторая часть текста предлагает вниманию читателя две карты (доступные также онлайн), построенные на данных РИНЦ о российских «социальных учёных» (*24452* автора из 9 специальностей, имеющих публикации в *10008* журналах) и социологах (*8578* авторов, имеющих публикации в *3320* журналах) с помощью методов снижения размерности (SVD и UMAP). Первый набор данных ограничен авторами с Хирш-индексом более более 10, второй же включает всех «социологов» в РИНЦ. Карта социальных наук обнаруживает различие между устоявшимися крупными (психология, экономика) и сравнительно молодыми для российского контекста дисциплинами (политология, социология). На примере истории (в код ГРНТИ которой входит антропология) показано, что VAC способен к тонким различениям внутри верхнеуровневых классификаций. Карта социологов обнаруживает распределение авторов, в котором институциональный и территориальный принципы оказываются куда важнее, чем тематический. Это подкрепляет прежние описания российской социологии как состоящей из разных академических культур (условно, вестернизированной, локалистской и промежуточной). Заключительная часть текста подробно освещает как ограничения VAC-подхода к картографии науки, так и варианты его использования разными аудиториями, от научных администраторов до авторов, оказавшихся нанесенными на плоскость.

Ключевые слова: социология науки, социология социологии, научная картография, российская наука, снижение размерности

Для цитирования: *Печерских, А. А.* Журнальные близости между авторами в российских социальных науках: карты и варианты использования // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 33–71.

Введение

В этой работе российские социальные науки показаны в формате карты, реляционно располагающей их представителей на плоскости. Основанием для этой карты служит т. н. venue-author coupling, — предположение, что структуру научных специальностей и отношения между ними можно представить с помощью распределений авторов по журналам [Ni, Sugimoto, Jiang, 2013]. Это не самая популярная техника для установления степени близости между единицами анализа (в нашем случае авторами), однако, будучи перемещённой из экспериментального контекста применения на российские социальные науки, своеобразную периферию, «дикий Запад» для наукометрических исследований, — она получает ряд специфических преимуществ по сравнению с другими подходами. В частности, она, полагаясь на очень ограниченные сведения о публикационных профилях авторов, не ставит высоких требований к качеству входных данных (например, данных о цитировании), и не дискриминирует авторов, предпочитающих работать индивидуально (например, игнорируемых в исследованиях сетей соавторства).

В первой части текста традиция исследований coupling в библиометрии помещается в более широкий контекст мышления о со-встречаемостях в социальных науках, который здесь представлен работой Георга Зиммеля о «социальных кругах» [Simmel, 2009, Ch. 6]. Эта историческая реконструкция кажется важной, поскольку она и упрощает интерпретации связей между авторами и журналами (где последние и оказываются «кругами»), и высвечивает ограничения любого подхода к изображению социальной структуры, построенного по принципу членства в строго определённых группах. Здесь же, насколько мне известно, впервые обозревается история применений venue-author coupling: за пятнадцатилетнюю историю метод так и не стал широко распространенным инструментом с унифицированными процедурами и каноничными примерами использования, и может до сих пор представляться как новшество [Печников, 2025a; Garcia, Rodriguez-Sanchez, Fdez-Valdivia, 2025].

Во второй части текста представлено описание двух эмпирических сюжетов о структуре российских социальных наук в целом и социологии в частности. Для этого были использованы данные РИНЦ о публикациях продуктивных и признанных российских авторов из девяти дисциплин (N = 24 452), а также публикации всех российских социологов (N = 8 578). В сумме полученные результаты насыщенно представляют ландшафт современных социальных наук, подтверждая их ранние описания (в частности, обусловленность структуры институциональными и территориальными факторами). Заодно они демонстрируют, что официальные, априорные классификации (например, ГРНТИ) не всегда корректно отражают реально сложившиеся сооб-

щества учёных [Carusi, Bianchi, 2019]. Заключительная часть статьи показывает, что представленные карты, как и «карты науки» в целом, не обязаны быть исключительно инструментом научной политики и управления [Семёнов, 2023; Noyons, 2004] — они также представляют ценность для самих исследователей науки и обычных учёных, оказавшихся на карте, в их ежедневной работе.

Исследования со-встречаемости в социальных науках и наукометрии

В социальных науках существует богатая традиция теоретизирования посредством аффилиационных метафор. Наиболее известной для социологов точкой отсчёта можно считать работу Георга Зиммеля “Die Kreuzung sozialer Kreise” [досл. перевод «пересечение социальных кругов», см. наиболее аккуратный английский перевод в Simmel, 2009, Ch. 6][1]. Текст посвящен одному конкретному способу помыслить социальную структуру, — членству в социальных группах, которые Зиммель именует «кругами» [ibid]. В отличие от типичных представлений о «группах», здесь они трактуются максимально широко. Эти “spheres of contact” [ibid, p. 364] могут варьироваться и в своем размере (ср. семью и государство), и в длине физической дистанции между их членами (ср. средневековые цеха и торговые союзы). Они вбирают в себя индивидов по какому-либо общему принципу, масштаб которого не столь важен для самой констатации круга. При этом концепция не оставляет без внимания людей: как пишет Зиммель в растиражированной фразе, “society arises from individuals, the individual arises from society” [ibid, p. 387], т. е. человек и круги взаимно составляют и возникают друг из друга. Сжатый пересказ этого важнейшего для социологии текста нельзя оставить без указания на историко-социологическую перспективу, используемую Зиммелем. На протяжении всего текста он подчеркивает историческую обусловленность кругов, и то, что динамика членства в них и само их число могут служить маркером развития общества и показателем культу-

[1] У текста сложная судьба: это одна из глав монументальной «Социологии» [Simmel, 2009 (1908)], лишь в 2009 году переведённая на английский язык в составе всей монографии. Первый перевод, выполненный для издания 1955 года Рейнхардом Бендиксом, назывался Web of Group Affiliations [по словам переводчика, принятый в 2009 году буквальный перевод был бы «практически бессмысленным», Bendix in Simmel, 1955, p. 126, f1]. Набор спорных выборов в переводе и разбивка текста на фрагменты, отсутствующая в оригинале, отложили и осложнили корректное прочтение текста.

ры человека [ibid, p. 371]. Скажем, в модерновых обществах человеку открывается возможность бесконечной индивидуализации: каждая новая координата сравнения (круги создают «систему координат», где каждая новая координата определяет место человека более точно[2] [ibid, p. 371]) делает его более уникальным, снижает шанс того, что в мире существует кто-то ещё с таким набором пересечений кругов.

Будучи перенесенными на почву количественной социальной науки в США, зиммелевские интуиции превратились в легитимную точку отчёта для одного из направлений исследований в сетевом анализе. Случилось это после выхода текста Рона Брайгера "Duality of Persons and Groups " [Breiger, 1974], где он предлагает определять «круги» конкретно (например, как советы директоров, посещаемые события, и проч.) и анализировать возникающие из них аффилиационные сети (т. е. графы, в которых есть два типа узлов, а связи могут существовать лишь между узлами разных типов, собственно, «кругами» и их членами) формальными методами. Это ознаменовало отход от широкого определения «круга» в пользу операционализируемого, — как незадолго до публикации Брайгера об этом писал Чарльз Кадушин, "[this] emphasis on groups rather than circles is characteristic of modern sociology's inability to deal with less structured units" [Kadushin, 1966, p. 788, f5]. Так или иначе, работа Брайгера привела к росту публикаций о бимодальных (аффилиационных) сетях в целом — и именно в них сегодня наиболее чётко признаётся наследие Зиммеля[3].

Публикация работы Брайгера хронологически примерно совпадает с поворотом к т. н. coupling-методам в области библиометрии, большому семейству техник для анализа и визуализации больших объёмов научной литературы и связей между ними. Coupling — это, по сути, то же обращение к некоторым вторым сущностям, «кругам», для установления связей и значений схожести между парами объетов (текстов, авторов, институций, и проч.). Главное предположение, кроящееся за выбором того или иного coupling-подхода,

[2] Как об этом написано в другом месте у Зиммеля: "the structure of the circles in which one participated had to enrich and determine one's feeling of life uniquely as a social being" [Simmel, 2009, p. 381].

Это может быть прочитано как предтеча идеи интерсекциональности, ещё и опирающаяся на более корректную метафору круга, а не перекрёстка [Stoetzler, 2016] — за эту ссылку я благодарен Андрею Кузнецову.

[3] См. отличные обзоры зиммелевского наследия в американской социологии в целом [Broćić, Silver, 2021, p. 197] и в социальном сетевом анализе в частности [Hollstein, 2021], а также короткую видео-лекцию с более подробной реконструкции идеи «кругов» в социальных науках за авторством Джеймса Кука: https://www.youtube.com/watch?v=8BN1s_p8UXc&t=329s [дата обращения: 12.03.2026], где он добавляет к генеалогии политическую науку в лице Алексиса де Токвиля и Роберта Патнема.

а не простых индикаторов связи (например, цитирований) — в том, что они куда стабильнее и надёжнее в вопросах оценки интеллектуальной/тематической близости, меньше подвержены случайностям. Наиболее популярным вариантом применения coupling-методов являются карты науки (scientographs, bibliometric network visualizations, knowledge domain maps: список можно продолжить), визуальные репрезентации структуры и динамики научного знания, стремящиеся показать, как единицы академической жизни (дисциплины, области, специальности, но и публикации, и авторы, и ключевые слова и проч.) связаны друг с другом [Klavans, Boyack, 2009, p. 456]. Классический нарратив [см. Petrovich, 2021, p. 4] представляет развитие научных карт как раз в рамках изобретения новых подходов к coupling[4], или к определению «кругов», на основе членства в которых будет строиться карта:

1. Bibliographic coupling [Kessler, 1963]: два документа связаны в той мере, в которой они имеют общие ссылки в библиографиях (связь отсутствует, если общих ссылок нет);
2. co-citation [Маршакова, 1973; Small, 1973]: два документа связаны в той мере, в которой они позднее совместно цитируются (связь отсутствует, если случаев совместного цитирования нет);
3. author co-citation [White, Griffith, 1981]: два автора связаны в той мере, в которой их работы (наборы публикаций) совместно цитируются (связь отсутствует, если случаев совместного цитирования нет);
4. co-word [Callon et al., 1983]: два термина или ключевых слова связаны в той мере, в которой они совместно используются в академических текстах, например, названиях или аннотациях (связь отсутствует, если нет случаев совместного использования слов).

С тех пор, особенно в связи с распространением доступа к базам данных научного цитирования, ростом вычислительных мощностей и появлением разнообразных компьютерных программ для визуализации данных (VOSviewer, CiteSpace, и проч.) произошёл «кембрийский взрыв научных карт» [Börner, Theriault, Boyack, 2015, p. 13]. В его рамках «сырьём» для научных карт становятся всё новые и новые данные, не заложенные в метаданные публикаций. Скажем, это могут быть пользовательские сессии [см. Bollen et al., 2009, где переходы между веб-страницами публикаций являются как бы «кругом», основой coupling между документами] и ссылки на научные работы

[4] В популярном библиометрическом меме изображён слон, ощупываемый с разных сторон Юджином Гарфилдом, Генри Смоллом, Мишелем Каллоном и прочими авторами. Шутка (и наставление) здесь в том, что каждый метод (co-citation, co-word...) позиционируется как некая новая перспектива (на хобот, ноги...), однако ни одному из них не доступна целая картина.

в статьях в Википедии [Torres-Salinas, Romero-Frías, Arroyo-Machado, 2019], где статьи в Википедии являются основой для установления связей между научными публикациями, — и это всё делается для области Humanities, традиционно плохо картируемой классическими подходами, перечисленными выше.

Все перечисленные до этого момента сценарии работы требуют высокого качества входных данных (чаще всего объёмных), будь то метаданные публикаций и сведения о цитированиях, фрагменты текстов статей или использования конкретного текста в неакадемических веб-страницах. Не все академические контексты обладают информационной инфраструктурой для хранения и распространения таких объёмов информации. Более того, в тех случаях, когда конкретный национальный сегмент науки не имеет собственной легитимной наукометрической базы данных, его исследователи часто полагаются на международные базы, представляющие лишь ограниченный (смещённый) взгляд на объём производимой в стране научной продукции.

В свете этих обстоятельств и на фоне упомянутых выше проектов кажется любопытным подход, работающий с идеей coupling, но заглядывающий внутрь метаданных, а не во всевозможные внешние источники, — т. н. venue-author coupling[5], в котором авторы связаны в той мере, в которой схожи списки журналов, в которых они публиковались, и, напротив, журналы связаны в той мере, в которой совпадают их авторы [Ni, Sugimoto, Jiang, 2013]. Основное предположение здесь состоит в том, что журналы, принадлежащие к одной области знания, могут быть выявлены с помощью групп публикующихся в них авторов; т. е. даже факт публикации в тех или иных журналах является достаточным для очерчивания специальности (или её представителей) и её (их) внутренней дифференциации [ibid]. Журналы возникают из авторов, а авторы возникают из журналов.

Первым такой тип анализа предложил Дэвид Мингильо, применяя его к испанскому сегменту Library & Information Science, LIS [Minguillo, 2010]. В качестве теоретической рамки он объёмно цитирует Ричарда Уитли: в его пересказе, журналы предстают системами коммуникации, контролирующими дисциплинарные стандарты работы и распределящими социально престижные репутации [ibid]. Журналы способствуют развитию чувства членства

[5] Это не единственный вариант наименования: см. в обсуждаемой далее в тексте литературе также варианты “journals-based author coupling”, “interlocking authorship”, “bipartite journal/scholar network”, и прочие. Отсутствие конвенционального названия и редкие реконструкции традиции исследований такого типа coupling в литературе — симптоматично для техник, которые так и не смогли занять своё место в стандартном наборе библиометрических инструментов.

среди практиков одной (суб)дисциплины[6], и кластеры похожих журналов и одинаково думающих (similar-thinking) авторов определяют структуру научного поля [ibid, p. 776]. Далее, уже эксплицитно концептуализируя метод через традицию coupling-мер, Кэсиди Сугимото и коллеги предложили использовать venue-author coupling для операционализации дисциплин и исследования междисциплинарных связей [Ni, Sugimoto, Jiang, 2013]. Работая со всё той же областью LIS, но уже вне её испанского сегмента, они применяют многомерное шкалирование и иерархическую кластеризацию к нормированной матрице авторов-журналов (Мингильо в основном работал с журнальными проекциями таких сетей и применял к ним простые техники из сетевого анализа). LIS здесь выступает своеобразным «модельным случаем» [Krause, 2024]: с помощью разных методов уже было показано, что область распадается на несколько частей, и Сугимото с коллегами обнаруживают это же разделение с помощью нового метода. Авторы заключают, что результаты имеют высокую внешнюю валидность, а метод оказался полезным для изображения «социальных групп внутри научного домена», особенно тех, что характеризуются высокими долями соло-публикаций тех, что не были бы схвачены анализом сети соавторства [ibid, p. 276].

Полезно перечислить некоторые другие применения venue-author coupling в наукометрии. Во-первых, одна ранняя статья показывает, что авторов можно заменить на институции — и построить карту близостей между университетами, что может быть важным промежуточным шагом в поиске похожих университетов, их оценивании и трансформации, например, слиянии [García et al., 2012]. Сила и разнообразие библиометрических подходов кроется именно в этой свободе выбора единиц анализа, — авторов, документов, концепций, но и их разнообразных группировок (коллективов, коллекций документов, тематик). Во-вторых, в работах другого коллектива показано, что бимодальные сети авторов-журналов позволяют искать по-настоящему междисциплинарные журналы [Carusi, Bianchi, 2020], и что кластеризация таких сетей может показать несостоятельность априорных классификаций науки [Carusi, Bianchi, 2019]. Здесь нам особенно важно напряжение между официальными классификаторами (российский аналог — ГРНТИ) и тем, как специальности возникают эмпирически из независимых действий отдельных учёных, — к этому сюжету я вернусь в оставшейся части статьи. В-третьих, близости между авторски-

[6] “These cohesive ***social circles***, which represent informal subgroups of individuals who share behavioral norms and values, are called cliques in the SN [social networks] context, and an individual’s identity and sense of belonging would be rooted in such a circle” (выделение моё — *А. П.*) [Minguillo, 2010, p. 776].

ми профилями журналов могут использоваться для создания рекомендательных систем научной литературы [Cabanac, 2011].

Среди отечественных исследователей потенциал venue-author coupling для «построения национальной сети научных журналов» ныне исследует Андрей Печников в рамках отдельного гранта [см. Печников, 2025а; Печников, 2025б]. В своих работах он использует данные о публикациях российских авторов из РИНЦ в конкретных списках дисциплинарных журналов (скажем, в 20 исторических журналах) и показывает, как они связаны между собой в смысле числа общих авторов. По сравнению с этой последней группой текстов, в этой работе я бы хотел показать, что:

1. настоящая сила venue-author coupling раскрывается лишь при использовании полных журнальных профилей авторов. Ограничиваясь заранее очерченным списком журналов, мы рискуем упустить из виду альтернативные наборы «кругов», в которые входят авторы;
2. подобные карты могут быть полезны не только в вопросах управления наукой, но и для решения ежедневных рутинных научных задач, вроде поиска соавторов и рефлексии о своей позиции в дисциплинарном поле (см. об этом заключительную часть текста).

В качестве материала для этих демонстраций я обращаясь к российским социальным наукам (см. следующий раздел) — сложному случаю для картографа науки, т. к. реляционные данные об их устройстве труднодоступны, а куновские «нормально-научные» практики часто искажаются вариацией в академических культурах и общей фрагментацией даже дисциплинарных сообществ.

Данные и методы

В общих чертах, методология создания карт науки состоит из: (1) сбора данных, (2) их предобработки, (3) извлечения сети или реляционной структуры, (4) нормализации, (5) создания визуализации и её обогащения дополнительными сведениями, и (6) интерпретации [Petrovich, 2021, p. 4–5]. Хотя научная картография знаменита именно визуальными репрезентациями разных аспектов научной жизни (цитирований, тематик, коллегиальных связей, и проч.), подавляющая часть работы приходится на предшествующие ей шаги, — сбор и подготовку данных. Ниже дано описание всех шагов, предпринятых для создания предлагаемых в следующих разделах карт российских социальных наук и социологии.

Сбор и подготовка данных

Основным источником данных для данной работы стала научная электронная библиотека eLIBRARY.ru (www.elibrary.ru), содержащая сведения о российском индексе научного цитирования (РИНЦ). В отличие от международных наукометрических баз данных (Web of Science, WoS; Scopus), наиболее часто используемых в библиометрических исследованиях, РИНЦ несравненно лучше подходит для анализа именно отечественной науки, т. к. он не вводит ограничений на индексируемые источники научных текстов [Гринёв, 2025]. Использование Wos/Scopus привело бы к существенным смещениям в отобранной группе российских учёных: в сторону авторов, готовых публиковаться (и публикующихся) на иностранных языках и/или публикующихся в лучших российских журналах, индексируемых в этих базах. РИНЦ в этом смысле действительно более инклюзивен, и позволяет «дотянуться» до тех авторов, которые о гонке за квартилями и не слышали. Широта покрытия РИНЦ сходна с принципами комплектации Google Scholar [там же], однако дополнительный функционал (возможности поиска разных частей метаданных и выставления фильтров, доступ к авторским профилям и персональным статистикам и проч.) делает его более удобным для исследователей. Далее, важно обозначить различия между РИНЦ и OpenAlex (https://openalex.org/), инициативой энтузиастов «открытой науки», предоставляющей свободный доступ к публикационным данным по API. В условиях, когда доступ к WoS/Scopus для российских исследователей оказался затруднительным, OpenAlex может оказаться отличной альтернативой, не требующей дорогих подписок или посредничества коллег в зарубежных институциях. Однако, OpenAlex плохо справляется даже с языковой атрибуцией российских публикаций. В свежем исследовании общая доля русскоязычных публикаций в OpenAlex оценивается в 2,62%, однако в реальности распознаны системой как таковые лишь 0,92%; по тем же оценкам, примерно четыре миллиона публикаций на русском языке в OpenAlex числится в группе англоязычных [Céspedes et al., 2025, p. 5]. Это ограничение, как и низкое качество заполненных данных об аффилиациях [ibid, pp. 3–4], не позволяют использовать OpenAlex для гранулированного анализа российской науки.

Само собой, и РИНЦ не является идеальным источником данных [Гринёв, 2025; Гуреев, Мазов, Каленов, 2017; Каленов, Селюцкая, 2010; Цветкова, Калашникова, 2016]. Во-первых, доступ к ним ограничен: обычный пользователь вряд ли справится с задачей сбора сведений даже о сотнях публикаций, не говоря о профилях авторов, страницах цитирующих публикаций, и проч., поскольку платформа будет лимитировать его или её запросы периодической «капчей» (т. е. тестом, призванным отличить реального пользователя от автоматизированной программы) или даже баном ip-адреса. Во-вторых, критику вызы-

вают принцип отбора источников, отсутствие консистентности в учёте цитирований, плохое покрытие зарубежных работ и цитирований российских авторов, и разнообразные несоответствия между разными версиями одних и тех же данных. Наконец, в представленные сведения могут закрадываться досадные ошибки индексации, вроде некорректной атрибуции авторов. Тем не менее, мне представляется важным работать именно с этим источником данных при разговоре о российской науке, т. к. он позволяет взглянуть на весь корпус производимой в России научной периодики.

Все необходимые данные были изъяты из РИНЦ в конце 2025 года в три этапа. На первом были получены списки авторов по отобранным рубрикам («тематикам»), базирующимся на кодах государственного рубрикатора научно-технической информации[7] (ГРНТИ). В список попали социальные науки (социология, политология, психология, экономика, демография), а также специальности, к которым перечисленные дисциплины обращаются за легитимностью [речь о философии, см. эмпирическое подтверждение в исследовании диссертационных советов в: Сафонова, Соколов, 2016], и которые предположительно содержат в своих рядах социальных исследователей. Это исторические науки, в которых (как в рубрике) скрываются российские антропологи, и представители рубрики «общественные науки в целом». Юридические науки попали в список отчасти из-за названия их категории, имеющей политологические коннотации («государство и право...»), отчасти — для проверки дистанции между двумя «науками о порядке и власти», одна из которых упорядочивает публичные интересы, а другая — осмысляет их как таковые [Бурдье, 2018, с. 140]. Ряд отобранных специальностей можно было бы расширить[8], но в этом случае слишком велики были бы соблазны замахнуться на создание картины всей российской науки. Полученные списки содержали ФИО, уникальные идентификаторы учёных в elibrary, а также сведения о числе публикаций, числе цитирований и индексе Хирша. Общая численность специальностей дана в таблице 1.

Далее, из каждого дисциплинарного списка были извлечены авторы, чей индекс Хирша превышал бы 10 (т. е. были оставлены лишь те авторы, которые имели 11 публикаций, каждая из которых была процитирована 11 и более раз). Этот ответственный порог отсечения, главным образом исключающий из рассмотрения молодых авторов, был использован для уменьшения размерности данных до той степени, в которой их можно было бы изъять из РИНЦ без привлечения серьёзных финансовых и временных затрат. Как показано в таблице 1,

[7] См. фильтр «тематика» на странице https://elibrary.ru/authors.asp.

[8] Например, привлекательным выглядело бы включение «Литературы. Литературоведения. Устного народного творчества», рубрики, также являющейся «домом» для антропологов.

для всех дисциплин (кроме малочисленной демографии) это означало удержание для анализа примерно 10% самых продуктивных авторов. Примечательно, что выбранный порог привёл к столь равномерному усечению корпусов учёных.

Таблица 1. Отобранные специальности, число ассоциированных с ними профилей, и число профилей с индексом Хирша > 10. Значения были актуальны на декабрь 2025 года.

Тематика	**Всего учёных (в т.ч. с 0 публикаций)**	**Учёных с индексом Хирша > 10**
Экономика. Экономические науки	129 593	13 013 (10,0%)
Государство и право. Юридические науки	51 873	4 923 (9,49%)
История. Исторические науки	29 320	2 984 (10,2%)
Психология	18 091	2 050 (11,3%)
Социология	9 634	1 476 (15,3%)
Философия	11 675	1 116 (9,6%)
Политика. Политические науки	8 756	1 012 (11,6%)
Демография	346	114 (32,9%)
Общественные науки в целом	554	40 (7,2%)
Всего уникальных[9]		24 701

На втором этапе для всех авторов было получено распределение их статей по изданиям, в которых они публиковались. Для этого использовались т. н. «статистические отчёты» о «распределении публикаций по журналам». На этих страницах, связанных с авторскими профилями, представлены таблицы с двумя колонками: названиями журналов (и их идентификаторами в РИНЦ, зашитыми в ссылки на их профили) и числом публикаций автора в них. Важно понимать, что это агрегированные данные, от которых не получится перейти к распределениям публикаций во времени или работам, написанным не в соавторстве, — об этих и других ограничениях ещё будет сказано далее. Решение работать именно с такими страницами, а не списками публикаций всех уникальных авторов, обусловлено, опять же, экономией временных ресурсов на сбор данных. Пример работы с более детализированными данными РИНЦ можно найти в работах Андрея Печникова [Печников, 2025а; Печников, 2025б].

[9] Некоторые авторы могли появиться в нескольких списках ГРНТИ, из-за чего сумма значений в последней колонке не равна указанному числу уникальных авторов.

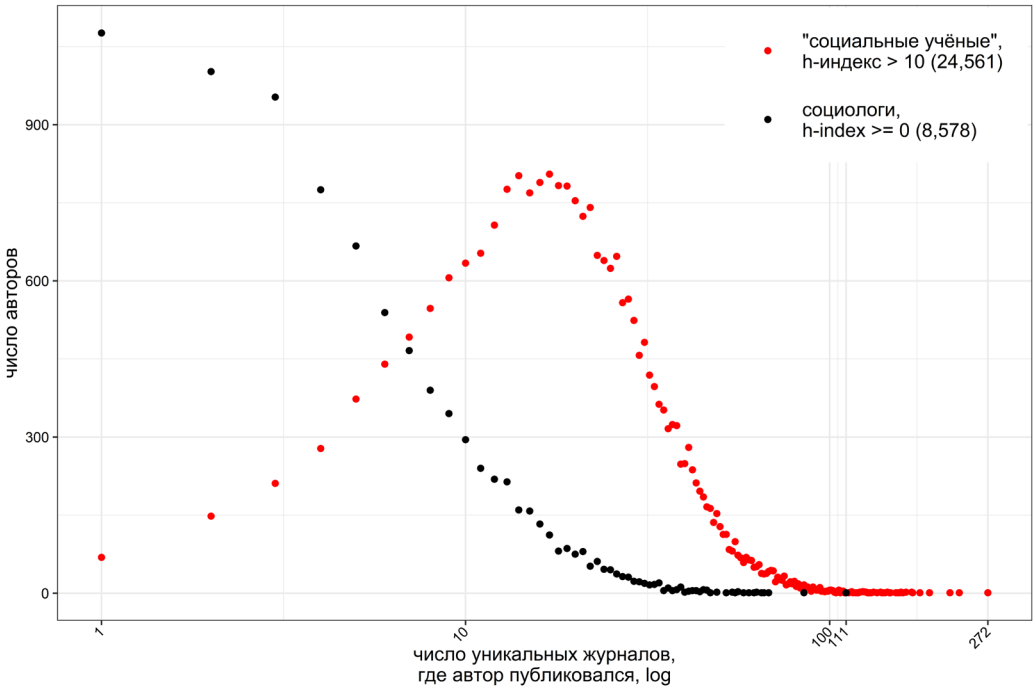

Рисунок 1. Распределения отобранных «социальных учёных» (Хирш-индекс > 10) и социологов по числу журналов, в которых опубликованы их работы.

Из 24 701 уникального автора 50 вовсе не имели журнальных публикаций: их Хирш-индекс превышал 10 благодаря диссертациям, учебникам, главам книг, сборникам конференций и прочим академическим текстам, не распознанным РИНЦ в качестве статей. При доступе к «распределениям публикаций по журналам» этих авторов пользователя встречает надпись «публикации не найдены». Оставшиеся 24 651 авторов всего публиковались в 28 936 уникальных журналах; средний автор имеет публикации в 25,3 журналах (SD = 16,8).

Чтобы показать, как может выглядеть полная карта конкретной дисциплины, основанная на журнальных близостях, дополнительно были собраны публикационные профили всех социологов, числящихся в соответствующем списке авторов в РИНЦ. В сравнении с общим числом социологов, указанным в таблице 1, хотя бы раз в том или ином журнале публиковалось 8 578 авторов. Всего они появлялись в 9 030 уникальных журналах; в среднем, автор публиковался в 10,8 журналах (SD = 11,1, что свидетельствует о сильной смещённости). На рисунке 1 показано распределение продуктивности

авторов в группе социологов и «социальных учёных»[10], описанной выше. Неудивительно, что распределения отличаются по форме: мы сравниваем всю совокупность представителей конкретной дисциплины с очень продуктивными авторами из 9 дисциплин (включая и социологию). Обращают на себя внимание число авторов, публикующихся лишь в одном журнале[11] (таковых 69 среди продуктивных «социальных учёных» и 1 076 среди всех социологов), а также «длинные хвосты» обоих распределений: существует довольно много авторов, публиковавшихся в десятках журналов.

Конечно, профиль журналов не может обеспечить полную идентификацию исследовательских результатов [García et al., 2012, p. 2330]: скажем, здесь не учитываются диссертации или главы книг, а также любая не связанная с текстами работа (например, преподавание). И, хотя каждый дополнительный источник определяет конкретного автора более полно, было решено сократить размерность данных ещё сильнее с помощью фильтрации журналов, не числящихся в РИНЦе в списках «научных» журналов или журналов, индексирующихся в WoS и/или Scopus. Для этого из самого РИНЦа были собраны все соответствующие списки (см. доступные фильтры на странице поиска журналов), состоящие из идентификаторов журналов в системе РИНЦ. Далее, были удалены строчки, содержащие информацию о публикациях авторов в не вошедших в эти списки журналах. Среди исключенных журналов самыми популярными среди авторов были The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (1 363 публиковавшихся там автора), SHS Web of Conferences (1 297), Espacios (1 293), «Российское предпринимательство» (1 242), «Управленческий учёт» (1 139), <...>, «Молодой учёный» (936). Из оставшихся журналов самыми популярными у группы всех авторов были «Экономика и предпринимательство» (4 217 авторов), Lecture Notes in Networks and Systems (2 741), E3S Web of Conferences (2 734), «Экономика и управление: проблемы, решения» (1 818), «Фундаментальные исследования» (1 697), «Социологические исследования» (1 697). Как заметно из этого списка, подход с фильтрацией по спискам «научных» журналов и журналов WoS/Scopus также неидеален.

[10] Здесь и далее я использую кавычки для обозначения этой выборки, чтобы подчеркнуть, что это довольно гетерогенная (дисциплинарно) группа авторов, включающая не только классические социальные науки.

[11] В работе Кэссиди Сугимото и коллег среди авторов, публикующихся лишь в нескольких журналах, оказываются и очень важные для LIS: “In theory, there are dozens, if not hundreds, of potential venues for publication for each of these authors (as can be seen by the dozens of LS&IS journals listed in JCR and the hundreds of library and information science journals listed in Ulrichs, not to mention the proliferation of specialist journals to which their topics may be relevant). However, scholars appear to stick to familiar grounds and engage in repeated publications” [Ni, Sugimoto, Jiang, 2013, p. 269].

Также были удалены журналы, в которых публиковался лишь один автор (это затронуло только корпус социологов[12]). Финальная размерность данных составила:

— 24 452 автора, 10 008 журналов для данных о «социальных исследователях»,
— 8 578 авторов, 3 320 журналов для данных о социологах.

Значения числа авторов сократились по сравнению с теми, что указаны ранее в тексте, т. к. удаление некоторых журналов привело и к удалению авторов, не имеющих публикаций в оставшихся журналах. Каждый набор данных, по сути, представляет матрицу, где на пересечении строчек (авторов) и колонок (журналов) указано значение числа публикаций конкретного автора в конкретном журнале. Это очень разреженные данные: в матрице социологов 99,76% значений были равны нулю, в матрице социальных исследователей — 99,83%.

Финальным шагом перед визуализацией является нормализация значений. Простые числа встречаемости авторов в журналах, в силу разной продуктивности учёных и разных объёмов выпускаемых журналами публикаций (и разной популярности журналов), служат плохим основанием для расчёта близостей между авторами. Существует много способов нормализации этих значений, — и споры внутри наукометрии по этому вопросу не утихают уже много десятилетий [Petrovich, 2021, p. 13]. В этой работе для нормализации была выбрана техника Term Frequency–Inverse Document Frequency (TF-IDF), популярная в текстовом анализе. Она позволяет:

1. Релятивизировать число публикаций автора, превратив их в в доли от общей авторской продуктивности, — скажем, если автор опубликовал 4 работы в одном журнале, и одну — в другом, то они получат значения 0,8 и 0,2 соответственно. Это условная “term frequency” (TF).
2. Снизить вклад популярных (не дискриминирующих) журналов (например, «СоцИса» для социологов, в котором опубликовалось 1 784 социолога, что составляет 20% от всех их популяции) в финальную оценку близости между авторами. Менее популярные журналы (более дискриминирующие), напротив, получают больший вес в этих оценках. Скажем, «ближе» к автору, опубликовавшемуся в «СоцИсе» и «Неприкосновенном запасе» (в группе социологов таких авторов 77, т. е. 0,9%) будет тот, кто публиковался именно в «Неприкосновенном запасе», а не в «СоцИсе». Эта часть нормализации, “inverse document frequency” (IDF), достигается

[12] Изначально в корпусе социологов было 9 030 уникальных журналов. Из них, после удаления всех, не входящих в число «научных журналов [РИНЦ]», Scopus или WoS, осталось 5,246 журналов. После удаления из массива журналов, в которых появилось по одному автору, осталось 3,230 журналов.

путем логарифмирования результата деления общего числа авторов на число авторов, публиковавшихся в журнале X. При натуральном логарифме значения упомянутых журналов будут равны 1,570343 и 4,713151 соответственно.

Произведение TF и IDF даёт новую, более корректную оценку того, насколько важны публикации в конкретном журнале для идентификации конкретного автора.

Снижение размерности, а не сети

Описанные данные предполагают два способа дальнейшего представления. Первый подход работает с бимодальной сетью (в нашем случае, содержащей и авторов, и журналы; связь обозначает число публикаций автора в журнале) или её проекцией (т. е. графом, в котором есть либо журналы, либо авторы, и связи между ними обусловлены (нормированным) числом общих авторов или журналов соответственно). Второй подход, основанный на снижении размерности, концептуально ближе к географическим картам, поскольку стремится расположить наблюдения в пространстве таким образом, что «близкие» (например, по профилю журналов) объекты оказываются близко, а «далёкие» — далеко[13]. При этом он полагается на статистическую процедуру, стремящуюся передать в маломерном пространстве (2, 3 измерения) структуру (в идеальном сценарии, и локальную, и глобальную) оригинальных многомерных данных (это и есть снижение размерности). Зачастую такие репрезентации позволяют сделать важные выводы о структуре изучаемого массива, однако они также могут содержать визуальные артефакты, т. к., в конце концов, данные остаются очень сложными, и оригинальная вариация в них (локальная, глобальная) неизбежно теряется при переносе в пространство меньшей размерности [см. сравнение distance-based и network-based карт в Petrovich, 2021; Van Eck, Waltman, 2014].

Как в исследованиях науки, так и в истории социологии есть тихое напряжение между этими техниками, которые, в целом, можно рассматривать как взаимодополняющие [см. обсуждение для аффилиационных, или бимодальных, сетей в D'Esposito, De Stefano, Ragozini, 2014]. Бурдье отдавал предпочтение анализу корреспонденций (одному из способов снижения размерности), поскольку стремился анализировать «объективные отношения между позициями», а не взаимодействия между акторами [De Nooy, 2003]. Безусловно,

[13] В сетевых визуализациях длины ребер часто не отражают содержательной информации, и являются лишь артефактами выбранного алгоритма укладки.

в его текстах именно двумерные карты, получаемые из анализа корреспонденций, являлись органичным продолжением теоретического языка («социальное пространство», «поле», и проч.), однако вряд ли ошибкой было бы использовать сетевые подходы [ibid]. В случае научной картографии, где финальное изображение зависит от выбора источника данных, их предобработки, способа нормализации (кроме TF-IDF можно было бы посчитать, например, расстояние Жаккара), — и, наконец, выбора способа визуализации, — представляется, что оба подхода также являются возможными, и нужно лишь помнить, что при слегка иных спецификациях на этапе предобработки и при другой укладке (layout) или другом стартовом значении (seed) финальный результат может быть иным.

Не претендуя в этой работе на многое, я выбрал популярную ныне связку алгоритмов Singular Value Decomposition (SVD) и Uniform Manifold Approximation and Projection (UMAP) для представления обоих наборов данных в двух измерениях. Большим вдохновением здесь для меня послужила работа о карте недавней (recent) философии [Noichl, 2021], в которой, с другим типом данных, применены именно эти алгоритмы. По сути, эта комбинация техник позволяет перейти от очень большой матрицы авторов-журналов (напомню, в обоих случаях речь идёт о (десятках) тысячах строк и колонок) сперва к сокращенной версии данных (скажем, к сотне измерений), избавленной от «шума» [SVD, см. также его использование в упомянутых выше работах Carusi, Bianchi, 2019; Carusi, Bianchi, 2020], а далее и ко всего двум-трем измерениям, схватывающим наиболее важные аспекты их структуры (UMAP). Из SVD были получены 200 первых компонент (это стандартное число, появляющееся в т. ч. в [Noichl, 2021], — все наиболее «просто» схватываемые аспекты структуры данных уже должны быть в них), поданные далее UMAP с метрикой косинусного расстояния и с разными значениями гиперпараметра “n_neighbors”, отвечающего за баланс между локальной и глобальной структурой. Финальные измерения для дальнейших изображений были выбраны на основе интерпретируемости возвращаемых решений. На выходе были получены координаты всех авторов в двумерном пространстве, где близость означает высокое сходство журнальных профилей. В случае небольшой части «социальных исследователей» и социологов финальные двумерные распределения точек были также кластеризованы с помощью алоритма hDBSCAN [Campello, Moulavi, Sander, 2013]. Алгоритм выявляет кластеры произвольной формы, анализируя плотность распределения точек и выделяя скопления, устойчивые к шуму и разным уровням плотности. Для всех вычислений использовались пакеты для языка R [Hahsler, Piekenbrock, Doran, 2019; Lewis, Baglama, Reichel, 2021; Melville, 2019].

Результаты

Дальнейший текст является сконцентрированным описанием полученных репрезентаций российских научных специальностей, дополненным большим числом иллюстраций. Поскольку все возможные изображения в статью не вместить (формат академических текстов в этом смысле безнадежно отстал от того, как большие данные представляются, например, читателям крупных газет дата-журналистами), а сила экфрасиса не безгранична, читателю предлагается параллельно чтению текста пользоваться веб-версиями обсуждаемых карт:

— https://run.cosmograph.app/public/83af6d97-01e5-4ca1-904e-e6f6c700f0d4 («социальные исследователи»)
— https://run.cosmograph.app/public/4eab8b87-2e88-4b56-94f1-9bd95f1c1e1f (социологи)

Они призваны повысить прозрачность работы и её восприятие, сделать результаты доступными для более детального (и персонифицированного) знакомства. Как будет показано в заключительной части, у этих карт могут быть варианты использования за пределами этой конкретной публикации.

Обе страницы сделаны с помощью сервиса cosmograph, веб-инструмента для визуализации и анализа больших реляционных данных (графов, эмбеддингов) прямо в браузере[14], разработанного и поддерживаемого российскими разработчиками [Rokotyan et al., 2022, см. https://cosmograph.app]. Приложение позволяет взаимодействовать с полученными картами (приближать их области, смотреть дополнительную информацию об авторах), фильтровать узлы по специфическим запросам (программа поддерживает сложные запросы к данным с помощью SQL-синтаксиса) и скачивать отфильтрованные или цельные данные. Если с указанными ссылками что-то случится, данные и визуализации, пусть в менее дружелюбной к пользователю форме, можно найти на *github*[15].

Карта российских социальных наук. Классификатор vs. авторы в печати

В процессе получения и выбора оптимальной репрезентации пространства российских «социальных» наук были оценены решения UMAP с разными гиперпараметрами, в первую очередь, с варьирующимся числом соседей (n_neighbors), мерой баланса между сохране-

[14] Загрузка страниц может занять время, в зависимости от мощностей устройства и качества соединения.

[15] https://github.com/artpech23/venue-author-coupling-for-russian-social-sciences

нием в финальной укладке точек локальной или глобальной структуры. Финальное решение, показанное на рисунке 2, использовало косинусное расстояние и параметр n_neighbors = 200 [см. документацию пакета “uwot” в Melville, 2019].

Перед описанием полученного распределения следует напомнить, что параметром включения авторских профилей в выборку являлось наличие Хирш-индекса больше 10. По этой причине стоит аккуратно подходить ко всякого рода генерализациям и диагнозам — здесь мы оцениваем лишь наиболее продуктивных и влиятельных авторов из выбранных специальностей, но никак не положения дисциплин целиком. В частности, нельзя настаивать на отсутствии укорененных междисциплинарных (по авторским идентификациям в РИНЦ) сообществ в российской науке, поскольку они могут состоять, например, из более молодых учёных, ещё не опубликовавших достаточное количество текстов. Также стоит заметить, что, хотя UMAP стремится сохранить глобальную структуру данных (т. е. отношения между кластерами и общая укладка *имеют* содержательный смысл), из-за их сложности всё-таки нельзя прямо интерпретировать дистанции между кластерами: слишком велик риск того, что их пространственное расположение является артефактом снижения размерности.

Тем не менее, полученное распределение авторов (рисунок 2) представляется удачной репрезентацией верхних эшелонов российских социальных наук. Во-первых, подобно географическим картам, оно даёт представление о масштабе научных специальностей[16]. Как было показано в таблице 1, авторские списки усечены относительно равномерно, и поэтому общая численность авторов дисциплин на полученной карте пропорциональна их реальной численности[17]. Так, экономисты (как показывает рисунок 2), внутренне гетерогенные, составляют практически половину от всех отобранных учёных и занимают соответствующее большое пространство, а небольшие области, выделяемые в рамках ГРНТИ, — «общественные науки в целом» и «демография», — единых кластеров не формируют, и в общей картине скорее распределяются по территориям прочих специальностей. Последнее объясняется как их небольшой численностью, так и отсутствием ощутимого количества профильных журналов, которые могли бы отделить их от прочих специальностей. На рисунке 3 показано, например, что демографы оказываются среди экономистов, социологов, политологов и психологов.

[16] Здесь и далее я использую понятия «научные специальности» и «дисциплины» в качестве синонимов, понимая, однако, что классификация ГРНТИ не обязана соответствовать ни тому, ни другому.

[17] Численности надысторичной: напомним, что данные не усечены по какому-либо временному периоду.

Во-вторых, дисциплины находятся в разных отношениях друг с другом. Одни группы авторов, на контрасте с остальными членами выборки, имеют «свой», чётко очерченный набор журналов, из-за чего на карте они отстоят от прочих дисциплин. Такой специальностью является, в первую очередь, «государство и право — юридические науки» и «история», целиком никак не относящиеся к «социальным наукам», но и психология, и экономика, в силу своего размера занимающая и большое собственное пространство, и отправляющая собственных представителей во все прочие специальности (см. рисунок 3). Кажется привлекательной интерпретация центрального положения социологии в стиле объяснения, которое уже более двадцати лет назад дал Джеймс Муди при описании сети коллабораций в социальных науках: она (социология) как бы заимствует экспертизу и тематики у других специальностей, таким образом занимая центральное положение, но теряя во внутренней связности [Moody, 2004]. В российском случае, кажется, справедливее описать социальные науки как группу тесно связанных дисциплин, в основном состоящую из социологии и политологии, и группу окружающих их более крупных и независимых дисциплин.

Случаи, когда представитель дисциплины X обнаруживает себя в сообществе дисциплины Y, как показано на рисунке 3, совсем нередки: практически между всеми парами крупных дисциплин (здесь исключаются обсуждаемые выше «общественные науки...» и демографы) происходят обмены кадрами. Показательным кажется сравнение философии и политологии: первая имеет широкую представленность во многих дисциплинах, в т.ч. в экономике, вероятно, из-за советского наследия (когда для занятия «социальными науками» следовало сначала защититься по философии), а вторая имеет куда меньшее проникновение в прочие специальности. То, что группа «смешано» (объединяющая авторов, встречающихся в разных дисциплинарных списках) практически идеально повторяет рисунок 2, кажется хорошим указанием на валидность результатов. Здесь снова стоит заметить, что речь идёт об очень продуктивных и влиятельных авторах, — тех, о ком принято думать как о блюстителях дисциплинарных границ и их производителях (более опытные, продуктивные и влиятельные авторы, конечно, также участвуют в диссертационных советах, выступают рецензентами в научных журналах, и преподают — это лишь небольшой список той работы, которую невозможно учесть с помощью используемых здесь данных). Тем не менее, и среди них совершенно нередки случаи смены специальностей и/или участия в междисциплинарной работе. Часть таких случаев может быть артефактом качества заполнения анкет в РИНЦе, однако верно и то, что многие эти точки отражают необычные публикационные траектории и изменения в академических идентичностях.

В третьих, опять же, подобно географической карте на экране смартфона, которую можно приблизить в интересующей области,

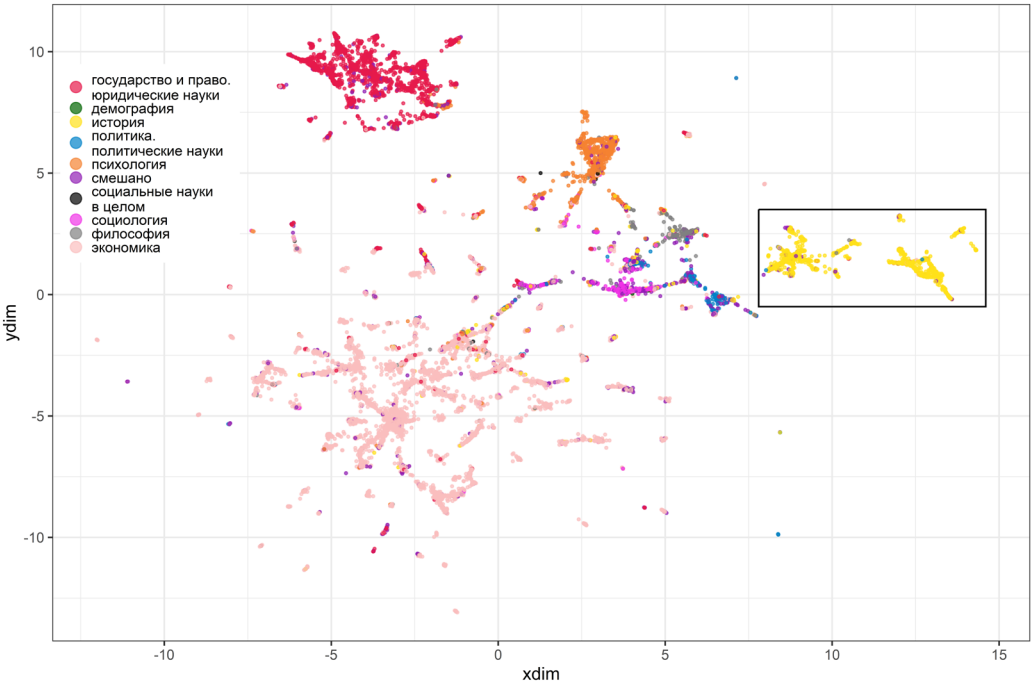

Рисунок 2. Карта российских социальных (и не только) исследователей в пространстве сниженной размерности. Каждая точка представляет отдельного автора (N = 24 452). Расположенные близко, накладывающиеся друг на друга точки, — авторы, имеющие очень схожие профили журналов, в которых выходили их тексты. Цветом показаны дисциплины, в списках чьих представителей в РИНЦ встретились авторы

дисциплины очень гетерогенны внутренне; они распадаются на разные сообщества, обусловленные тематически, институционально и/или территориально (см. подробнее о последних двух формах далее, в разделе про социологов). Наиболее выразителен здесь пример исторической науки, чей кластер жёлтого цвета на рисунке 2 заметно распадается на две части. При ближайшем рассмотрении этого фрагмента распределения и применении кластеризации hDBSCAN (см. рисунок 4), оказывается, что специальность можно разделить и дальше, на четыре части: собственно, историков, две группы археологов, разделенные, судя по всему, территориально, и антропологов[18]. Антропологи, единственные представители классических западных social sciences, не имеющие в России своего собственного классифика-

[18] Одним из наблюдений, ставших двигателем этой работы, стало замечание моего коллеги Максима Дмитриева о том, что в классификаторе ГРНТИ «антропологи прячутся в истории».

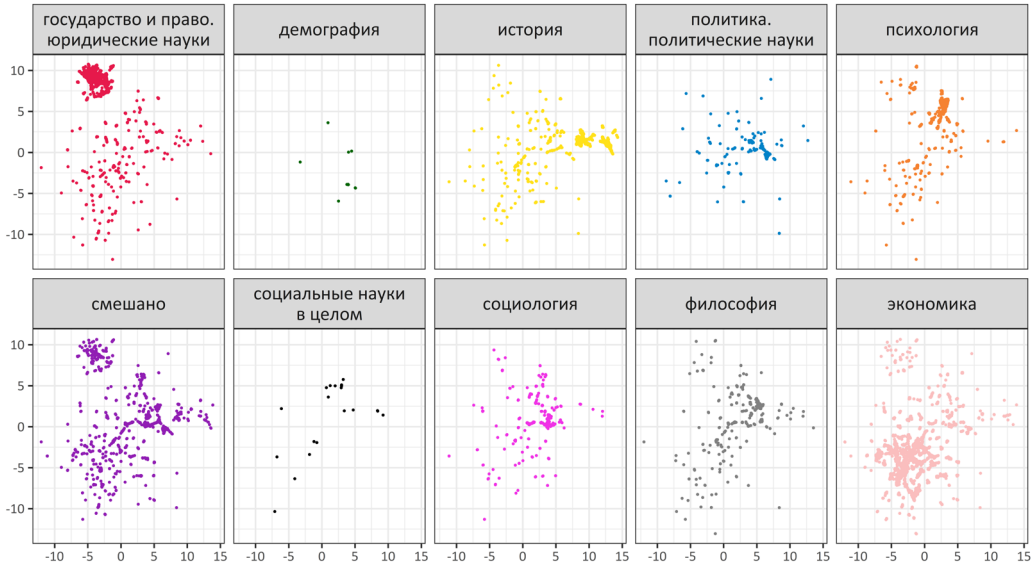

Рисунок 3. Позиции представителей дисциплин в пространстве Рисунка 2

ционного кода, конечно, должны обнаруживаться и в прочих дисциплинах, скажем, в социологии. В числе участников этого кластера с самыми длинными списками журнальных профилей (т. е. журналов, где они публиковались) есть Наталья Пушкарёва, Валерий Тишков, Виктор Шнирельман, Ирина Бабич, Алексей Бурыкин, Елизавета Веселовская. Карьеры этих авторов, их дисциплинарные идентичности и исследовательские интересы показывают условность односложных классификаций (ГРНТИ), и то, что даже в небольшом сообществе авторов, публиковавшихся в преимущественно одних и тех же, нехарактерных для прочих учёных в выборке, журналов, есть большая вариация. Не имея здесь цели предложить финальную ре-классификацию специальности «история», я надеюсь, что этот краткий взгляд на верхний срез одной дисциплины/специальности показывает, что верхнеуровневые классификации работают довольно плохо. О том, почему и показанная карта в отдельных случаях может «работать довольно плохо», и как подобные ей эмпирически составленные (bottom-up) карты науки, тем не менее, использовать, будет сказано в заключительном разделе текста.

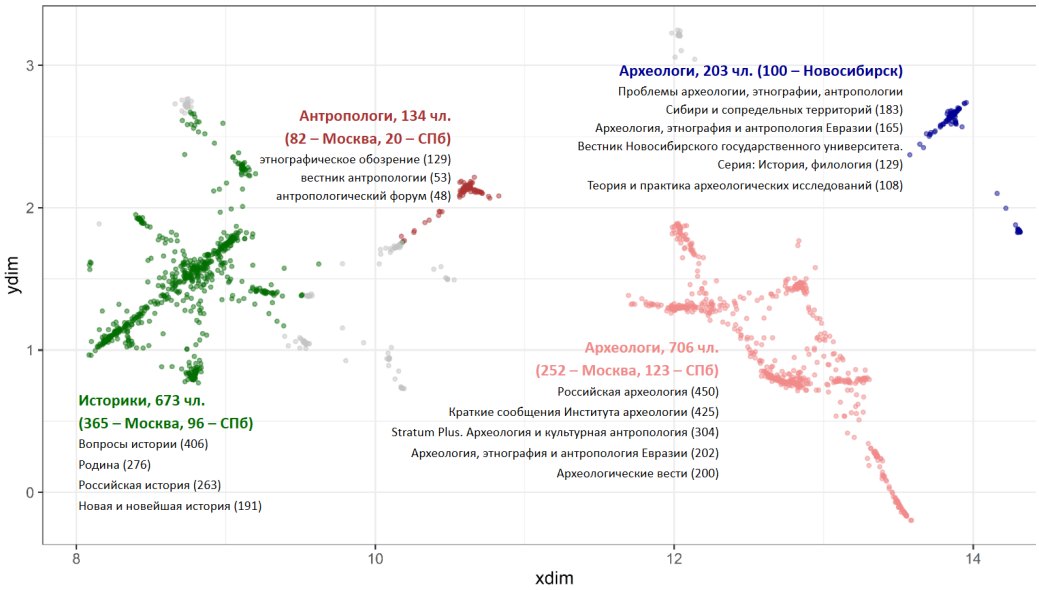

Рисунок 4. Фрагмент распределения Рисунка 2 (см. область, заключённую в прямоугольную рамку), кластеризованная с помощью алгоритма hDBSCAN [представлен вариант с гиперпараметром *minPts* = 100, см. документацию в Hahsler, Piekenbrock, Doran, 2019]. К присвоенным полученным сообществам названиям стоит относиться с осторожностью, т. к. их выбор был основан на списках наиболее популярных среди их представителей журналов (самые частотные для кластеров перечислены в подписях), а также списков наиболее продуктивных авторов. Серым показаны точки, не отнесенные алгоритмом к тому или иному кластеру.

Карта социологов

На контрасте с представленными выше результатами, распределением продуктивных и влиятельных учёных из разных специальностей в пространстве сниженной размерности, полезно посмотреть, как предложенный алгоритм сработал бы для одной дисциплины целиком. Выбор был сделан в пользу социологии как богато описанной отечественными исследователями науки области [Ким, Мальцева, 2024; Сафонова, Соколов, 2021, и проч.]. Показанное на рисунке 5 распределение точек было получено в ходе: (1) вычисления первых 200 SVD-измерений из матрицы социологов и их журналов, (2) дальнейшего снижения размерности с помощью UMAP (гиперпараметры: n_neighbors = 30, косинусное расстояние) и (3) кластеризации полученных двух измерений с помощью hDBSCAN (*minPts* = 90). Последним шагом была (4) интерпретация 33 полученных кластеров: для этого я смотрел на их размер (число авторов) и списки наиболее

частотных среди их представителей городов, институций и журналов. На рисунке 5, помимо номеров кластеров и сведений об их размерах, указаны наиболее значимые сведения об их составах (в скобках записаны частотности того или иного признака).

В отличие от кластеризации «историков» (рисунок 4), здесь алгоритм hDBSCAN довольно много точек отнес к «шуму». Это не значит, что этих авторов невозможно записать в тот или иной кластер, — лишь то, что они не находятся в месте «сгущения» большого числа прочих авторов. Как и в случае с кластеризацией историков, здесь я не пытался достигнуть полного разделения авторов на группы, и не буду подробно останавливаться на каждом кластере, — полученные группы учёных я бы хотел использовать в качестве иллюстраций к тому, как выглядит сообщество с точки зрения публикационных профилей.

Как было обещано выше, в полученной карте и кластеризации действительно главенствует сочетание территориального и институционального принципов. Большинство кластеров так или иначе основаны на привязке к конкретным институциям (это не только университеты, но и организации в структуре РАН), ассоциированным с ними изданиями, городами (когда этих институций и изданий оказывается несколько). Таков, например, 5 кластер, из 120 членов которого 85 — из Саратова, и 97 имеют публикации в «Известиях Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология», или 21 кластер, из 148 членов которого 83 — из Ростова-на-Дону, и 136 публиковались в «Гуманитарии Юга России» (адрес редакции — также Ростов-на-Дону). При нынешней детализации алгоритма поиска сообществ (могли обнаруживаться только кластеры размером не менее 90 человек) практически все крупные российские города (или города с крупными университетами/социологическими кафедрами), таким образом, получили по собственному кластеру. На этом фоне любопытны редкие случаи, где территориальный/институциональный принцип не обнаруживается — таков, например, 29 кластер (179 человек), многие представители которого публикуются в журналах издательского дома «Хорс» («Теория и практика общественного развития», «Общество: социология, психология, педагогика»).

Влияние географических факторов на карты науки, построенные по принципу близости журнальных профилей, было ранее показано на примере карты испанских институций, построенный по схожему принципу [García et al., 2012]. В частности, авторы этой статьи указывают на конкретные пары институций, имеющие очень сходные наборы журналов (в которых публикуются их сотрудники) и при этом близкие территориально, однако географическое расположение не становится главенствующим принципом в их результатах. Кажется, в российском случае (при поправке на другую единицу анализа: авторы, а не институции) сила географического/институционального принципа группировки авторов объясняется обилием журналов

при сильной локальной ограниченности их аудиторий [Губа, 2011]. Используя гротескную формулировку, редки случаи, когда авторы из города X предпочтут опубликовать результаты своей работы в вестнике университета в городе Y, а не в издании при университете в городе X. На это указывает и распределение журналов по числу публиковавшихся в них авторов из числа социологов: за исключением идущего на первом месте «СоцИса», где публиковалось 1 784 автора (20,8% от всех авторов), предел в 5% от общего числа авторов преодолевает лишь 11 журналов. Отрыв «СоцИса» при этом объясняется его своеобразной миссией «главного журнала отечественной социологии» как площадки её полной репрезентации [Губа, 2019], с присущими журналу рубриками «у нас в гостях...». Тематическая группировка авторов практически отсутствует или является вторичной по отношению к территориальной/институциональной. Таково журнальное поле, где, при большом объёме печатной продукции, наиболее частым местом публикации является «Вестник/Известия X», а не журнал по «социологии Y» (здоровья, науки, молодежи...).

Институциональный и географический факторы также фигурируют за линией объяснений структуры российской социологии через призму «локалистов» и «глобалистов», т. е. исследователей, ориентированных на международные и локальные академические стандарты, карьеры и практики соответственно [Сафонова, 2012; Сафонова, Соколов, 2021]. Эти типы, а также промежуточная позиция между ними, складываются в три академические культуры, порой столь разные, что их представителей трудно заподозрить в принадлежности к одной научной специальности [см. наиболее комичные описания в главе о России в Соколов и др., 2015]. Представители «Ист-сайда» в этом взгляде, — это сотрудники государственных (не столичных) вузов, где карьеры скорее похожи на те, что делают на госслужбе; «Вест-сайд» — исследователи в новых (в т.ч. частных) образовательных учреждениях, вроде Высшей школы экономики; «Центр» — учёные из организаций в структуре РАН, совмещающие черты обеих прочих культур.

На рисунке 5 можно разглядеть все эти академические культуры. Во-первых, как уже было сказано, здесь есть множество кластеров из российских регионов, составляющих «Ист-сайд». На мой взгляд, важно, что карта позволяет различить разные его составляющие и углубиться в их публикационную активность. Две прочие культуры, «Вест-сайд» и «Центр», наиболее явно представлены кластерами 13 и 15–17, которые на рисунке 6 даны в приближении, а на рисунке 7, финальном для этого текста, показаны в раскраске по факту публикаций отдельных авторов в тех или иных журналах. Не приводя дополнительных иллюстраций, замечу, что приведенный на рисунках 6–7 фрагмент карты социологов показывает место с наибольшей плотностью точек, и в сумме показывает 1 511 авторов (17,6% от общей совокупности).

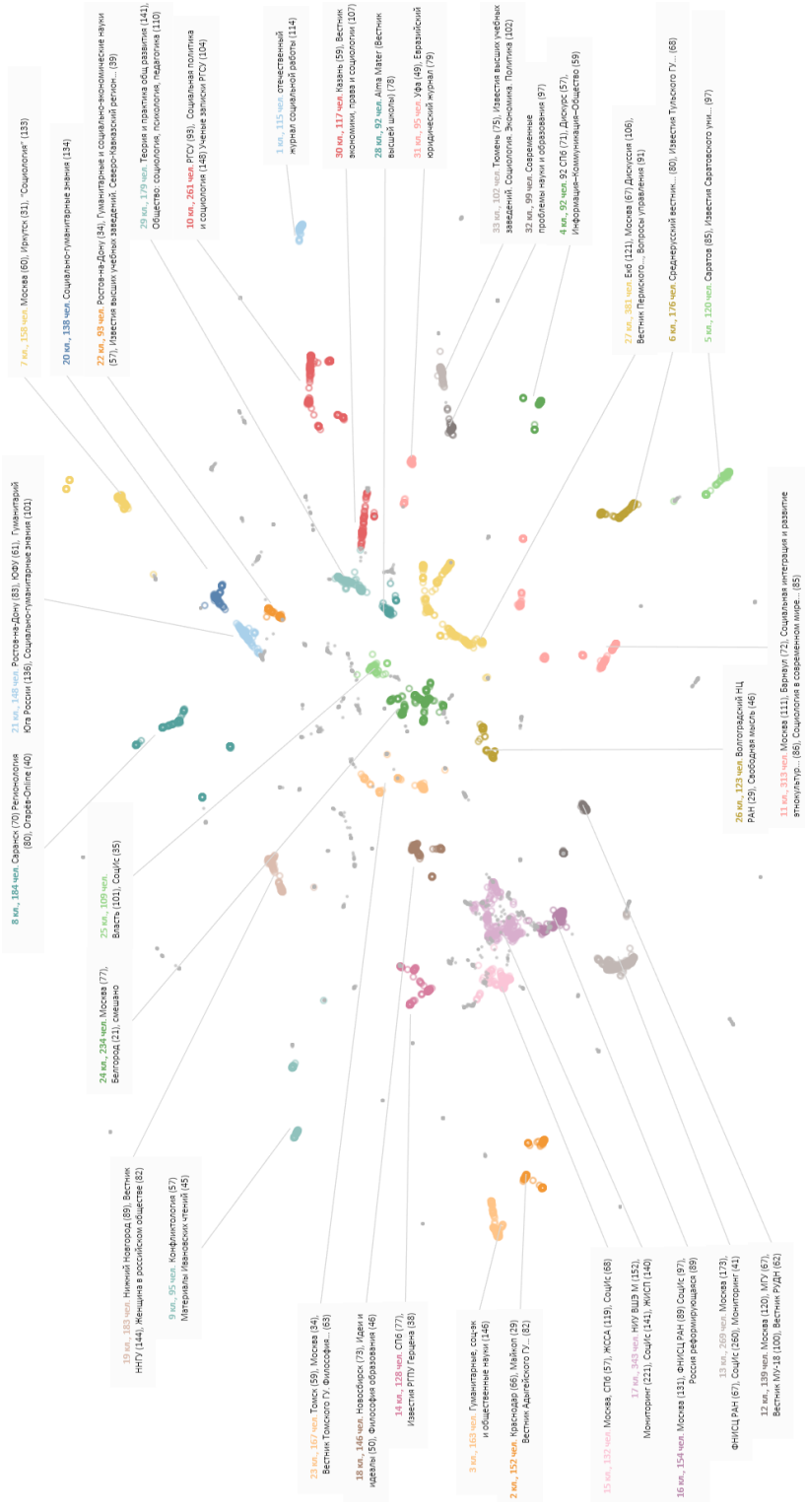

Рисунок 5. 8 578 российских социологов в пространстве сниженной размерности (SVD, UMAP), полученном на основе данных о журналах, в которых они публиковались. Кластеризация выполнена с помощью hDBSCAN (*minPts* = 90). Всего найдено 33 кластера (подписаны на рисунке с помощью вынесенных текстовых блоков). 3 178 точек отнесено к т. н. «шуму»; для лучшей визуализации они показаны серым цветом и меньшим размером.

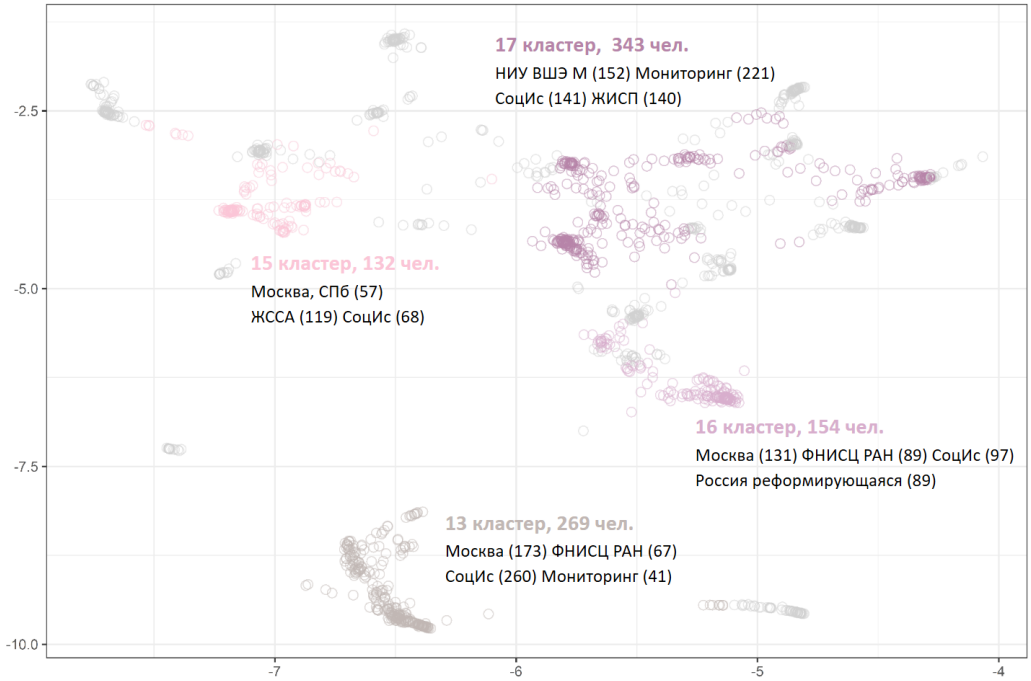

Рисунок 6. Фрагмент рисунка 5, представляющий место с наибольшей плотностью точек.

Распределения журналов по группам авторов (рисунок 7) оказывается удобным дополнением к институциональным аффилиациям. Авторы из 17 кластера, преимущественно связанные с Высшей школой экономики, заметно больше коллег из прочих кластеров публикуются в «Экономической социологии», «ЖИСПе» и «Социологии власти» (характерно, как эти журналы приходятся на разные части кластера, показывая, что какая-то тематическая/методологическая вариация в расположении точек всё-таки может обнаруживаться). Кластеры 15 и 13/16, кажется, характеризуют две «центральные» культуры, территориально расположенные в Санкт-Петербурге (отсюда — популярность в 15 кластере «Журнала социологии и социальной антропологии», который частично захватывает и 17 кластер) и Москве. В 13 и 16 кластерах происходит следующее разделение, — один кластер сильно связан с «Социологическим журналом», а в другом практически все публиковались в «СоцИсе» (заметном и в других кластерах, пусть в меньшей степени). Лидирующей аффилиацией авторов в обоих кластерах при этом является ФНИСЦ РАН.

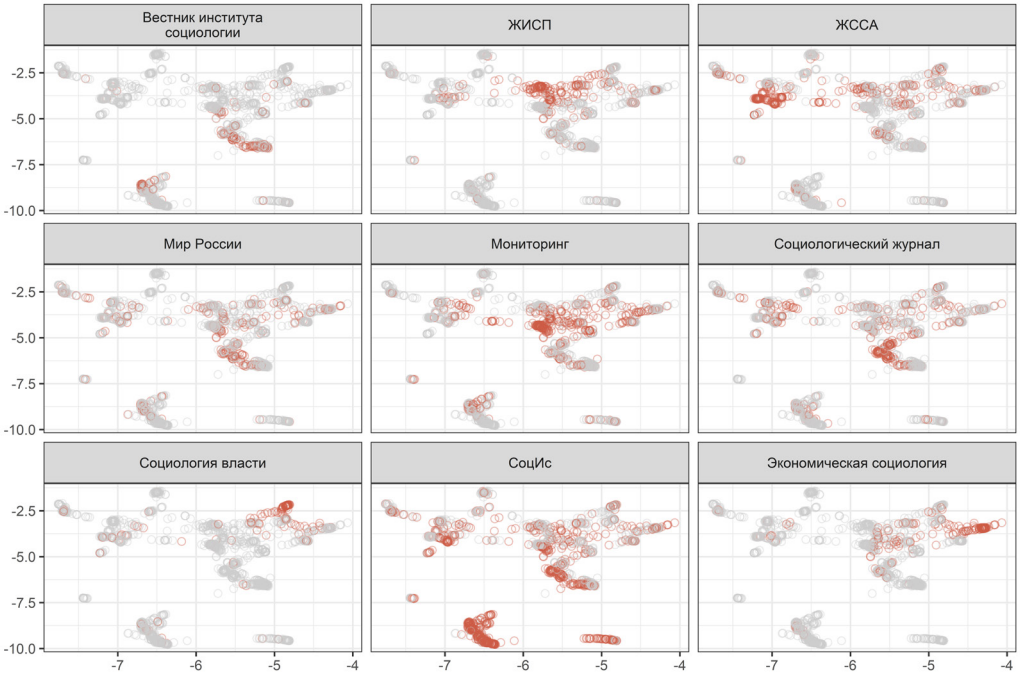

Рисунок 7. Кластеры 13 и 15–17 (см. рисунок 6), где точки (социологи) раскрашены по принципу наличия публикаций в тех или иных журналах.

Вместо заключения: ограничения venue-author coupling и варианты его использования

Всё сказанное выше можно суммировать следующим образом. Способ научной картографии, использующий связи между авторами и журналами, вполне жизнеспособен, и позволяет отвечать на вопросы о структуре научных специальностей и взаимосвязях между их компонентами. Требуемые для алгоритма данные могут быть ситуативно более доступны, чем (более богатые и конвенциональные) полные метаданные конкретных публикаций и сведения об их цитированиях. В первом примере было показано, как реляционно располагаются некоторые российские научные специальности, как авторы из разных дисциплин обнаруживают себя на чужой территории, и как venue-author coupling находит реальные исследовательские сообщества, не существующие на уровне классификаций, — в частности, группу антропологов. Другой пример, о конкретной дисциплине, подтвержда-

ет существующие описания российских социологов как разделённых между разными академическими культурами, во многом институционально и территориально укорененными.

К предложенным демонстрациям не стоит относиться как к единственно возможным — в случае отечественных социологов, например, в литературе описано уже множество попыток эмпирически показать карту специальности [см. те же результаты на данных интервью в Соколов и др., 2015; опросных данных в Сафонова, Соколов, 2021; данных о разных профессиональных связях в Сафонова, 2012; данных о пересечениях в составах редколлегий российских журналов в Pecherskikh, 2025; но также и другие выводы, например, в работах на данных о профессиональной коммуникации в онлайн-сообществах в Бархатова, 2020; Ким, Мальцева, 2024]. Существуют доказательства, что результаты разных способов coupling могут быть сильно скоррелированы [Baccini et al., 2020; Qiu, Dong, Yu, 2014], однако стоит чувствительно относиться к разным форматам данных, способам их анализа и различиям в результатах и их представлениях разными авторами. Более того, реализация venue-author coupling в тексте выше имеет ряд существенных ограничений:

1. Сведение академических идентичностей к спискам печатных журнальных текстов, т. е. построение авторских фигур не только без книг, диссертаций, учебников и прочих нежурнальных печатных форм, но и без прочих активностей, составляющих жизнь социальных исследователей в России. К последним относятся разные аспекты преподавания и трек публичных выступлений, а также опыт вовлечённости в неакадемические проекты и участие в публичной сфере. Иными словами, предложенная карта работает с очень конкретным, измеримым понятием «социального круга», как было сказано выше, ещё 60 лет назад победившего в эмпирических социологических исследованиях [Kadushin, 1966, p. 788, f5].
2. Далее, что отличает анализ выше от прочих опытов с venue-author coupling [Печников, 2025б; García et al., 2012; Minguillo, 2010; Ni, Sugimoto, Jiang, 2013], он не является историчным, т. е., в силу специфики данных, не вводит временные фильтры на отбор публикаций и, так, учитывает сразу всех авторов, числящихся в РИНЦ в соответствующих дисциплинах. Это приводит к тому, что исторические фигуры, от Максима Ковалевского до Татьяны Заславской и Геннадия Батыгина, оказываются нанесенными на карту вместе с нынешними аспирантами социологических факультетов, создавших себе страничку в РИНЦ[19]. Опять же, в свете

[19] То, что у исторических фигур вроде Максима Ковалевского в РИНЦ или Чарльза Райта Миллса в google-академии в принципе есть «профили», могло бы стать темой детективного расследования.

оригинального контекста идеи «социальных кругов», это чрезмерное упрощение. У Зиммеля наблюдение, описание и рост числа «кругов» были инструментом исторической социологии; здесь же они «схлопывают» время в единое геометрическое пространство, как бы исключая историческую динамику из обсуждения. Анализ мог бы серьёзно выиграть от включения данных о периодах выхода журналов или детализации дат выхода публикаций.

3. Наконец, технически, в результатах возможны смещения из-за качества данных в самом РИНЦ: скажем, какие-то записи могут некорректно атрибутировать журналы и/или авторов[20]. Тем не менее, кажется, что от данных о фактах публикаций в тех или иных журналах следует ожидать большей надёжности, чем от более сложных реляционных данных о цитированиях[21]. Как указывают прочие авторы, venue-author coupling также может быть полезен для тех дисциплин, где популярные основы для карт, вроде (со-)цитирований или соавторств, работают плохо в силу особых практик цитирования и низкой доли коллабораций: классическим примером здесь являются Humanities [Torres-Salinas, Romero-Frías, Arroyo-Machado, 2019]. Это справедливо и для периферийных академических контекстов, где качество учёта цитатных потоков вызывает вопросы.

В заключение хотелось бы перечислить некоторые обобщённые аудитории, которым могут быть полезны научные карты вроде тех, что были представлены в тексте. Первая, и наиболее очевидная, аудитория — научные администраторы всех сортов. Для этой группы карты выше могут быть даже более полезны, чем классические карты цитирований (со-цитирований, анализ совместной встречаемости слов, и проч.), поскольку авторы являются единственной единицей анализа, на которую можно оказывать прямое воздействие [Noyons, 2004, p. 245]. Отсюда польза подобных карт для решения

[20] Разглядывая данные на финальном этапе работы я, например, заметил, что статья Nathan Rosenberg и Richard R. Nelson, вышедшая в 1994 году в журнале Research Policy и, по данным google-академии, процитированная несколько тысяч раз, в РИНЦ присвоена Наталье Розенберг из Пензенского государственного университета (и имеет там четыре цитирования).

[21] И на этот аргумент, однако, можно возразить, что журналы со временем могут целиком изменять фокус и соответствующий круг авторов. Иногда это объясняется, например, сменой команды редакторов, — в России см. случай «Социологии власти», с 2012 года изменившейся более чем полностью, и скорее разъединяющей, чем связывающей прежнюю и нынешнюю группы авторов. Учесть подобные изменения для всех тысяч журналов, даже при наличии метаданных каждой статьи, кажется большой самостоятельной задачей.

задач организации экспертного оценивания научных результатов[22] и распределения финансирования, а также вопросов найма (например, когда необходимо найти «человека, публикующегося в X», или автора, который расширит чувствительность коллектива к прочим академическим культурам и ассоциированными с ними стандартами коммуникации). Преимуществом карт науки является лёгкость их восприятия — они могут служить общей почвой для обсуждений между исследователями, руководителями научных проектов и научными администраторами, например, планирующими расширение организации и создание новых коллективов [Petrovich, 2021, p. 25]. Будучи при этом сложнее одномерных наукометрических характеристик, вроде импакт-факторов журналов или объёмов цитирований, они стимулируют большую степень рефлексивности у пользователей, чем простые числа и оценки [ibid].

Второй группой пользователей научных карт хочется назвать исследователей науки: авторов из областей science of science, наукометрии, социологии науки. Само собой, предложенные карты могут быть полезны в конкретных эмпирических дизайнах. Например, для решения задачи мэтчинга, т. е. идентификации «похожих» друг на друга исследователей/институций/коллективов/публикаций для дальнейшей оценки внешних эффектов на часть из них — выхода публикаций, получения финансовой поддержки, стажировок, и проч. [см. подробнее о мэтчинге в исследованиях науки в Bittmann, Tekles, Bornmann, 2021] или определения фактической близости дисциплин для сравнения присущих им практик (например, первая из представленных карт может объяснять результаты из статьи [Иванов, Девятко, 2024] о сравнении социологии и психологии, оперируя исключительно дистанцией между дисциплинами и положениями авторов выбранных в работе журналов). Здесь кажется важным замечание, что картографии достойны не только «нормальная» вестернизированная наука (дисциплины STEM, самые продуктивные авторы и коллективы в мире) и «модельные случаи» (из рассмотренных ранее текстов про venue-author coupling сразу несколько работают с областью Library & Information Science), но и те сегменты науки, которые часто оказываются «за бортом» интересов наукометристов: это и менее привилегированные в экономике науки области, вроде Humanities, и периферийные

[22] Здесь имеется в виду в первую очередь рецензирование. «Близость» рецензента к авторам в социальном пространстве, например, в сетях соавторства (даже если лично они никогда не встречались), приводит к более позитивным оценкам работы последних [Teplitskiy et al., 2018]. Нет оснований считать, что подобный эффект не будет работать в описанных картах (особенно социологической). Ответственный редактор, выбирая рецензентов и получая от них рецензии, может учитывать дистанцию между авторами и рецензентами, принимая решение о судьбе рукописи.

академические контексты, вроде российских социальных наук. Для современных исследований в области science mapping именно такие случаи, — где отсутствуют хорошие данные, а практики исследователей могут отличаться от нормативных/ожидаемых, — могут стать важнейшей проверкой валидности и границ применения уже разработанных методов.

Наконец, третьей группой пользователей (описанных) карт науки могут быть сами учёные, нанесённые на плоскость. Карта позволяет найти своё место в общем реляционном пространстве специальностей, а также оглядеться по сторонам. Она может быть полезна в поиске коллег для будущих коллабораций и для ориентации в общем объёме журнальных публикаций российских авторов, но и в ответе на очень специфичные запросы, вроде быстрого извлечения “reference articles”[23]. В конечном счёте, карта показывает, что окружающий мир всегда больше, чем кажется, — и может помогать ориентации в нём, как мечтающим о научной карьере детям[24], так и состоявшимся учёным, задумывающимся о границах собственного сообщества или отправляющихся в другое дисциплинарное поле.

Карты позволяют искать и тех, на кого вы наиболее похожи, — и, если это не ваши ближайшие коллеги, то, возможно, лучше с ними никогда не встречаться: ведь кто-то из двойников рискует исчезнуть.

Благодарности

Я благодарен своим коллегам по Центру институционального анализа науки и образования (ЦИАНО) за обсуждение работы на разных этапах: Екатерине Дьяченко, Максиму Дмитриеву, Дарье Геращенко и Алексею Железнову. За возможность предметно познакомиться с наследием Георга Зиммеля в современных сетевых исследованиях я благодарен курсу Андрея Кузнецова по «истории социологии», в рамках которого были написаны некоторые фрагменты этого текста. Очень ценными

[23] Т.е. текстов, на структуру которых можно ориентироваться при написании собственной статьи, например, карты позволяют найти людей из России, публиковавшихся в журнале X, не просматривая все выпуски журнала. Происхождение из России здесь кажется особенно важным, поскольку при письме на зарубежных языках не всегда понятно, как «подать» российский случай и объяснить его важность.

[24] Классики science mapping в каждом своём тексте несколько наивно подчеркивают образовательную функцию карт науки, и даже предлагают их использовать для разговоров о «науке» с детьми [Klavans, Boyack, 2009, p. 472]. Наука очень разная, и ни одна её часть не является главной, — и отсутствие способностей к условной математике не означает закрытие пути в науку.

были советы Марии Васильевой по визуализации данных. Наконец, я признателен команде «Путей России» за организацию спецвыпуска и помощь в финальной подготовке рукописи, а также анонимному рецензенту за ценные замечания. Все остающиеся ошибки и недочёты — исключительно мои.

Литература

1. *Бархатова, Л. А.* Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5(159). С. 204–221.
2. *Бурдье, П.* Homo academicus / пер. с фр. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. *Гринёв, А.* В. 20-летний юбилей Российского индекса научного цитирования: есть ли поводы для торжества? // Социология науки и технологий. 2025. № 16(3). С. 120–144.
4. *Губа, К. С.* Академические журналы: воспроизводство локальных репутаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1(13). С. 152–163.
5. *Губа, К. С.* Быть главным журналом в российской социологии: когда миссия имеет значение // Экономическая социология. 2019. № 20(4). С. 14–38.
6. *Гуреев, В. Н., Мазов, Н. А., Каленов, Н. Е.* База данных RSCI: некоторые оценки наполнения и возможностей использования // Информация и инновации. 2017. спец. вып. С. 57–65.
7. *Иванов, Д. В., Девятко И. Ф.* Библиометрические признаки как символические маркеры дисциплинарных границ: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6(184). С. 27–51.
8. *Каленов, Н. Е., Селюцкая, О. В.* Некоторые оценки качества Российского индекса научного цитирования на примере журнала «Информационные ресурсы России» // Информационные ресурсы России. 2010. № (6). С. 2–13.
9. *Ким, А. В., Мальцева, Д. В.* Стабильность структуры онлайн-сообщества российских социологов: 2011—2018 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1(179). С. 202–228.
10. *Маршакова, И. В.* Система связей между документами, построенная на основе ссылок: по данным Science Citation Index // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1973. № (6). С. 3–8.
11. *Печников, А. А.* Пилотная модель сети научных журналов России: анализ на основе графа пересечений // Учёные записки Казанского университета. Серия Физико-математические науки. 2025а. № 167(2). С. 311–328.
12. *Печников, А. А.* Библиометрический анализ российских исторических журналов // Социология науки и технологий. 2025б. № 16(3). С. 145–164.
13. *Сафонова, М. А.* Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № (6). С. 107–120.
14. *Сафонова, М. А., Соколов, М. М.* Иерархия дисциплин и устройство междисциплинарных связей в России, 2006-2016: анализ корпуса докторских диссертаций // Социология науки и технологий. 2016. № 7(4). С. 86–105.

15. *Сафонова, М. А., Соколов, М. М.* Структура российской социологии // Социологические исследования. 2021. № 11(11). С. 91–105.
16. *Семёнов, Е. В.* Развитие сети научных журналов в России: стратегические, технологические и организационные вопросы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. № 11(3). С. 116–140.
17. *Соколов, М., и др.* Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
18. *Baccini, A., et al.* Intellectual and social similarity among scholarly journals: An exploratory comparison of the networks of editors, authors and co-citations // Quantitative Science Studies. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 277–289.
19. *Bittmann, F., Tekles, A., Bornmann, L.* Applied usage and performance of statistical matching in bibliometrics: The comparison of milestone and regular papers with multiple measurements of disruptiveness as an empirical example // Quantitative Science Studies. 2021. Vol. 2. No. 4. P. 1246–1270.
20. *Bollen, J., et al.* Clickstream data yields high-resolution maps of science // PloS one. 2009. Vol. 4. No. 3. P. e4803.
21. *Börner, K., Theriault, T. N., Boyack K. W.* Mapping science introduction: Past, present and future // Bulletin of the Association for Information Science and Technology. 2015. Vol. 41. No. 2. P. 12–16.
22. *Breiger, R. L.* The duality of persons and groups // Social forces. 1974. Vol. 53. No. 2. P. 181–190.
23. *Broćić, M., Silver, D.* The Influence of Simmel on American Sociology Since 1975 // Annual Review of Sociology. 2021. Vol. 47. No. 1. P. 87–108.
24. *Cabanac, G.* Accuracy of inter-researcher similarity measures based on topical and social clues // Scientometrics. 2011. Vol. 87. No. 3. P. 597–620.
25. *Callon, M., et al.* From translations to problematic networks: An introduction to co-word analysis // Social Science Information. 1983. Vol. 22. No. 2. P. 191–235.
26. *Campello, R. J. G. B., Moulavi, D., Sander, J.* Density-Based Clustering Based on Hierarchical Density Estimates // Advances in Knowledge Discovery and Data Mining / Pei J., et al. (eds.). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2013. P. 160–172.
27. *Carusi, C., Bianchi, G.* Scientific community detection via bipartite scholar/journal graph co-clustering // Journal of Informetrics. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 354–386.
28. *Carusi, C., Bianchi, G.* A look at interdisciplinarity using bipartite scholar/journal networks // Scientometrics. 2020. Vol. 122. No. 2. P. 867–894.
29. *Céspedes, L., et al.* Evaluating the linguistic coverage of OPENALEX: An assessment of metadata accuracy and completeness // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2025. Vol. 76. No. 6. P. 884–895.
30. *De Nooy, W.* Fields and networks: correspondence analysis and social network analysis in the framework of field theory // Poetics. 2003. Vol. 31. No. 5–6. P. 305–327.
31. *D'Esposito, M. R., De Stefano, D., Ragozini, G.* On the use of multiple correspondence analysis to visually explore affiliation networks // Social Networks. 2014. Vol. 38. P. 28–40.
32. *García, J. A., et al.* Mapping academic institutions according to their journal publication profile: Spanish universities as a case study // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 63. No. 11. P. 2328–2340.
33. *Garcia, J. A., Rodriguez-Sanchez, R., Fdez-Valdivia, J.* A novel approach based on journal coupling to determine authors who are most likely to be part of the same invisible college // Journal of Data and Information Science. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 101–131.
34. *Hahsler, M., Piekenbrock, M., Doran, D.* dbscan: Fast density-based clustering with R // Journal of Statistical Software. 2019. Vol. 91. P. 1–30.

35. *Hollstein, B.* Georg Simmel's contribution to social network research // Personal networks: Classic readings and new directions in egocentric analysis / Small M. L., Perry B. L., Pescosolido B., Smith E. (eds.). Cambridge University Press, 2021. P. 44–59.
36. *Kadushin, C.* The friends and supporters of psychotherapy: on social circles in urban life // American Sociological Review. 1966. P. 786–802.
37. *Kessler, M. M.* Bibliographic coupling between scientific papers // American Documentation. 1963. Vol. 14. No. 1. P. 10–25.
38. *Klavans, R., Boyack, K. W.* Toward a consensus map of science // Journal of the American Society for information science and technology. 2009. Vol. 60. No. 3. P. 455–476.
39. *Krause, M.* Model cases: On canonical research objects and sites. Chicago: University of Chicago Press, 2024.
40. *Baglama, J., Reichel, L., Lewis, B. W.* irlba: Fast Truncated Singular Value Decomposition and Principal Components Analysis for Large Dense and Sparse Matrices [Computer software] // 2026.
41. *Melville, J.* uwot: The uniform manifold approximation and projection (UMAP) method for dimensionality reduction [Computer software] // 2019.
42. *Minguillo, D.* Toward a new way of mapping scientific fields: Authors' competence for publishing in scholarly journals // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61. No. 4. P. 772–786.
43. *Moody, J.* The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999 // American Sociological Review. 2004. Vol. 69. No. 2. P. 213–238.
44. *Ni, C., Sugimoto, C. R., Jiang, J.* Venue?author?coupling: A measure for identifying disciplines through author communities // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2013. Vol. 64. No. 2. P. 265–279.
45. *Noichl, M.* Modeling the structure of recent philosophy // Synthese. 2021. Vol. 198. No. 6. P. 5089–5100.
46. *Noyons, C. M.* Science Maps Within a Science Policy Context: Improving the Utility of Science and Domain Maps Within a Science Policy and Research Management Context // Handbook of Quantitative Science and Technology Research / Moed H. F., Glänzel W., Schmoch U. (eds.). Dordrecht: Springer Netherlands, 2004. P. 237–255.
47. *Pecherskikh, A.* Editorial Interlocking in the Periphery: Mapping the Overlap of Social and Topical Boundaries in Russian Sociology // American Sociologist. 2025. Vol. 56. No. 4. P. 673–701.
48. *Petrovich, E.* Science mapping and science maps // Knowledge Organization. 2021. Vol. 48. No. 7–8. P. 535–562.
49. *Qiu, J.-P., Dong, K., Yu H.-Q.* Comparative study on structure and correlation among author co-occurrence networks in bibliometrics // Scientometrics. 2014. Vol. 101. No. 2. P. 1345–1360.
50. *Rokotyan, N., et al.* Cosmograph: GPU-accelerated Force Graph Layout and Rendering [Computer software] // 2022.
51. *Simmel, G.* Conflict and The web of group-affiliations. Glencoe: Free Press, 1955.
52. *Simmel, G.* Sociology: Inquiries into the construction of social forms. Leiden: Brill, 2009.
53. *Small, H.* Co?citation in the scientific literature: A new measure of the relationship between two documents // Journal of the American Society for Information Science. 1973. Vol. 24. No. 4. P. 265–269.
54. *Stoetzler, M.* Intersectional Individuality: Georg Simmel's Concept of "The Intersection of Social Circles" and the Emancipation of Women // Sociological Inquiry. 2016. Vol. 86. No. 2. P. 216–240.
55. *Teplitskiy, M., et al.* The sociology of scientific validity: How professional networks shape judgement in peer review // Research Policy. 2018. Vol. 47. No. 9. P. 1825–1841.
56. *Torres-Salinas, D., Romero-Frías, E., Arroyo-Machado, W.* Mapping the backbone of the Humanities through the eyes of Wikipedia // Journal of Informetrics. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 793–803.

57. *Van Eck, N. J., Waltman, L.* Visualizing Bibliometric Networks // Measuring Scholarly Impact / Ding, Y., Rousseau, R., Wolfram, D. (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 285–320.
58. *White, H. D., Griffith, B. C.* Author cocitation: A literature measure of intellectual structure // Journal of the American Society for information Science. 1981. Vol. 32. No. 3. P. 163–171.

Arthur Pecherskikh

Venue-author coupling for Russian social sciences: maps and use cases

Arthur Pecherskikh — researcher at the Center for Institutional Analysis of Science and Education (CIASE), European University at St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, Gagarinskaya st., 6/1 A. **E-mail:** apecherskikh@eu.spb.ru.

Abstract: The article focuses on venue-author coupling (VAC), a method for determining distances between scholars based on the degree of overlap in the journals in which they have published. These distances can serve as a basis for constructing "science maps", that is, relational representations of scientific specialties. The first part of the text offers a comprehensive review of studies that employ VAC, demonstrating the connection between this mode of work in scientometrics (bibliographic coupling, co-citation, co-word, etc.) and affiliation metaphors in sociology (in particular, the one proposed by Georg Simmel under the idea of "social circles"), and discusses the characteristics of contemporary international and Russian empirical work on the topic. The second part of the text presents two maps (also available online) built on data from the Russian Science Citation Index (RSCI) on Russian "social scientists" (24 452 authors from 9 specialties, with publications in 10 008 journals) and sociologists (8 578 authors, with publications in 3 320 journals). Whereas the first dataset limits authors by a h-index of more than 10, the second includes all sociologists appearing in the list under the corresponding subject category in the RSCI. The number of authors' publications in journals was normalized using the tf-idf technique, and then the dimensionality of both datasets was reduced to just two dimensions using a combination of SVD and UMAP algorithms. To improve the interpretation of the results, clustering using the HDBSCAN was also applied to a portion of the data. The results section shows the distribution of the "social scientists" according to the obtained coordinates, revealing a distinction between established major disciplines (psychology, economics) and those that are relatively young in the Russian context (political science, sociology). Using the case of history (included in the study as its official category incorporates anthropologists), it is shown that VAC is capable of detecting disciplinary communities better than the high-level classifications. The map of Russian sociologists reveals a distribution of authors in which institutional and territorial principles prove far more important than the thematic one. This supports previous descriptions of Russian sociology as consisting of different academic cultures (Westernized, locally oriented, and mixed form). The concluding section examines in detail both the limitations of the VAC approach to mapping science

and the ways it can be used by different audiences, from academic administrators to the authors themselves, whose positions are mapped in this study. It is argued that science mapping enterprise should move to the peripheral contexts where “normal science” practices may not be present, in order to test both limitations and potential of its methods.

Keywords: sociology of science, sociology of sociology, science mapping, Russian science, dimensionality reduction

For citation: Pecherskikh, A. (2026) Venue-author coupling for Russian social sciences: maps and use cases. *Russia’s Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 33–71.

References

1. Baccini, A., et al. (2020). Intellectual and social similarity among scholarly journals: an exploratory comparison of the networks of editors, authors and co-citations. *Quantitative Science Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 277–289.
2. Baglama, J., Reichel, L., & Lewis, B. W. (2026). irlba: fast truncated singular value decomposition and principal components analysis for large dense and sparse matrices [Computer software].
3. Barkhatova, L. A. (2020). Structural features of Russian sociologists’ communication: an online community case study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, No. (5), 204–221. (In Russ.)
4. Bittmann, F., Tekles, A., & Bornmann, L. (2021). Applied usage and performance of statistical matching in bibliometrics: the comparison of milestone and regular papers with multiple measurements of disruptiveness as an empirical example. *Quantitative Science Studies*. Vol. 2. No. 4. P. 1246–1270.
5. Bollen, J., et al. (2009). Clickstream data yields high-resolution maps of science. *PLoS ONE*. Vol. 4. No. 3. P. e4803.
6. Börner, K., Theriault, T. N., & Boyack, K. W. (2015). Mapping science introduction: past, present and future. *Bulletin of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 41. No. 2. P. 12–16.
7. Bourdieu, P. (2018). *Homo academicus. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara*. (In Russ.)
8. Breiger, R. L. (1974). The duality of persons and groups. *Social Forces*. Vol. 53. No. 2. P. 181–190.
9. Broćić, M., & Silver, D. (2021). The influence of Simmel on American sociology since 1975. *Annual Review of Sociology*. Vol. 47. No. 1. P. 87–108.
10. Cabanac, G. (2011). Accuracy of inter-researcher similarity measures based on topical and social clues. *Scientometrics*. Vol. 87. No. 3. P. 597–620.
11. Callon, M., et al. (1983). From translations to problematic networks: an introduction to co-word analysis. *Social Science Information*. Vol. 22. No. 2. P. 191–235.
12. Campello, R. J. G. B., Moulavi, D., & Sander, J. (2013). Density-based clustering based on hierarchical density estimates. In J. Pei, et al. (Eds.), *Advances in Knowledge Discovery and Data Mining* (P. 160–172). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
13. Carusi, C., & Bianchi, G. (2019). Scientific community detection via bipartite scholar/journal graph co-clustering. *Journal of Informetrics*. Vol. 13. No. 1. P. 354–386.
14. Carusi, C., & Bianchi, G. (2020). A look at interdisciplinarity using bipartite scholar/journal networks. *Scientometrics*. Vol. 122. No. 2. P. 867–894.
15. Céspedes, L., et al. (2025). Evaluating the linguistic coverage of OPENALEX: an assessment of metadata accuracy and completeness. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 76. No. 6. P. 884–895.

16. De Nooy, W. (2003). Fields and networks: correspondence analysis and social network analysis in the framework of field theory. *Poetics*. Vol. 31. No. 5–6. P. 305–327.
17. D'Esposito, M. R., De Stefano, D., & Ragozini, G. (2014). On the use of multiple correspondence analysis to visually explore affiliation networks. *Social Networks*. No. 38. P. 28–40.
18. García, J. A., et al. (2012). Mapping academic institutions according to their journal publication profile: Spanish universities as a case study. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 63. No. 11. P. 2328–2340.
19. Garcia, J. A., Rodriguez-Sanchez, R., & Fdez-Valdivia, J. (2025). A novel approach based on journal coupling to determine authors who are most likely to be part of the same invisible college. *Journal of Data and Information Science*. Vol. 10 No. 1. P. 101–131.
20. Grinev, A. V. (2025). 20th anniversary of the Russian Science Citation Index: are there reasons to celebrate? *Sociologia Nauki I Tehnologij-Sociology of Science and Technology*. No. 16(3). P. 120–144. (In Russ.)
21. Guba, K. S. (2011). Akademicheskie zhurnaly: vosproizvodstvo lokal'nykh reputatsiy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, No. 1(13). P. 152–163. (In Russ.)
22. Guba, K. S. (2019). To be the flagship journal of Russian sociology: when the mission matters. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, No. 20(4), 14–38. (In Russ.)
23. Gureev, V., Mazov, N., & Kalenov, N. (2017). Russian Science Citation Index: some aspects of formation and feasibility of using. *Informatsiya i innovatsii*. Special issue. P. 57–65. (In Russ.)
24. Hahsler, M., Piekenbrock, M., & Doran, D. (2019). dbscan: fast density-based clustering with R. *Journal of Statistical Software*. No. 91. P. 1–30.
25. Hollstein, B. (2021). Georg Simmel's contribution to social network research. In M. L. Small, B. L. Perry, B. Pescosolido, & E. Smith (Eds.), *Personal networks: classic readings and new directions in egocentric analysis* (pp. 44–59). Cambridge: Cambridge University Press.
26. Kadushin, C. (1966). The friends and supporters of psychotherapy: on social circles in urban life. *American Sociological Review*. Vol. 31. No. 6. P. 786–802.
27. Kalenov, N., & Seliutskaya, O. (2010). Some estimates of the quality of the Russian scientific citation index using the example of the journal "Information resources of Russia". *Informatsionnye resursy Rossii*. No. (6). P. 2–13. (In Russ.)
28. Kessler, M. M. (1963). Bibliographic coupling between scientific papers. *American Documentation*. Vol. 14. No. 1. P. 10–25.
29. Kim, A. V., & Maltseva, D. V. (2024). Structural stability of the Russian sociologists' online community: 2011–2018. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, No. (1), 202–228. (In Russ.)
30. Klavans, R., & Boyack, K. W. (2009). Toward a consensus map of science. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 60. No. 3. P. 455–476.
31. Krause, M. (2024). *Model cases: on canonical research objects and sites*. Chicago: University of Chicago Press.
32. Ivanov, D. V., & Deviatko, I. F. (2024). Bibliometric features as symbolic markers of disciplinary boundaries: a sociological perspective. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. (6). P. 27–51. (In Russ.)
33. Marshakova, I. V. (1973). System of document connections based on references. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy*, No. 2(6), 3–8. (In Russ.)
34. Melville, J. (2019). uwot: the uniform manifold approximation and projection (UMAP) method for dimensionality reduction [Computer software].
35. Minguillo, D. (2010). Toward a new way of mapping scientific fields: authors' competence for publishing in scholarly journals. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 61. No. 4. P. 772–786.

36. Moody, J. (2004). The structure of a social science collaboration network: disciplinary cohesion from 1963 to 1999. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 2. P. 213–238.
37. Ni, C., Sugimoto, C.R., & Jiang, J. (2013). Venue-author-coupling: a measure for identifying disciplines through author communities. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 64. No. 2. P. 265–279.
38. Noichl, M. (2021). Modeling the structure of recent philosophy. *Synthese*. Vol. 198. No. 6. P. 5089–5100.
39. Noyons, C.M. (2004). Science maps within a science policy context: improving the utility of science and domain maps within a science policy and research management context. In H.F. Moed, W. Glänzel, & U. Schmoch (Eds.), *Handbook of quantitative science and technology research* (pp. 237–255). Dordrecht: Springer Netherlands.
40. Pecherskikh, A. (2025). Editorial interlocking in the periphery: mapping the overlap of social and topical boundaries in Russian sociology. *The American Sociologist*. Vol. 56. No. 4. P. 673–701.
41. Pechnikov, A. (2025a). A pilot model of the scientific journal network in Russia: an intersection graph analysis. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Fiziko-Matematicheskie Nauki (Proceedings of Kazan University. Physics and Mathematics Series)*, No. 167(2), 311–328. (In Russ.)
42. Pechnikov, A. (2025b). Bibliometric analysis of Russian historical journals. *Sociologia Nauki I Tehnologij-Sociology of Science and Technology*. No. 16(3). P. 145–164. (In Russ.)
43. Petrovich, E. (2021). Science mapping and science maps. *Knowledge Organization*. Vol. 48. No. 7–8. P. 535–562.
44. Qiu, J.-P., Dong, K., & Yu, H.-Q. (2014). Comparative study on structure and correlation among author co-occurrence networks in bibliometrics. *Scientometrics*. Vol. 101. No. 2. P. 1345–1360.
45. Rokotyan, N., et al. (2022). Cosmograph: GPU-accelerated force graph layout and rendering [Computer software].
46. Safonova, M. (2012). Network structure and identities in a local community of sociologists. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 6(6). P. 107–120. (In Russ.)
47. Safonova, M.A., & Sokolov, M.M. (2016). The hierarchy of disciplines and the organization of interdisciplinary relations in Russian scholarship, 2006–2012: an analysis of the national doctoral dissertations database. *Sociologia Nauki I Tehnologij-Sociology of Science and Technology*. No. 7(4). P. 86–105. (In Russ.)
48. Safonova, M., & Sokolov, M. (2021). The structure of Russian sociological field—2020. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, No. 11(11), 91–105. (In Russ.)
49. Semenov, E.V. (2023). Development of the scientific journals network in Russia: strategic, technological and organizational issues. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No. 11(3). P. 116–140. (In Russ.)
50. Simmel, G. (1955). *Conflict and the web of group-affiliations.* Glencoe: Free Press.
51. Simmel, G. (2009). *Sociology: inquiries into the construction of social forms.* Leiden: Brill.
52. Small, H. (1973). Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents. *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 24. No. 4. P. 265–269.
53. Sokolov, M., Guba, K., Zimenkova, T., Safonova, M., & Chujkina, S. (2015). *Kak stanovyatsya professorami. Akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh [Becoming a professor: Academic Careers, markets and power in five countries].* Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
54. Stoetzler, M. (2016). Intersectional individuality: Georg Simmel's concept of "the intersection of social circles" and the emancipation of women. *Sociological Inquiry*. Vol. 86. No. 2. P. 216–240.
55. Teplitskiy, M., et al. (2018). The sociology of scientific validity: how professional networks shape judgement in peer review. *Research Policy*. Vol. 47. No. 9. P. 1825–1841.

56. Torres-Salinas, D., Romero-Frías, E., & Arroyo-Machado, W. (2019). Mapping the backbone of the humanities through the eyes of Wikipedia. *Journal of Informetrics*. Vol. 13. No. 3. P. 793–803.
57. Van Eck, N. J., & Waltman, L. (2014). Visualizing bibliometric networks. In Y. Ding, R. Rousseau, & D. Wolfram (Eds.), *Measuring scholarly impact* (pp. 285–320). Cham: Springer International Publishing.
58. White, H. D., & Griffith, B. C. (1981). Author cocitation: a literature measure of intellectual structure. *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 32. No. 3. P. 163–171.

А. А. Суворов

Малый спор в большой социологии науки

Андрей Александрович Суворов — студент 4 курса Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 2. **Электронная почта:** as2453@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена анализу научного конфликта, возникшего в профессиональном онлайн-сообществе социальных исследователей вокруг применения одного из исследовательских методов. На примере этого локального и, на первый взгляд, незначительного спора автор ставит вопрос о границах применимости классических социологических теорий научных конфликтов (П. Бурдье, Р. Коллинза, С. Шейпина и С. Шаффера, М. Моргана и П. Баерта). Показано, что в отличие от исторически значимых споров, разбиравшихся классиками социологии, настоящий кейс лишён макроструктурных оснований, однако этот контраст указывает не столько на незначительность самого случая, сколько на устойчивый перекос дисциплинарного взгляда в пользу конфликтов с долгосрочными последствиями. Наиболее продуктивной рамкой для анализа оказывается концепция академической (де)цивилизации М. Соколова, позволяющая интерпретировать спор как столкновение не столько методологических позиций, сколько различных представлений о цивилизованной манере ведения дискуссии в условиях отсутствия внешнего арбитра. В статье демонстрируется, как аффективные выпады одного из участников привели к смещению фокуса с содержания метода на манеру ведения дискуссии.

Ключевые слова: научные конфликты, социология науки, академическая цивилизация, российская социология, социология знания, социология социального и гуманитарного знания.

Для цитирования: *Суворов, А. А.* Малый спор в большой социологии науки // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 72–96.

> Это профессиональное сообщество. Тут сидят практикующие специалисты и люди с учеными степенями. И *Инициатор*[1].
>
> *Прагматик*

Отправной точкой статьи стал спор, развернувшийся в профессиональной группе социальных исследователей. Один из участников, много лет проработавший в прикладной социологии, инициировал дискуссию о применении метода фокус-групп. В какой-то момент он (далее — *Инициатор*) предложил коллегам описать свой опыт работы с этим методом и обозначить его ограничения. Один из специалистов согласился (далее — *Практикующий модератор*). Предложение поначалу вызвало заметный энтузиазм. Участники обсуждали возможность создать отдельный чат по методологии, где все желающие могли бы совместно обсуждать фокус-группы. Для этого была организована онлайн-встреча, в ходе которой *Практикующий модератор* кратко рассказал, как он проводит фокус-группы. Все желающие могли слушать и участвовать в дискуссии. В ходе выступления другой участник (далее — *Деталист*) задал несколько уточняющих вопросов о роли эмоций, о границах дискуссии, о том, можно ли переносить техники глубинного интервью в групповой формат. *Практикующий модератор* отвечал спокойно, признавая, что над некоторыми вопросами раньше не задумывался. В какой-то момент *Инициатор* посчитал, что часть вопросов *Деталиста* не относятся к теме и ставят *Практикующего модератора* в неловкое положение. Уже они вдвоем стали

[1] Не так давно в научном сообществе произошёл спор о методе. Дискуссия была публичной, в ней мог участвовать любой желающий, а за ходом обсуждения следили многие исследователи. Поскольку автор не ставит перед собой задачу судить о профессиональных качествах коллег и не хочет, чтобы у читателя формировалось негативное отношение к участникам дискуссии, все действующие лица спора скрыты за условными обозначениями. *Инициатор* — тот, кто начал разговор о методе фокус-групп и затем оказался в эпицентре конфликта. *Деталист* — его оппонент, задававший на онлайн-встрече уточняющие вопросы. *Прагматик* — специалист, вступивший в спор с собственным развёрнутым видением метода. *Старожил* — опытный исследователь, с самого начала наблюдавший за происходящим с заметной долей иронии. *Практикующий модератор* — исследователь, давно применяющий метод на практике. Обозначения выбраны условно и могут не характеризовать личные и профессиональные качества участников. Для более удобного восприятия лица спора будут писаться с большой буквы и курсивом. Автор настоящей работы не был участником спора, но внимательно наблюдал за его ходом.

обсуждать метод фокус-групп. Организатор предложил продолжить диалог в общем группе, на этом встреча завершилась. Запись стала доступна для всех желающих. Один из участников (далее — *Старожил*), наблюдая за подготовкой и анонсами, с откровенной усмешкой комментировал саму затею, давая понять, что воспринимает её не как серьёзное методологическое предприятие.

На следующее утро *Инициатор* выложил в общую онлайн-группу стенограмму обсуждения и обвинил *Деталиста* в некомпетентности, нарушении научной этики и применении манипулятивных техник, которые, по его мнению, мешали конструктивному обсуждению. *Деталист* ответил, что его вопросы были искренними и относились к теме, а если бы они были неуместны, его могли бы остановить. В спор вступил еще один важный участник обсуждения (далее — *Прагматик*), который по пунктам расписал, как он понимает метод фокус-групп. На его тезисы резко отреагировал *Инициатор* и заявил, что они производят впечатление умозрительных, написанных человеком, не имеющим систематического опыта проведения фокус-групп. По его мнению, *Прагматик*, вероятно, провёл лишь единичные «группы», а его обобщения не отражают реальной практики. *Прагматик* подробно возразил, ссылаясь на свой многолетний опыт. После небольшой перепалки *Инициатор* предложил взять у него интервью, чтобы детально разобрать позиции друг друга. Однако *Прагматик* отказался от устного разговора, предложив вместо этого всем желающим письменно задать ему вопросы, на которые впоследствии он подробно ответил. К дискуссии быстро подключились десятки коллег. Спор перестал быть простым обменом мнений о методе, некоторые участники переходили на личности. Другие — призвали к прекращению оскорблений. В частности, владелец группы несколько раз пытался вернуть обсуждение в конструктивное русло, но безуспешно. В итоге он принял решение временно заблокировать *Инициатора*, попросив всех взять паузу в обсуждении фокус-групп. Конфликт на этом затих, однако специалисты ещё несколько дней обсуждали не столько метод, сколько границы допустимого в профессиональных дискуссиях[2].

[2] Одной из главных проблем, с которой столкнулся автор статьи, является то, что более подробный пересказ конфликта может привести к деанонимизации участников. Чем детальнее воспроизводится ход дискуссии, включая точные формулировки реплик, временные границы конфликта, описание индивидуальных стилей аргументации и косвенные отсылки к профессиональным биографиям, тем выше вероятность того, что даже при замене имён на псевдонимы отдельные участники станут слишком узнаваемы. По этим причинам мы не можем указать, например, даты спора и используемую онлайн-платформу. Также во время анализа конфликта, мы обращались к академическим и другим работам участников, чтобы лучше понять их позиции.

Подобные конфликты сами по себе не редкость. Учёные постоянно сталкиваются с критикой со стороны коллег на конференциях, в рецензиях, критических статьях или в коридорах академии. Однако редко научный спор получает столь подробную письменную фиксацию и разворачивается при активном участии большого числа специалистов на глазах у профессионального сообщества. Споры о методах — неотъемлемая часть истории социальных и гуманитарных наук. Профессиональные сообщества для того и существуют, чтобы обсуждать и рефлексировать собственный опыт. Однако в нашем случае дискуссия вспыхнула вокруг метода, который давно и прочно вошёл в исследовательский арсенал. Фокус-группы используют в социологии, политическом консалтинге, маркетинге и во многих других сферах. Метод фокус-групп включен в курсы по методологии, о нем пишут статьи на русском языке, то есть для российской аудитории его трудно назвать новым. Более того, участники диспута хорошо знакомы с ним и сами применяют его в работе. Тогда почему возник этот конфликт и что мы можем из него извлечь для более общего анализа научных споров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала обратиться к каноническим работам, в которых поднимались схожие проблемы.

В социологии знания можно выделить два фундаментальных подхода. Консенсусный подход исходит из представления о науке как о сфере, интегрированной общими нормами, процедурами проверки знания и разделяемыми критериями рациональности. В этой перспективе разногласия рассматриваются как временные расхождения, возникающие в процессе уточнения знаний и постепенно преодолеваемые по мере накопления эмпирических данных и совершенствования аргументации. Консенсус при этом выступает нормативным горизонтом, на который ориентирована научная деятельность. Конфликтный подход, напротив, акцентирует внимание на том, что научное взаимодействие структурировано отношениями конкуренции. Различия в позициях связываются здесь не столько с расхождениями в интерпретации, сколько с борьбой за ресурсы, признание, авторитет или право определять границы легитимного знания. С этой точки зрения споры являются не отклонением от «нормального» состояния науки, а её обычным режимом функционирования. Для дальнейшего анализа важна именно конфликтная перспектива, поскольку рассматриваемый кейс не завершился и, как кажется, не мог завершиться достижением согласия[3]. Далее в центре нашего внимания окажутся

[3] Предлагаемое различение консенсусного и конфликтного подходов не следует понимать как онтологическое утверждение о том, что все споры устроены именно так. Следуя логике Эбботта, дихотомия имеют прежде всего эвристическую ценность, то есть помогает исследователю переключать оптику и замечать разные аспекты спора, а не навязывают единственно верную картину реальности [Abbott, 2004, p. 166]. В данном

четыре похожих интеллектуальных спора, каждый из которых получил собственную социологическую интерпретацию. Мы последуем за исследователями в Париж, Йену, Лондон и Кембридж. Вернувшись к дискуссии о фокус-группах, мы спросим себя, что из этих теорий схватывает суть нашего случая и где обнаруживаются границы их применимости. Затем будет предложена альтернативная теория, которая поможет нам глубже понять суть происходящего.

Париж, Йена, Лондон, Кембридж

Париж

Одну из наиболее детальных попыток объяснить, как устроены подобные споры, предпринял Пьер Бурдье. В работе «Homo academicus» он разбирает публичный скандал, который во французском литературоведении середины 1960-х годов получил название «спор о новой критике». Главными действующими лицами выступили Раймон Пикар и Ролан Барт. Пикар был профессором Сорбонны и признанным специалистом по творчеству Расина. Барт преподавал в VI секции Высшей практической школы и был тесно связан с авангардными журналами и формирующейся семиологией. В 1965 году Пикар опубликовал памфлет, где обвинил Барта и его сторонников в намеренном затемнении смысла, в пренебрежении историко-филологическими методами и в подмене анализа текста произвольными психоаналитическими и структуралистскими спекуляциями. Барт ответил книгой «Критика и истина» (1966), в которой сформулировал программное отличие «новой критики». Он заявил, что она исходит из множественности смыслов, использует современные лингвистические и антропологические инструменты и не претендует на «объективное» восстановление авторского замысла. Полемика быстро вышла за пределы узкого круга филологов. О ней писали ведущие газеты и еженедельники, такие как Le Monde и Le Nouvel Observateur. За Пикаром встало большинство профессоров Сорбонны, члены жюри конкурса агреже и «хранители канонических дисциплин»[4]. За Барта выступили левые

случае два подхода позволяют высветить ключевое различие между объяснениями и тем самым обосновать выбор конфликтной перспективы для анализа нашего кейса.

[4] «Канонические дисциплины» — это традиционные гуманитарные науки, составляющие ядро классического университетского образования. К ним Бурдье относит прежде всего французскую литературу, классическую филологию (латынь и греческий), древнюю историю и философию [Бурдье, 2018, с. 199–200]. Эти дисциплины тесно связаны

интеллектуалы, социологи, лингвисты, часть студентов и многие журналисты. [Бурдье, 2018, с. 224–227].

С точки зрения Бурдье, конфликт между Бартом и Пикаром нельзя понять, исходя из одного лишь содержания их текстов. Его причина кроется в их положении внутри университетского поля как пространства объективных отношений. Пикар занимает правую позицию, тесно связанную с «университетской властью». Он был профессором Сорбонны, членом жюри конкурса агреже, то есть его компетенции целиком зависели от образовательного учреждения, которое легитимировало его как «серьёзного» ученого. Он защищал не столько Расина, сколько монополию университетских «докторов» на «легитимное» чтение и на воспроизводство иерархии дисциплин. Его риторика «скромности», «объективности» и «здравого смысла» выражала ортодоксию. Это невысказанная вера в то, что филологический комментарий является единственно естественным и законным [Бурдье 2018, с. 227–229]. Барт, напротив, не обладал степенью агреже. К тому же Барт так и не защитил докторскую диссертацию традиционным образом[5], что окончательно лишало его доступа в консервативные университеты. Его институциональной базой стала маргинальная VI секция Высшей практической школы, где было меньше образовательных обязанностей и больше свободы для контактов с журналистикой и авангардными изданиями. Барт намеренно отказался от языка традиционной университетской филологии и обратился к лингвистике, психоанализу и антропологии. Переход на чужой научный язык не был простой данью моде. Он представлял собой продуманную стратегию конвертации культурного капитала. Исходный культурный капитал Барта, связанный с литературной эрудицией и эссеистским даром, имел низкую цену на университетском рынке, где главенствовали дипломы Высшей нормальной школы и агреже. Присваивая язык социальных наук, Барт придавал своим работам внешние признаки научной легитимности. Это позволяло ему претендовать на научный престиж, который в тот момент быстро набирал вес благодаря успехам структурализма. Одновременно он не порывал с широкой публикой и продолжал писать для журналов и газет, что приносило ему символический капитал известности. Бурдье показывает, что Барт объективно занимал позицию «еретика». [Бурдье, 2018, с. 229–232]. Таким образом, спор о новой критике — это не столкновение истины с заблуждением, а проявление фундаменталь-

со школьными программами и конкурсами, особенно с агрегацией, которая остаётся главным инструментом отбора преподавателей для среднего и высшего образования.

[5] Барт учился в Сорбонне и получил докторскую степень в 1960 году по совокупности ранее опубликованных работ, что кардинально отличалось от многолетнего и рутинного труда, ожидавшегося от филологов.

ной структуры университетского поля [Бурдье, 2018, с. 225]. Эта структура организована вокруг оппозиции между господствующей с точки зрения светской власти ортодоксией и подчинённой, но интеллектуально новаторской ересью. Каждая сторона говорит на своём языке, но ее высказывания лишь рационализируют одно и то же, а именно место участника в силовом поле и его интерес к сохранению или изменению иерархии критериев легитимности.

Йена

В «Социологии философии» похожий взгляд предлагает Рэндалл Коллинз[6]. Рассмотрим один из споров, который упоминается в книге. В 1806 году между двумя ведущими представителями немецкого классического идеализма развернулась острая публичная полемика. Иоганн Фихте, автор «Наукоучения» и признанный лидер трансцендентального идеализма, занимал в это время позицию в Берлинском университете. Фридрих Шеллинг, его бывший ученик, к тому моменту уже разработал собственную «натурфилософию» и преподавал в Вюрцбурге, а потом в консервативном Мюнхене. Корни противостояния уходят в более ранний период, когда оба мыслителя работали бок о бок в Йенском университете. Поводом для конфликта послужила работа Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» (1800), в которой он, формально оставаясь в рамках фихтеанской традиции, ввёл понятие абсолютного тождества субъекта и объекта, критикуя фихтевское «Я» как одностороннее [Коллинз, 2002, с. 823–825]. Фихте немедленно отреагировал публикацией в «Философском журнале», где обвинил Шеллинга в непонимании трансцендентального метода и в том, что его натурфилософия есть не более чем спекулятивная физика, не имеющая философского статуса. Шеллинг ответил открытым письмом, назвав Фихте «догматиком», застрявшим на субъективной точке зрения. В 1801 году Шеллинг издал «Изложение моей системы философии», прямо объявив свою позицию единственно истинной. Фихте парировал памфлетом «Уведомление о сущности новейшей философии», где охарактеризовал учение Шеллинга как «пустую игру понятий». Попытки посредничества со стороны Гёте и других авторитетных фигур успеха не имели [Коллинз, 2002, с. 826]. Ни одна из сторон не согласилась на личную встречу для диспута, и к 1802 году обмен резкими высказываниями прекратился из-за потери интереса.

[6] Хотя существует серьёзная критика Коллинза в части разбора немецкого идеализма [Harrington, 2001], нам важно показать, каким образом Коллинз концептуализирует споры и насколько его теория подходит к нашему кейсу.

Согласно Коллинзу, интеллектуальная жизнь структурируется не столько содержанием идей, сколько динамикой сетей личных контактов между мыслителями, борьбой за ограниченное пространство внимания и перегруппировкой фракций в соответствии с «законом малых чисел». Этот закон гласит, что в любой период времени в устойчивом интеллектуальном сообществе может успешно существовать не более трёх-шести соперничающих позиций. Превышение этого предела ведёт к кризису, отсеиванию лишних школ или их синкретическому слиянию [Коллинз, 2002, с. 144–146]. К 1800 году немецкое философское поле оказалось переполнено. Помимо фихтеанцев и ранних шеллингианцев, здесь присутствовали кантианцы-ортодоксы, романтики, последователи Гербарта, а также влиятельные литературные круги Веймара. В такой ситуации каждое новое движение должно было не просто предложить оригинальные идеи, но отвоевать себе пространство внимания, часто через конфликт с ближайшим соседом. Фихте и Шеллинг, ранее связанные отношениями учителя и ученика, теперь занимали соседние, но несовместимые ячейки. Шеллинг пытался вытеснить учителя, объявив свою натурфилософию единственно истинной [Коллинз, 2002, с. 824]. Их публичный конфликт соответствует тому, что Коллинз называет интерактивным ритуалом высокой интенсивности. Интерактивный ритуал предполагает собрание группы (в их случае — читающей философской публики), общий фокус внимания (спорные понятия «Я» и «абсолютного тождества») и разделяемую эмоциональную вовлечённость. В ходе такого ритуала участники стремятся накопить эмоциональную энергию, в которую входят чувство уверенности, энтузиазма и право на внимание, а также повысить ценность своего культурного капитала (накопленных понятий, аргументов, репутации) за счёт девальвации капитала оппонента [Коллинз, 2002, с. 66–70]. Фихте обвиняет Шеллинга в непонимании трансцендентального метода, а Шеллинг обвиняет Фихте в догматизме и ограниченности. Несмотря на публичные вызовы, ни один из них не соглашается на личный диспут. Коллинз объясняет это рациональной оценкой рисков. Вступление в прямой спор с равным по статусу оппонентом может не повысить, а снизить эмоциональную энергию, если исход окажется неопределённым или если одна из сторон окажется более искусной в полемике [Коллинз, 2002, с. 827–828]. Вместо этого они предпочитают закреплять свои позиции через публикации и апелляцию к разным сегментам аудитории. Поскольку в немецких университетах того времени не существовало институционального арбитра, способного вынести окончательный вердикт по философскому спору, конфликт не был разрешён формально. Он привёл к тому, что фихтеанцы и шеллингианцы разошлись в разные организационные ниши и сохранили конкурирующие философские школы [Коллинз, 2002, с. 829]. Для Коллинза интеллектуальная дискуссия всегда встроена в структуру научных

школ, так как философы в конечном итоге борются за контроль над учебными позициями, издательскими проектами и преемственностью учеников. Даже неразрешённый конфликт может быть продуктивным для сети, поскольку он закрепляет позиции в пространстве внимания, привлекает последователей и создаёт долговременные линии преемственности [Коллинз, 2002, с. 114–117]. Спор Шеллинга и Фихте хоть и не разрешился, но впоследствии повысил репутацию обоих участников, так как последующие поколения немецкой философии выстраивали свои системы, отталкиваясь от их размежевания.

Лондон

Другой взгляд предлагают Стивен Шейпин и Саймон Шаффер в книге «Левиафан и воздушный насос». В августе 1661 года Томас Гоббс опубликовал «Dialogus physicus de natura aeris», непосредственный ответ на «New Experiments Physico-Mechanical» Роберта Бойля (1660). Поводом для конфликта послужила претензия Бойля на то, что сконструированный им воздушный насос позволяет производить неоспоримые материальные факты, создавая в стеклянной колбе пространство, почти полностью лишённое воздуха. Гоббс привёл ряд возражений. Он считал, что насос не может быть герметичным. Воздух проникает между кожаным поршнем и стенками цилиндра, а также через деформирующийся под давлением латунный цилиндр. Из этого следует, что в стеклянной колбе никогда не возникает вакуума. По мысли Гоббса, вместо разрежения там образуется интенсивная циркуляция воздуха, который с силой просачивается через неплотно прилегающие элементы и движется внутри замкнутой системы [Shapin & Schaffer, 2011, p. 116–117]. Если Бойль объяснял гибель животных в насосе нехваткой воздуха, то его оппонент полагал, что сильный ветер разрывал их легкие [Shapin & Schaffer, 2011, p. 121–122]. Но важнее всего то, что экспериментальный метод не может дать философского знания, поскольку не раскрывает действительных причин явлений. Особенно ожесточённой стала дискуссия вокруг эксперимента Бойля со сцеплением двух гладко отполированных мраморных дисков, помещённых в насос. Бойль ожидал, что при удалении воздуха диски разойдутся, поскольку давление атмосферы, удерживающее их вместе, исчезнет. Однако этого не произошло даже после многократной откачки. Гоббс немедленно использовал экспериментальную неудачу противника как решающее доказательство своей теории. С его точки зрения, в мире, полностью заполненном материей, два гладких тела не могут разъединиться одновременно по всей плоскости контакта. Для этого потребовалось бы бесконечно быстрое движение воздуха в образующийся зазор, что невозможно. Следовательно, объяснение Бойля

через давление воздуха ошибочно, а сами диски остаются соединёнными именно потому, что никакой пустоты между ними возникнуть не может [Shapin & Schaffer, 2011, p. 191–192]. Бойль признал, что просачивание воздуха в насос действительно существует. Из-за утечки произошла неудача с дисками, так как остаточного воздуха в колбе оказалось достаточно, чтобы удерживать их вместе. Более того, он указал, что в свободном воздухе те же диски при достаточном весе разъединяются, что подтверждает роль давления. Впоследствии Бойль модифицировал насос. Он погрузил цилиндр в воду для лучшей герметизации, заменил клапаны и уменьшил размер колбы [Shapin & Schaffer, 2011, p. 170–173]. В экспериментах, опубликованных в «Continuation of New Experiments» (1669), он добился видимого разделения дисков уже при откачке. Однако Гоббс не изменил позиции и по-прежнему ссылался на первый вариант эксперимента с дисками, полностью игнорируя отчёты Бойля об успехе [Shapin & Schaffer, 2011, p. 197–198]. Спор не завершился взаимным согласием, а сцепление дисков стало служить доказательством прямо противоположных физических систем.

Шейпин и Шаффер объясняют данный эпизод через понятие трёх технологий, лежащих в основе экспериментального производства материальных фактов. Воздушный насос — это материальная технология, создающая замкнутое пространство, в котором феномены становятся доступны коллективному наблюдению. Именно целостность воздушного насоса позволяет отделить факты от случайных наблюдений [Shapin & Schaffer, 2011, p. 25]. Литературная технология обеспечивает виртуальное свидетельство, то есть мысленное присутствие читателя при эксперименте без его физического повторения. Для этого Бойль детально описывал каждую часть эксперимента и намеренно включал в отчёты неудачные опыты, чтобы продемонстрировать свою честность и тем самым повысить доверие к успешным испытаниям [Shapin & Schaffer, 2011, p. 60–65]. И, наконец, социальная технология предполагает публичность, коллективное свидетельство и добровольное согласие на основе фактов [Shapin & Schaffer, 2011, p. 69–72]. Гоббс атаковал каждую из этих технологий. Указывая на неизбежную утечку воздуха в насосе, он подрывал материальную основу фактов. Если клапан не способен обеспечить герметичность, то эксперименты не могут считаться надёжными. Коллективное свидетельство Гоббс считал фикцией, так как проведение эксперимента могла наблюдать только узкая группа людей, состоящая в основном из членов Королевского общества. [Shapin & Schaffer, 2011, p. 112–114]. Виртуальное свидетельство признавалось неверным способом получения знания, поскольку истина достигается не через сомнительные эксперименты, а через дедуктивное выведение из последовательных размышлений [Shapin & Schaffer, 2011, p. 100–102, 143–145]. Для Бойля всякие попытки опровергнуть метафизику Гоббса означали признание его языка, поэтому он сосредоточился на тех-

ническом усовершенствовании насоса и проведении большего числа экспериментов. Бойль стремился оставаться в пределах правил игры, то есть факты должны быть произведены машиной, засвидетельствованы сообществом и тщательно описаны [Shapin & Schaffer, 2011, p. 194–197]. При этом он избегал прямых обвинений Гоббса, предпочитая риторику скромного экспериментатора, собирающего факты.

Для Шейпина и Шаффера важен общий контекст конфликта. В Англии недавно произошла реставрация монархии и в воздухе ощущалось социальное напряжение. Элита нуждалась в стабильном, неконфликтном знании, которое бы могло служить образцом для политического порядка. В этом смысле проект Бойля рассматривался как эталон либерального согласия. Независимые индивиды способны рационально оценить факты и тщательно их зафиксировать для других независимых индивидов, тем самым локальный факт становился общим местом [Shapin & Schaffer, 2011, p. 342]. Однако для Гоббса любое автономное сообщество интеллектуалов, неважно, священники или экспериментаторы, было угрозой суверенитету[7]. Апелляция к коллективному свидетельству повторяла тактику церковников, претендующих на независимую власть, а значит, вела к двоевластию и гражданской войне [Shapin & Schaffer, 2011, p. 310–311, 320–321].

Кембридж

Последний эмпирический кейс, который мы рассмотрим, представлен в работе Маркуса Моргана и Патрика Баерта «Конфликт в академии». В феврале 1981 года в кембриджском Сенат-Хаусе состоялись семичасовые дебаты. Их созвали сторонники Колина Маккейба после того, как Аппаратный комитет отклонил рекомендацию о его повышении. Причиной отказа стали принципиальные разногласия в оценке научной работы Маккейба. Оппоненты сочли его работу о Джойсе «плохой книгой» [Morgan, Baert, 2015, p. 13], а его лекции — некачественными [Morgan, Baert, 2015, p. 12]. Одним из центральных эпизодов стало выступление университетского лектора Майкла Лонга, который, обращаясь к вице-канцлеру и шестистам слушателям, высмеял сам предмет спора. Лонг заявил, что «структурализм» и сопутствующие методологические «-измы» являются вторичными

[7] Если Бойль был видным членом Лондонского королевского общества, которое давало ему институциональную опору, то Гоббс был под покровительством семьи Кавендиш, имел связи при королевском дворе и поддерживался европейскими интеллектуалами [Shapin & Schaffer, 2011, p. 82–85, 293–296].

и неважными по сравнению с самой литературой [Morgan, Baert, 2015, p. 61]. Другой сотрудник университета Говард Эрскин-Хилл иронично предположил, что некий «мистер Y» из вымышленного университета «Кристминстера» стал жертвой раздутой прессой кампании, тем самым отрицая наличие реального кризиса на английском факультете [Morgan, Baert, 2015, p. 47]. Стивен Хит, один из наиболее активных сторонников Маккейба, потребовал прекратить «убаюкивать себя историями о Кристминстере» и признать, что состояние факультета нуждается в срочном внимании [Morgan, Baert, 2015, p. 47]. Хит также обвинил оппонентов в маккартизме и в том, что при оценке Маккейба не соблюдались надлежащие стандарты и процедуры [Morgan, Baert, 2015, p. 49]. Эрскин-Хилл в ответ заявил, что сторонники Маккейба считают, что одна интерпретация столь же валидна, как и любая другая [Morgan, Baert, 2015, p. 65–66]. Дискуссия не привела к пересмотру решения о неповышении Маккейба, но закрепила публичные роли участников. Лонг и Эрскин-Хилл позиционировали себя как защитников академического здравомыслия, тогда как Хит и его соратники выступали борцами за справедливость и интеллектуальное обновление.

Морган и Баерт концептуализируют этот спор через культурсоциологию и теорию позиционирования. Ключевым понятием выступает перформативное позиционирование — способность участников посредством речевых действий и драматургических приёмов навязывать аудитории нужное «определение ситуации» [Morgan, Baert, 2015, p. 3]. В отличие от статичной «роли», позиционирование динамично. Хит и его команда стремились сакрализовать отказ Маккейбу, подняв его на уровень высших ценностей, апеллируя к справедливости и интеллектуальной открытости. В то же время Лонг и Эрскин-Хилл пытались десакрализировать дебаты, сводя их к рутинному кадровому вопросу. Важным инструментом стала игра с уровнями публичной адресации, то есть масштабом аудитории, перед которой разворачивается спор. Сторонники Маккейба добились переноса дискуссии в Сенат-Хаус — ритуальное сердце университета, что автоматически сделало событие более значимым [Morgan, Baert, 2015, p. 45]. Противники ответили юмором, иронией и вымышленными сюжетами, чтобы расширить границы допустимого и разрушить пафос [Morgan, Baert, 2015, p. 46–47]. Для Моргана и Баерта важно показать, что этот конфликт происходит вне прямой связи с личными предпочтениями, на институциональном уровне. Сторонники Маккейба рекрутировались из либеральных колледжей Кембриджа, в то время как их противники из консервативных. Каждая команда исполнения формировала моральную солидарность через интерактивные ритуалы [Morgan, Baert, 2015, p. 35–37]. Это были и неформальные собрания, и совместные ужины, и регулярные заседания коллегиальных комитетов. Солидарность формировалась годами и проявила себя в момент кризиса, когда на кону стоял не столько вопрос должности, сколько

право на интерпретацию литературы. При этом противоборствующие стороны отказывались от прямого диспута, так как не разделяли общих критериев оценивания. В этих условиях борьба сместилась в символическую плоскость, где успех зависел не от фактов, а от перформативной власти, то есть от способности сделать свою версию более убедительной для аудитории [Morgan, Baert, 2015, p. 76]. Для Моргана и Баерта академические конфликты представляют собой сложные символические сражения, в которых материальные институциональные и культурные факторы неразрывно переплетены, а результат никогда не предопределен полностью [Morgan, Baert, 2015, p. 77–79].

Внешность бывает обманчива

Как мог заметить читатель, в отобранных нами кейсах на первый план выведены споры конкретных учёных — Пикар против Барта, Фихте против Шеллинга, Гоббс против Бойля, сторонники Маккейба против его оппонентов в Кембридже. Хотя для Бурдье и Коллинза более характерно рассмотрение конфликтов целых дисциплин или институтов, мы сознательно выбрали случаи, на первый взгляд, схожие с нашим, чтобы проверить применимость теоретических рамок классиков. Тем не менее, разобранные споры между отдельными учёными всё равно оказываются встроенными в более широкие структуры: университетское поле, сети внимания, технологии производства фактов в контексте политического порядка или перформативные ритуалы в либеральных и консервативных колледжах. Именно эти большие структуры и придают спорам масштаб и объяснительную силу. Наш же кейс так и не вышел за пределы онлайн-обсуждения. Он не перерос в публикации, конференции или институциональный конфликт. За исключением *Инициатора*, остальные участники дискуссии не проявляли интереса к продолжению спора и после блокировки просто вернулись к повседневным обсуждениям. Здесь и обнаруживается главное расхождение между нашим случаем и, казалось бы, похожими эпизодами из истории науки. В нашем споре отсутствуют те самые макроструктуры, которые у Бурдье, Коллинза, Шейпина с Шаффером и Моргана с Баертом служат одновременно и причиной, и ставкой конфликта[8].

[8] У части читателей на этом этапе может возникнуть два закономерных вопроса. Первый вопрос: вправе ли мы называть спор в онлайн-сообществе научным? Этот вопрос уводит в давнюю и во многом тупиковую дискуссию о демаркации научного знания. Философы науки предлагали разные критерии для отделения науки от ненауки, тогда как, например, релятивистские программы исследования знания (в частности, акторно-сетевая

С чем же связано отсутствие этих макроструктур в нашей дискуссии? Ответ кроется в устройстве самого онлайн-сообщества. Во-первых, оно не обладает устойчивыми институциональными основаниями. Здесь нет ни кафедр, ни жюри конкурсов, ни грантовых комитетов, ни редакционных советов, через которые можно было бы конвертировать символический капитал. Для участников конфликт не представлял ни карьерной, ни репутационной, ни теоретической угрозы в том смысле, в каком она существовала для Барта или Фихте. Во-вторых, сообщество формировалось вокруг интереса к социологии и смежным исследованиям, его участники могут работать в академии, в государственных учреждениях или в бизнесе. Российская социология уже давно не является единым полем. Как показали Сафонова и Соколов, российская социология структурирована вокруг оппозиции «глобалистов» и «локалистов» — двух почти непересекающихся информационных пузырей со своими авторитетами, аудиториями и источниками признания [Сафонова, Соколов, 2021]. Более свежий анализ Печерских на материале 59 российских социологических журналов (2010–2023) даёт похожие результаты. Редакторские сети чётко делятся на кластеры «West», «Center» и «East», которые различаются географией, институциональной базой, тематическими предпочтениями, длиной библиографии и стилем работы [Pecherskikh, 2025]. Эти кластеры тоже почти не пересекаются. Иными словами, борьба в социологии не возникает именно потому, что в России не существует единого интеллектуального поля как пространства объективных отношений и конвертируемых ресурсов[9]. Подробно изучив биографии и научные работы участников дискуссии, мы пришли к выводу, что они относятся к разным кластерам и имеют мало пересечений. Поэтому онлайн-сообщество социальных учёных представляет собой российскую социологию

теория, Эдинбургская и Батская школы) намеренно размывали эти границы. Мы не ставим перед собой задачу провести жёсткую линию демаркации. Тем не менее у нас есть несколько оснований считать анализируемый конфликт научным спором. Во-первых, его предметом является конвенционально признанный метод фокус-групп. Во-вторых, ключевые участники имеют учёные степени, связаны (или были связаны) с академией и публикуются в рецензируемых журналах. В-третьих, подавляющее большинство членов сообщества хорошо знакомы с методом либо на практике, либо через преподавание, либо благодаря профессиональной литературе. Второй вопрос: почему дискуссия в интернете сопоставима с научными спорами вроде Фихте и Шеллинга? Здесь стоит обратить внимание, что мы не сравниваем не споры между собой, а теоретические рамки и объяснительные ресурсы, предлагаемые социологией социального и гуманитарного знания. При этом эмпирический материал имеет значение, и мы к этому еще вернёмся.

[9] Из этого следует, что локализованный спор, происходящий, например, среди сотрудников российского социологического факультета, мог бы иметь значимые последствия.

в миниатюре в том смысле, что у них нет общеразделяемых критериев и ресурсов[10].

Но отличие нашего кейса не только в отсутствии макроструктур и фрагментарности российского поля. Все четыре конфликта были отобраны социологами не только как яркие иллюстрации, но прежде всего потому, что каждый из них имел долгосрочное историческое влияние на развитие соответствующих дисциплин. Спор о «новой критике» между Пикаром и Бартом ускорил проникновение структурализма и семиотики во французские университеты и способствовал формированию постструктурализма. Полемика Фихте и Шеллинга заложила основу для размежевания немецкого идеализма на конкурирующие школы, которые затем определяли философский ландшафт XIX века. Конфликт Гоббса и Бойля стал одним из основополагающих событий в истории науки, так как он зафиксировал рождение экспериментального метода и определил границы между философией и естествознанием. Наконец, кембриджские дебаты 1981 года вокруг повышения Колина Маккейба во многом сыграли ту же роль, что и французский спор о «новой критике», и стали символом культурного сдвига 1980-х в англоязычной филологии. Но насколько часто учёные принимают участие в конфликтах, которые действительно становятся поворотными событиями? Описываемые теории во многом говорят об очень редких явлениях. Спор вокруг фокус-групп намного ближе к реальной науке, чем может показаться, но такие диспуты чаще находятся в тени.

Именно способность споров запускать или закреплять крупные интеллектуальные и институциональные трансформации делает конфликты столь привлекательными для исследователей. Характерно, что во всех этих примерах предметом анализа становятся уже состоявшиеся конфликты, доступные в виде текстов, архивов или реконструированных дискуссий. Во многом такой подход кажется разумным: чем больше данных, тем более проработанной будет теория. В «Homo academicus» Бурдье объясняет, что намеренно выждал 15 лет для того, чтобы на историческом отдалении лучше увидеть структурные проблемы, избежать ангажированного объяснения и не стать невольным участником событий мая 1968 года [Бурдье, 2018, с. 70–71, 306–307]. Такое состояние дел характерно для всей области социологии гуманитарного и социального знания. Эта особенность проявляется и в научных журналах. В Minerva [Taubert, 2012], в History of Social Sciences и в молодом журнале Serendipities споры преимущественно рассматриваются как завершенные. Программные сборники также обращаются к историческим материалам[11].

[10] Это не означает, что онлайн-сообщество репрезентирует российскую социологию в статистическом смысле. Речь идёт о том, что участники дискуссии принадлежат к разным кластерам, выделенным в приведенных выше исследованиях.

[11] Речь идёт о [Camic, Gross, Lamont, 2012], [Calhoun, 2008], [Backhouse, Fontaine, 2014].

Наша дискуссия о фокус-группах произошла недавно. Она едва ли приведёт к методологическим сдвигам, формированию новых школ или перестройке институциональных границ[12]. Иными словами, у этого спора нет исторического веса, и по критериям классиков его следовало бы признать незначительным и не заслуживающим внимания. Когда Дэвид Блур столкнулся с тем, что социология науки занимается только ложным знанием, игнорируя производство фактов в естественных науках, он предложил сильную программу в социологии знания. Принцип беспристрастности Блура заключается в том, что истинному и ложному знанию должно уделяться равное внимание [Блур, 2002, с. 5]. Если применить этот принцип к социологии социального и гуманитарного знания, то значительные и незначительные кейсы заслуживают одинакового внимания. Известны работы, которые фокусируются на забытых группах или второстепенных персонажах. Прежде всего они представлены в области расовых и гендерных исследований, а также в микроистории[13]. Более того, в Science and Technology Studies (STS) есть немало примеров не исторических исследований, построенных на этнографии науки или анализе незавершённых конфликтов[14]. Спор вокруг фокус-групп даёт возможность зафиксировать конфликт до того, как он будет отфильтрован и превращён в историю. Ценность такого подхода в том, чтобы показать практикующим исследователям, какие темы и разногласия реально занимают их коллег.

Это не означает, что инструментарий рассмотренных теорий совершенно бесполезен для нашего кейса. Ближе всех к пониманию спора о фокус-группах оказываются Морган и Баерт с их перформативным позиционированием[15]. Действительно, участники пытались навязать аудитории «правильное» определение метода. *Инициатор* настаивал на чётком соблюдении процедур, образующих устойчивые границы метода. *Деталист* проблематизировал эти границы, говорил о нюансах применения фокус-групп и об альтернативных методах для решения схожих задач. *Прагматик* занимал близкую позицию, но акцентировал внимание на том, что метод проверяется не доктри-

[12] О перспективах мы поговорим чуть ниже.

[13] См. [Sarkar, 2008], [Гинзбург, 2000].

[14] См. этнографические работы [Latour, Woolgar, 1979] или [Knorr-Cetina, 1999], незавершенные конфликты [Collins, 1981].

[15] Вероятнее всего это связано с тем, что в основе их теоретической рамки лежит драматургическая социология Гофмана. В неё вшито наблюдение за акторами, внимание к мало представленным группам, например, постояльцев психиатрических клиник, наблюдение публичных взаимодействий.

ной, а результатом. У Моргана и Баерта перформативные акты опирались на институциональную сцену, состоящую из Сенат-Хауса, вице-канцлера и колледжей. Как уже отмечалось, в нашем случае такой институциональной основы нет, однако само сообщество становится публикой, которая оценивает происходящее. Публика не предоставляет ресурсов в виде кафедр, грантов или научного признания, но способна влиять на ход дискуссии через эмоциональную поддержку одной из сторон, и именно эту поддержку Коллинз считал ключевым ресурсом интерактивного ритуала.

Локальная академическая цивилизация

На этом мы завершаем обращение к классическим теориям. Они помогли нам понять, чего именно в споре о фокус-группах нет. Дальнейший анализ должен показать, что в нём всё-таки есть. Наиболее продуктивной рамкой для объяснения случившегося оказывается концепция академической (де)цивилизации, предложенная Михаилом Соколовым [Соколов 2012, с. 21–30]. Перенося идеи Норберта Элиаса о процессе цивилизации как сдерживании аффектов в пространство науки [Элиас, 2001, т. 1, с. 214, 237], Соколов описывает, как учёные постепенно учатся контролировать поведение, предвидеть ходы оппонентов и вырабатывать чувство солидарности с теми, кто способен оценить затраченные интеллектуальные усилия [Соколов, 2012, с. 22–23]. Децивилизация проявляется в возвращении к природному состоянию, где любое несогласие интерпретируется как проявление глупости или недобросовестности, аргументы оппонента отвергаются как бездоказательные, а дискуссия в конечном счёте сводится к ссоре. [Соколов, 2012, с. 22]. В цивилизованном состоянии ученые не позволяют эмоциям брать верх и воспринимают оппонента не как врага, а как коллегу, под давлением аргументов которого они готовы менять свои представления о реальности. Подлинной ставкой спора была не истина о методе, а включение в круг цивилизованных.

Начало конфликту положил *Инициатор*, когда обвинил *Деталиста* в некомпетентности, нарушении научной этики и использовании манипулятивных техник. В процессе перепалки *Инициатор* высказался ещё грубее. Однако коллеги ставили негативные реакции под его сообщениями и критиковали тон разговора. Тогда он смягчил риторику, перейдя к обоснованию своих претензий. Но это ему не помогло: метод фокус-групп оказался на периферии, в центре внимания была манера ведения дискуссии. Почему аффектам уделяется такое внимание в теории цивилизации? Для Норберта Элиаса вспышки гнева и неконтролируемая агрессия были повседневной

нормой там, где ещё не сложилась устойчивая монополия на насилие [Элиас, 2001, т. 1, с. 273–275]. Такое поведение было непредсказуемым, постоянно угрожало жизни и делало невозможным установление сколько-нибудь стабильных взаимных ожиданий, необходимых для длительной совместной жизни [Элиас, 2001, т. 1, с. 237]. Суть процесса цивилизации заключается в том, чтобы под давлением социальных связей и государства постепенно обуздывать и сдерживать аффекты, превращая внешнее принуждение в самопринуждение [Элиас, 2001, т. 2, с. 237–238]. Аффекты не исчезают, но меняют свой порог проявления. Спонтанные вспышки насилия вытесняются более ровным, предсказуемым поведением, а самоконтроль становится главным механизмом, делающим конфликты менее смертоносными [Элиас, 2001, т. 1, с. 239–240].

В науке, и особенно в академических дискуссиях, ставки напрямую не связаны с жизнью и смертью, однако логика остаётся прежней. Никто не хочет из-за поражения в споре лишиться репутации, доступа к ресурсам или простой возможности публиковаться. Ошибка не должна обходиться слишком дорогой ценой. Именно в этом смысле академическая цивилизация позволяет сохранить лицо. Признать, что твоя позиция была неполной или ошибочной, не означает потерять всё. Аффективными выпадами *Инициатор* превратил процедурное выяснение истины в публичную конфронтацию. В сообществе, где никто не имеет реальной монополии на знание, определять границы научности — значит претендовать на эту монополию. В ответ другие участники тоже начали проявлять аффекты, но исключительно в адрес *Инициатора*[16]. Что показательно, уже после блокировки *Инициатора*, *Деталист* и *Прагматик* решили узнать позиции друг друга по фокус-группам. В некоторых аспектах они не сошлись, что не помешало им цивилизованно закончить дискуссию.

Соколов выделяет три причины, по которым участники могут быть увлечены дискуссией: космологическая, репутационная и сюжетная [Соколов 2012, с. 26]. Космологическая причина связана с эмоционально нагруженными представлениями о том, как устроен мир, и потребностью постоянно получать подтверждение своей картины реальности. Репутационная причина возникает потому, что интеллектуальное лицо становится ставкой в дебатах. Наша способность приводить и воспринимать рациональные аргументы необходима для публичного образа ученого. Наконец, сюжетная причина — это

[16] В теории Баерта и Моргана «сакральное и профанное» даёт похожее объяснение, но почему сакральное и профанное выглядят в нашем споре именно таким образом, они объяснить не могут. Какие коллективные ритуалы поддерживают эту дихотомию и почему всё онлайн-сообщество фактически противопоставило себя Инициатору? Рамка Баерта и Моргана становится недостаточной.

получение удовольствия от развёртывания аргументов и неожиданности развязки. Соколов считает, что процесс академической цивилизации сопровождается вытеснением космологических интересов репутационными и, отчасти, сюжетными [Соколов, 2012, с. 26]. Выше, опираясь на исследования Соколова, Сафоновой и Печерских, а также на проверку биографий и научных работ самих участников спора, мы показали, что они принадлежат к разным, почти непересекающимся кластерам российского социологического поля. Следовательно, их карьерные и институциональные ресурсы не распространяются друг на друга. В этой ситуации единственным доступным ресурсом в споре оказались внимание и эмоциональная поддержка публики. Рамка Моргана и Баерта хорошо работает с этими ресурсами, но через их оптику невозможно понять, о чем будет идти дальнейшее обсуждение. Мы решили разложить весь конфликт на отдельные разговоры, где главными критериями были ответы участников на сообщения друг друга и поддержание определённой темы. Мы поделили темы по причинам, выделенным Соколовым[17].

Острая фаза длилась четыре дня и собрала более десяти активных участников. Обсуждение естественным образом сочетало сюжетные и космологические темы. Участники обменивались комментариями, иногда явно получая удовольствие от самого процесса общения, параллельно разбирая суть метода фокус-групп: можно ли переносить техники глубинного интервью в групповой формат, какова роль эмоций, где проходят границы применимости. Космология не была на первом плане, но естественно встраивалась в дискуссию. Однако *Инициатор* почти полностью игнорировал и сюжетные, и космологические темы. Из двенадцати выделенных нами эпизодов половина относилась к репутационным, и именно в этих обсуждениях он оставался постоянным и наиболее активным участником. Может показаться, что мы выстраиваем жесткую оппозицию между цивилизацией и варварством, между единым онлайн-сообществом и *Инициатором*. Это неверная интерпретация. Тот факт, что *Инициатор* оставался внутри только репутационных тем, говорит о том, что он стремился сохранить лицо. Обратим ещё раз внимание на то, что под давлением публики он смягчил и пытался обосновать свою позицию. Отвечая на личные вопросы коллег, касающихся космологических тем, он отсылал к своим работам. В то же время он также подвергался аффектам со стороны *Прагматика* и во время конфликта, и уже после его завершения. Реальность сложнее наших концептов, но они способны уловить то, что скрывает обыденный язык. Если спор о фокус-группах закончился ничем, то спор о цивилизованности

[17] Так как в нашем анализе темам соответствуют определенные причины, то в дальнейшем мы будем называть космологическими, репутационными и сюжетными темами.

закончился явным поражением *Инициатора*, а онлайн-сообщество продемонстрировало, что может называть себя локальной академической цивилизацией.

Что находилось вне спора?

В самом начале мы упомянули *Старожила*, который ещё до конфликта иронизировал по поводу обсуждения фокус-групп. Он явно относился к этой дискуссии несерьёзно, хотя она проходила в цивилизованном ключе. Причина такого отношения кроется в том, что спор о фокус-группах происходит далеко не первый раз. *Инициатор* десятилетиями воспроизводит одну и ту же дискуссию, настаивая на своей точке зрения. Соколов частично объясняет реакцию *Старожила*. Логика академической цивилизации подразумевает, что учёные будут и следовать моде, и постоянно развивать свои теории [Соколов, 2012, с. 26]. Развитие необязательно подразумевает прогресс, подобно тому, как в придворном обществе изменение фасона платья не предполагает улучшение его объективных качеств. Для социологии знания прогресс в социальных и гуманитарных науках давно поставлен под вопрос[18]. Но если прогресса в реальности не происходит, почему мы его ожидаем от коллег? Герберт Ганс считает, что мы страдаем от социологической амнезии [Gans, 1992]. В фокусе нашего внимания находятся либо классические работы, либо «актуальные» исследования наших интеллектуальных отцов и ровесников. Из-за такого распределения мы невольно воспроизводим старые идеи в новой обёртке. Роберт Мертон для того же феномена ввел понятие «множественность открытий» [Merton, 1973, p. 371–383]. В его логике научное знание развивается кумулятивно и поэтому схожие открытия неизбежны[19].

Эндрю Эбботт, хотя в ранней работе был полностью на стороне Ганса [Abbott, 2001, p. 15], после проведения количественного исследования библиографий нескольких крупных американских журналов пришёл к выводу, что доля ссылок на работы моложе 10 лет снижается [Abbott, 2006, p. 3]. В его трактовке кумуляция служит не столько

[18] Это утверждение не для всех справедливо. Например, Коллинз считает, что в философии прогресс возможен посредством перехода на более высокий уровень абстракции [Коллинз, 2002, с. 310, 337, 598]. А проблема прогресса в социальных науках заключается в том, что у нас накоплено мало эмпирического материала, чтобы сдвинуть теорию вперед [Collins, 1989]. В любом случае, сторонники наивно-эпистемологического взгляда находятся в меньшинстве [Соколов, 2015, с. 22].

[19] Важно отметить, что для Мертона этот тезис справедлив и для естественных наук, и для наук о человеке.

объективным приращением знания, сколько способом осмысления карьерного опыта учёного. С этой точки зрения, для исследователя ценность представляет работа по развитию концепций, которая позволяет выстраивать связную профессиональную биографию внутри локального сообщества. Иными словами, вера в кумуляцию — это способ, которым учёные придают смысл своей работе. Именно эту логику разделяет *Старожил*. Его ироничное отношение к попыткам *Инициатора* в очередной раз пересмотреть метод фокус-групп коренится в убеждении, что повторение одних и тех же тезисов без концептуального обновления бессмысленно.

Заключение

Мы начали с локального, почти бытового конфликта в профессиональном онлайн-сообществе. Спор о фокус-группах не привёл к смене методологических парадигм, не расколол институт на враждующие школы и не оставил после себя архива полемических публикаций. Через несколько дней участники разошлись по своим рабочим задачам, а наиболее эмоциональный из них оказался временно заблокирован. По меркам классической социологии науки перед нами случай, остающийся на периферии внимания. Однако именно эта «незначительность» позволяет увидеть, как научный спор выглядит в отсутствие макроструктур. Париж, Йена, Лондон, Кембридж научили нас искать за методологическими разногласиями борьбу за позиции в поле, динамику сетей внимания, политический контекст или перформативные ритуалы. Все эти оптики предполагают, что конфликт закреплён в институциональной ткани, имеет долгосрочные последствия и асимметричные ресурсы у сторон.

Как было показано выше на примере исследований Соколова, Сафоновой и Печерских, а также на основе анализа биографий и научных работ участников, они принадлежат к разным, почти непересекающимся кластерам российского социологического поля. Их карьерные и институциональные ресурсы не распространяются друг на друга, поэтому единственным доступным ресурсом в споре оказались внимание и эмоциональная поддержка публики. Концепция академической (де)цивилизации Михаила Соколова оказывается более чувствительной к динамике аффектов и самоконтроля в локальных, институционально не встроенных спорах. Наш кейс показывает, что даже малый спор, не оставивший следа в истории идей, позволяет увидеть механизмы поддержания порядка в академическом общении. В отсутствие внешнего арбитра и конвертируемых ресурсов соблюдение цивилизованной манеры становится главным критерием

включённости в сообщество. Эпизоды такого рода, возможно, формируют повседневную ткань науки в той же мере, что и громкие интеллектуальные баталии, с той лишь разницей, что в них на первый план выходят не столько теоретические истины, сколько практические границы допустимого.

Литература

1. *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // Логос. 2002. № 5/6. С. 1–24.
2. *Бурдье П.* Homo academicus / пер. с фр. С. М. Гавриленко [и др.]; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой, Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. *Гинзбург К.* Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / пер. с итал. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
4. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
5. *Розов Н. С.* Введение // Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
6. *Сафонова М. А., Соколов М. М.* Глобалисты и локалисты: структура российского социологического поля // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 9–39.
7. *Соколов М. М.* Академическая (де)цивилизация // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 21–30.
8. *Соколов М. М.* Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. Т. 27. № 3. С. 13–57.
9. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.: Университетская книга, 2001.
10. *Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
11. *Abbott A.* Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences. — New York: W. W. Norton & Company, 2004.
12. *Abbott A.* Reconceptualizing knowledge accumulation in sociology // The American Sociologist. 2006. Т. 37. № 2. С. 57–66.
13. *Backhouse R. E., Fontaine P. (ed.).* A historiography of the modern social sciences. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
14. *Calhoun C. (ed.).* Sociology in America: A history. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
15. *Camic C., Gross N., Lamont M. (ed.).* Social knowledge in the making. Chicago: University of Chicago Press, 2012.
16. *Collins H. M.* Son of seven sexes: The social destruction of a physical phenomenon // Social studies of science. 1981. Т. 11. № 1. С. 33–62.
17. *Collins R.* Sociology: Proscience or Antiscience? // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 1. P. 124–139.
18. *Gans H. J.* Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // Sociological Forum. 1992. Vol. 7. No. 4. P. 701–710.
19. *Harrington A.* From Hegel to the Sociology of Knowledge: Contested Narratives //Theory, Culture & Society. 2001. Т. 18. №. 6. С. 125–133.

20. *Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: How the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
21. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverley Hills: Sage, 1979.
22. *Merton R. K.* Multiple Discoveries as Strategic Research Site // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago; London: University of Chicago Press, 1973. P. 371–383.
23. *Morgan M., Baert P.* Conflict in the Academy: A Study in the Sociology of Intellectuals. London: Palgrave Macmillan, 2015.
24. *Pecherskikh A.* Editorial Interlocking in the Periphery: Mapping the Overlap of Social and Topical Boundaries in Russian Sociology // The American Sociologist. 2025. P. 1–29.
25. *Sarkar M.* Visible Histories, Disappearing Women: Producing Muslim Womanhood in Late Colonial Bengal. Durham; London: Duke University Press, 2008.
26. *Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton University Press, 2011.
27. *Taubert N.* The role of scientific journals in the emergence of a scientific field: The case of sociology in Germany // Minerva. 2012. Vol. 50. No. 4. P. 429–452.

Andrey Suvorov

A small dispute in the big sociology of science

Andrey Suvorov — 4th-year undergraduate student, ION RANEPA. **Address:** Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, building 2. **E-mail:** as2453@yandex.ru.

Abstract: The article analyzes a scientific controversy that arose within a professional online community of social researchers around the use of a particular research method. Using this local and seemingly small dispute as a case study, the author questions the applicability of classical sociological theories of scientific conflicts (P. Bourdieu, R. Collins, S. Shapin & S. Schaffer, M. Morgan & P. Baert). It is shown that, unlike the historically significant disputes analyzed by the classics of the sociology, this case lacks macrostructural foundations. However, this contrast points not so much to the insignificance of the case itself, but rather to a persistent disciplinary bias favoring conflicts with long-term consequences. The most productive framework for analysis proves to be M. Sokolov's concept of academic (de)civilization, which allows interpreting the dispute as a clash not so much of methodological positions, but of different ideas about civilized debate in the absence of an external arbiter. The article demonstrates how the affective outbursts of one participant shifted the focus from the content of the method to the manner of discussion.

Keywords: scientific controversies, sociology of science, academic civilization, Russian sociology, sociology of knowledge, sociology of social and human knowledge.

For citation: Suvorov, A. (2026) A small dispute in the big sociology of science. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 72–96.

References

1. Abbott A. (2001). *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Abbott A. (2004). *Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences.* New York: W. W. Norton & Company.
3. Abbott A. (2006). Reconceptualizing knowledge accumulation in sociology. *The American Sociologist*. Vol. 37. No. 2. P. 57–66.
4. Backhouse R. E., Fontaine P. (ed.) (2014). *A historiography of the modern social sciences.* Cambridge: Cambridge University Press.
5. Bloor D. (2002). Sil'naja programma v sociologii znanija. Per. s angl. S. Gavrilenko pod red. A. Tolstova. *Logos*. No. 5/6. P. 1–24. (In Russ.)
6. Bourdieu P. (2018). *Homo academicus*. per. s fr. S. M. Gavrilenko [i dr.]; pod nauch. red. E. V. Kochetygovoj, N. V. Savel'evoj. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ.)
7. Calhoun C. (ed.) (2008). *Sociology in America: A history*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Camic C., Gross N., Lamont M. (ed.) (2012). *Social knowledge in the making*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Collins H. M. (1981). Son of seven sexes: The social destruction of a physical phenomenon. *Social studies of science*. Vol. 11. No. 1. P. 33–62.
10. Collins R. (1989). Sociology: Proscience or Antiscience? *American Sociological Review.* Vol. 54. No. 1. P. 124–139.
11. Collins R. (2002). *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija.* Per. s angl. N. S. Rozova, Ju. B. Vertgejm. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russ.)
12. Elias N. (2001). *O processe civilizacii: sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija*. In 2 vol. M.: Universitetskaja kniga. (In Russ.)
13. Gans H. J. (1992). Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science. *Sociological Forum*. Vol. 7. No. 4. P. 701–710.
14. Ginzburg K. (2000). *Syr i chervi: kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke*. Per. s ital. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
15. Harrington, A. (2001). From Hegel to the Sociology of Knowledge: Contested Narratives. *Theory, Culture & Society*, 18(6). P. 125–133.
16. Knorr-Cetina K. (1999). *Epistemic cultures: How the sciences make knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Latour B., Woolgar S. (1979*). Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts.* Beverley Hills: Sage.
18. Merton R. K. (1973). Multiple Discoveries as Strategic Research Site. In: *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 371–383.
19. Morgan M., Baert P. (2015). *Conflict in the Academy: A Study in the Sociology of Intellectuals*. London: Palgrave Macmillan.
20. Pecherskikh A. (2025). Editorial Interlocking in the Periphery: Mapping the Overlap of Social and Topical Boundaries in Russian Sociology. In: *The American Sociologist*. P. 1–29.
21. Rozov N. S. (2002). Vvedenie. In: Collins R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. P. 7–31. (In Russ.)
22. Safonova M. A., Sokolov M. M. (2021). Globalisty i lokalisty: struktura rossijskogo sociologicheskogo polja. *Sociologicheskoe obozrenie*. T. 20. No. 2. P. 9–39. (In Russ.)
23. Sarkar M. (2008). *Visible Histories, Disappearing Women: Producing Muslim Womanhood in Late Colonial Bengal*. Durham; London: Duke University Press.

24. Shapin S., Schaffer S. (2011). *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton: Princeton University Press.
25. Sokolov M. M. (2012). Akademicheskaja (de)civilizacija. *Sociologija vlasti*. No. 6–7. P. 21–30. (In Russ.)
26. Sokolov M. M. (2015). Sociologija kak chudo. Process sense-building v odnoj akademicheskoj discipline. *Sociologija vlasti*. T. 27. No. 3. P. 13–57. (In Russ.)
27. Taubert N. (2012). The role of scientific journals in the emergence of a scientific field: The case of sociology in Germany. *Minerva*. Vol. 50. No. 4. P. 429–452.

И. Ю. Кисленко

«Социальная функция науки» или чему может научить книга Джона Бернала сегодня

Эссе-рецензия на книгу Дж. Д. Бернала «Социальная функция науки» (The Social Function of Science, 1939)

Иван Юрьевич Кисленко — кандидат социологических наук, независимый исследователь.
Электронная почта: ivankislenko1994@gmail.com.

Аннотация: Эссе-рецензия[1] посвящена книге «Социальная функция науки» ирландского учёного-кристаллографа Джона Десмонда Бернала, вышедшей в 1939 году. Эта работа часто упоминается в качестве отправной теоретической точки в области науки о науке и/или наукометрии, однако и по сей день не издана на русском языке. Будучи признанной классической по обе стороны железного занавеса во времена холодной войны — активного периода институционализации упомянутых дисциплин, она и сейчас не теряет своей злободневности по некоторым вопросам. Как ведущие зарубежные исследователи в области наукометрии (Дерек де Солла Прайс и Юджин Гарфилд), так и отечественные авторы (например, Василий Налимов) часто признавали в качестве исторических истоков дисциплины книгу Бернала. Помимо этого, она интересна анализом автора отношений между наукой, государством и обществом, который читатель найдёт актуальным и сегодня. Симпатизируя социалистическому подходу в области планирования науки, ирландский учёный-марксист анализирует критические недостатки науки капиталистической: слабое финансирование, отсутствие организации и планирования, индивидуализм и отсутствие главной её социальной функции — ориентации на благо человечества.
Ключевые слова: наукометрия, планирование, экстернализм, СССР, публикации

Для цитирования: *Кисленко, И. Ю.* «Социальная функция науки» или чему может научить книга Джона Бернала сегодня. Эссе-рецензия на книгу Д. Д. Бернала «Социальная функция науки» (The Social Function of Science, 1938) // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 97–111.

[1] Эта работа приурочена к 125-летию со дня рождения Джона Бернала (10 мая 1901 года).

Введение

Обычно жанр рецензии предполагает, что разбор будет посвящен недавно вышедшей работе. Это требуется для того, чтобы быстро подчеркнуть для желающих ознакомиться с тем или иным трудом все его достоинства и недостатки и уже затем принять решение о необходимости дальнейшего полноценного прочтения. Журналы обычно просят ограничиться в выборе книг для рецензии несколькими годами, а работы, написанные ещё раньше, редко воспринимаются как объекты для такого разбора.

Подобный подход действительно верен, когда мы видим основной целью рецензии обзор новинок научного цеха и фокусируемся исключительно на вопросе новизны публикации. Однако, у подобного жанра может быть и другая функция — реактуализация книг, которые были написаны значительно раньше. Выход за предполагаемые сегодняшними журналами ограничения по датам позволяет взглянуть на новую актуальность текстов на фоне изменившейся реальности. Правда, это касается чаще всего безусловно классических работ.

При этом вопрос о том, что является классикой и как формируются научные каноны, занимает социальных учёных уже достаточно давно. Действительно, идея о том, что каноны изменчивы и научные дисциплины сегодня могут видеть классиками несколько иных людей, нежели на заре своей институционализации, является весьма распространнёным взглядом. Это значит, что они формируются под влиянием некоторых внешних факторов, которые определяют, что уже мы сами определяем классическим или хотя бы достойным изучения. Наука и её практики также подвержены влиянию внешнего мира, который определяет, как она сама финансируется и организуется, что может быть изучено в лабораториях, а также кто вообще может работать в той или иной области. Учёные не занимаются чистой наукой, которая не затронута влиянием социальных трансформаций или по крайней мере политических и экономических контекстов. Сегодня более-менее очевидно, что научная деятельность не существует в вакууме.

В этом смысле «Социальная функция науки» конституирует взгляд Джона Бернала на подобное положение науки и её связь с общественными процессами. Автор анализирует проблемы как сути научной работы, так и её организации. Он определяет также и некоторые отправные точки тех областей, которые позднее будут названы наукой о науке, наукометрией и даже шире — социальными исследованиями науки. Спустя 25 лет после публикации работы выходит посвящённый его наследию сборник, во многом канонизирующий Бернала в роли предтечи этих дисциплин [Goldsmith & Mackay, 1964].

Ирландский учёный обозначен таковым и двумя другими «отцами-основателями» наукометрии: Дереком де Соллой Прайсом и в осо-

бенности Юджином Гарфилдом. Здесь неизбежно возникает вопрос о том, как эта индивидуализированная каноническая версия истории соотносится с коллективной работой, которая проводилась в этой области в Советском союзе в 1920–1930-х и важности вклада советских учёных уже в 1960-х [Aronova, 2011; Гиндилис, 2015]. В этом смысле парадоксальна ситуация, в которой человек, испытавший серьёзнейшее влияние советских научных идей, признавал их важность и восхищался коллективным подходом к науке, оказался канонизирован в этом вопросе с абсолютно индивидуалистских позиций западного канона.

Для широкого круга исследователей эта книга является в лучшем случае ритуальной ссылкой при разговоре об истории науки о науке, нежели концептуальной опорой и отправной теоретической точкой. Ситуация в нашей стране усугубляется ещё и тем, что по сей день она не была переведена на русский язык, что затрудняет полноценное вовлечение широкой русскоязычной публики в его аргументацию. Между тем, вопрос автономии научной сферы сегодня остро стоит по всему миру и «Социальная функция науки» даже спустя столько лет всё ещё не только точно описывает некоторые существующие проблемы, но и предоставляет возможные ответы, которые находятся через свойственный Берналу размах анализа.

Книга состоит из двух частей — «Что наука делает» и «Что наука может сделать», содержащих в себе 16 глав. Каждая из них имеет множество подпараграфов, где автор уделяет внимание деталям: одну страницу он отводит на определение целей науки, три страницы — на описание идеи чистой науки как побега от реальности, двадцать страниц выделяет на науку и социализм в СССР. Общий темп чтения работы именно такой: мы быстро идём от одной темы к другой, периодически контекстуально приходя к более объёмным описаниям. В конечном итоге это даёт достаточно широкую картину положения науки не только с точки зрения 1939 года, но и в исторической перспективе. Такой контекст, снабженный теоретическими рассуждениями, помогает провести всесторонний анализ разных аспектов научной деятельности, пусть иногда и сваливающийся в бесконтекстную симпатию всему советскому и отрицанию всего капиталистического.

Сегодня книга всё ещё представляет интерес не только как исторический артефакт для историков науки, но и как аналитический инструмент для разбора внутреннего устройства научной деятельности, её проблем и даже некоторых решений. Конечно, она не несёт в себе контекста времени, прошедшего с момента публикации. Однако это знание есть у читателя, который всё еще может отыскать для себя множество любопытных сюжетов.

Контекст

Описанный раннее «внешний взгляд» на науку в её истории весьма условно можно атрибутировать позиции экстернализма. Она возникает в качестве оформленной идеи на исторической прямой относительно недавно и традиционно связывается с участием советской делегации учёных во Втором конгрессе по истории науки и техники 1931 года в Лондоне. В мероприятии приняли участие Николай Бухарин и Сергей Вавилов, а также ряд других советских исследователей и организаторов науки. Они представили свои взбудоражившие британскую общественность работы, переосмысляющие содержание и устройство научной деятельности, а также сопутствующие её развитию инструменты [Needham, 1971].

Особый интерес их работы вызвали у местных марксистов, «красных учёных», которые затем станут известны как «Видимый коллектив» (*Visible College*), это: биологи Ланселот Хогбен (1895–1975)) и Джон Холдейн (1892–1964); математик Хайман Леви (1889–1975); биохимик Джозеф Нидэм (1900–1995) и лидер этого объединения, известный химик-кристаллограф, профессор Кембриджского университета, президент Всемирного совета мира в 1959–1965 гг. — Джон Десмонд Бернал (1901–1971) [Werskey, 1978]. Многие из них были членами Коммунистической партии Британии и ставили общую цель по пересмотру роли научных исследований в обществе. Кроме того, за критику «чистой науки» они часто получали клеймо «радикалов» на фоне более умеренных идей традиционных научных лоббистов. «Когда я, будучи студентом, слышал рассуждения о том, что жизнь человека должна быть посвящена науке или искусству только *лишь ради них самих*, и что ничто другое не имеет значения, я изумлялся. Казалось, эти люди говорили на другом языке, нежели я» [Х. Леви в: Werskey, 1978, p. 47].

На том лондонском конгрессе советский философ и физик Борис Гессен представил работу, которая по своей сути и считается началом традиции экстернализма — «Социально-экономические корни механики Ньютона» [Hessen, 2009]. В ней он поднял вопрос о роли социальных классов, классовой борьбы и материальных средств производства в становлении науки и выступил с критикой интернализма. Эти идеи были с восторгом восприняты местными марксистами и Берналом лично, который высоко оценил вклад Гессена и работу советской делегации в целом. Он затем неоднократно подчеркивал своё восхищение идеями советских учёных, которых не стеснялся упоминать в своих работах, постоянно ссылаясь на достижения в области организации научного труда. В том же году Бернал впервые посетил Советский союз и своими глазами увидел подобную работу местных исследователей, которые действительно активно дебатировали по поводу идей в области планирования научных исследований. Он затем неоднократно бывал

в СССР как до Второй мировой войны в 1930-х, так и самым активным образом чуть ли не ежегодно уже после начала холодной войны.

В начале 1939 года выходит его книга «Социальная функция науки». До оккупации Польши и «Странной войны» ещё остается какое-то время, но аншлюс Австрии (март 1938), Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938), последующая аннексия Судетской области (октябрь 1938) и первый Венский арбитраж (ноябрь 1938) уже случились. Когда эта книга увидела свет, мир стоял на пороге Второй мировой войны, что во многом отражено в содержании и тех темах, которые поднимает Бернал. Тогда ещё очевидно не существовало понятия «Вторая мировая война», поэтому книга зачастую отсылает к просто «Войне» (The War) — войне Первой мировой.

Конечно, автор ещё не знает, что ждёт человечество в последующие годы, но неоднократно упоминает, что постоянные военные конфликты в Европе того времени ставят его на порог ещё большей войны. Книга написана в период между двумя большими мировыми конфликтами, где Бернал, с одной стороны, рефлексирует о последствиях войны 1914–1918 гг. и роли науки в её проведении, с другой — предостерегает нас от тех опасных последствий, которые сопутствуют использованию науки для ведения войн как таковых. В этом смысле Бернал, будучи большим марксистом, уверен, что война и капитализм идут рука об руку, зачастую направляя научные усилия не на достижения всеобщего блага, а лишь на уничтожение и разрушение. Он критикует государства за использование науки за пределами её изначальной цели — «служения процветанию человечества» и тех учёных, которые помогают направлять научные усилия для разработки всё более устрашающих военных средств.

Отсюда корни берналовского стремления к ядерному разоружению уже во времена холодной войны, его работа на площадках конференции Всемирного совета мира (*World Peace Council*) и постоянное стремление выйти на связь с советскими лидерами. Так, в 1954 году в газете «Правда» вышло интервью под заголовком «Беседа товарища Хрущева с британским учёным и публичной фигурой Дж. Берналом», где лидер советского государства объясняет, почему такое разоружение невозможно перед лицом американского империализма [Бернал, 1954]. В этом плане Советский союз не стеснялся использовать заинтересованного в советской науке западного учёного, который своими высказываниями и действиями во многом валидировал устремления советского руководства.

Не до конца понятно как сам Бернал воспринимал наличие такого инструментализирующего контекста. Из его публикаций следует, что он скорее искренне и самозабвенно верил в правое дело советских лидеров, чем каким-либо образом сомневался в нём. Он был ярым фанатом всего советского. Помимо справедливого интереса к достижениям советских учёных, он также постоянно игнорировал разные поли-

тические контексты, существовавшие в стране. Кроме этого, уже после начала холодной войны Бернал открыто выражал симпатии Трофиму Лысенко и даже написал статью «Сталин как учёный», где высоко оценил вклад последнего в развитие науки [Bernal, 1953]. Подобная позициональность в последующем привела Бернала к работе во Всемирном совете мира — организации, которая часто рассматривается как проявление советской мягкой силы и научной дипломатии. Бернал же видел в ней в первую очередь платформу для пацифистских и антинуклеарных высказываний. Именно эта ориентация его заботила больше, чем что-либо другое.

Я описал позициональность Бернала для того, чтобы не было иллюзий в том, что он «борец за всё хорошее, против всего плохо». Имея в виду вышеописанный контекст, он на самом деле — достаточно неоднозначная фигура на почве сочетания его вполне валидных марксистских воззрений и спорных симпатий к некоторым лидерам СССР, а также к разным аспектам советской политики даже в самые турбулентные 1930-ые гг. Учитывать подобные биографические факты важно. Однако это не отменяет значение работы Бернала, его взглядов на организацию научного труда, критику роли капитализма в науке и противления использованию науки в военных целях.

Что наука делает

Начинает Бернал с постановки проблемы в контексте событий того времени. Раньше считалось, что всё, что делает наука, делается на благо человечества. В последнее время наметилась противоположная тенденция: «события последних нескольких лет привели к критическому переосмыслению функции науки в обществе. Раньше считалось, что результаты научных исследований ведут к постоянному прогрессивному улучшению условий жизни; но сначала война, а затем экономический кризис показали, что науку можно с такой же легкостью использовать в разрушительных и расточительных целях <...>» [Bernal, 1939, p. xiii]. Такое положение дел повлекло за собой призывы к подавлению науки или, по крайней мере, к ограничению применения её достижений. Это в свою очередь приводит Бернала к следующей мысли: «мы должны признать, что даже в мирной деятельности тех, кто добросовестно и с лучшими намерениями занимается адаптацией ресурсов природы к потребностям и удобствам человека, есть зловещая сторона» [Bernal, 1939, p. 8].

Далее автор постепенно выстраивает исторический очерк о том, как научная деятельность использовалась сквозь века. Мы разбираемся в самых разных тонкостях: от взаимодействия науки, торговли и имперской экспансии до её роли в создании мануфактур и парового

двигателя. Бернал действительно очень размашисто начинает свой разбор, который в итоге приводит нас к внутреннему устройству научной работы как института (в частности, в Британии). Критикуется организация и планирование, недостаточный фокус образовательных учреждений на вопросы подготовки учёного, а также за слабую координацию всех научных усилий в целом. Здесь Бернал коротко описывает ситуацию массовизации публикаций и говорит о том, что теперь абсолютно невозможно поспевать за всеми новинками научного цеха. Автор подчеркивает, что сегодня средний научный сотрудник просто не способен прочитать действительно всё, даже если бы и поставил себе такую цель. Качество увеличивающейся массы публикаций всё сложнее контролировать, а производство такого количества работ стоит всё дороже и дороже.

Критика капиталистического научного мироустройства проходит красной нитью через всё творчество Бернала. В этом смысле «Социальная функция науки» является отражением его мировоззрения, где он подробно освещает вопросы, связанные с научным трудом и теми проблемами, которые несёт в себе капитализм. Например, он серьёзно затрагивает вопрос финансирования научной деятельности и приходит к неутешительному выводу: наука финансируется неэффективно и даже то, что выделяется, часто тратится на то, что не имеет смысла. Парадоксально, но читатель легко обнаружит очевидные параллели между состоянием дел в 1930-х в этой области в Британии и сегодняшним положением дел в самых разных странах: плохое финансирование аспирантов и низкие зарплаты учёных, слабая организация и бюрократия, неясность карьерных перспектив для кандидатов наук и неэффективность финансовых вложений. И хотя рыночная конкуренция за место под академическим солнцем тогда была явно менее ожесточенная, чем на международных рынках сегодня, схожие паттерны заставляют задуматься о роли капитала в научном исследовании.

Собственно анализ капиталистического извода науки приводит Бернала к теме её финансирования государствами и в конечном итоге к её связи с военными действиями. Он подробно описывает историческую связь науки и войны, их опасный союз и соотношение создания новых средств уничтожения с научным прогрессом. Ему в целом свойственна историчность и желание искать корни сегодняшних проблем в истории, реконструируя через эту призму разные вопросы самым фундаментальным образом. Например, войну и науку Бернал начинает увязывать с вавилонян, Древней Греции через Средневековье к Новому времени, показывая как различные изобретения были обусловлены военными целями: порох, артиллерийские орудия, военная инженерия и многое другое отмечается им в качестве примеров подобной связи. Сегодня это весьма очевидные, если не совсем банальные замечания. Однако и много лет спустя мы возвращаемся к ним снова и снова.

По книге список этот продолжается и в итоге приводит Бернала к рефлексии над ролью науки в Первой мировой войне. Когда государства видят в науке военную полезность, они способны кратно увеличивать финансирование, нанимать огромный штат сотрудников и всячески способствовать исследованиям, если они обеспечат им решающий перевес в противостоянии. Руководители стремятся установить более плотную привязку науки к государству и вследствие этого к военной индустрии, чтобы снизить издержки и установить более систематическое производство необходимых товаров.

Бернал отмечает, что в Британии примерно треть всего научного бюджета страны локализуется в военном секторе, а половина так или иначе с ним связано — и это в мирное время (хотя здесь стоит уточнить, что к 1939 году многие опасались войны и наращивали свои военные бюджеты). Само собой — заключает автор, — в военное время большая часть науки поставлена на военные рельсы: он подробно описывает состояние разных индустрий от машино- и авиастроения, до химической и тяжелой промышленности, а также возможности их применения. Например, Бернал напрямую указывает на разработку и использование различных газов, а также на проектирование новых ракет, бомб и орудий массового уничтожения в Первую мировую, которая, по его заверению, стала самой технологичной войной за всю историю человечества.

Отдельное внимание он уделяет фигуре учёного в состоянии войны: «В военное время, конечно, обычно удаётся убедить учёного в том, что дело его страны справедливо, и что, следовательно, он может без угрызений совести посвятить себя совершенствованию военного искусства, — и этот выбор облегчается альтернативами тюремного заключения или ещё более неприятной прямой военной службы» [Bernal, 1939, p. 182]. Он критикует тотальную утрату чувства научного интернационализма между учёными, которые если и не заняты материальным производством орудий, то не стесняются тратить свои усилия на очернение коллег из других стран и их научных систем как таковых. Для Бернала наука интернациональна и исследователи из разных стран ближе друг к другу, чем к своим собственным государствам, хотя он и отмечает, что на протяжении истории этот тезис редко находит подтверждение.

По заверению автора, текущее положение дел в мире показывает, что люди в конце 1938-начале 1939 года находятся между миром и войной, потому что кругом государства то и делают, что готовятся к более крупным военным действиям. Это особенно примечательно ещё и потому, что всего через несколько лет сам Бернал будет вовлечен как кристаллограф в изучение побережья Нормандии для планирования наиболее удачных мест и их последующих укреплений для высадки войск. Это событие, как известно, открыло второй фронт в европейском театре военных действий.

Что наука может сделать

Характеристики науки того времени приводят Бернала не только к милитаристкому разрезу. Этот аспект — лишь один из симптомов, которые уводят её от сугубо социальной функции. Одним из важнейших элементов книги становится вывод, сформированный на фоне тотальной, по его мнению, дезорганизации научного труда и необходимости искать выход из сложившейся ситуации. Такой выход не может быть найден по отдельности учёными, государством или финансирующими организациями — только вместе они смогут хотя бы наметить пути её возможной реорганизации. Вопросы обучения и найма учёного, выделения бюджетов и приложения результатов исследования лежат в первую очередь в области «политического» и «экономического», и не могут считаться чисто научными вопросами. При этом Бернал выступает за автономию принятия решений учёными. Именно они должны определять внутреннее содержание своей работы и предлагать пути наиболее удобной организации научного труда, потому что только они понимают все тонкости и те опасности, которые могут нести в себе непродуманные реформы.

Автор декларирует необходимость тотального переформатирования подготовки исследователей, начиная со школы, — по его мнению, предложенная форма должна в итоге привести к конечному гармоничному развитию исследовательских навыков. Бернал также подробно описывает должное устройство лаборатории, в том числе и роль директора, администратора, библиотекаря и других участников производства знания. Здесь видна общая задумка. Трансформация возможна, если она будет систематически учитывать самые разные аспекты, которые влияют на жизнь исследовательского института. В связи с этим Бернал задаёт вопрос: должна ли наука быть спланирована и организована? Сегодня этот вопрос вызывает некоторое недоумение: а как же ещё задавать вектор её развития, разве вся научная деятельность и последующая отчётность учёных не зиждется на плане?

В настоящее время, зная всю историю подобного планирования в Советском союзе, такая постановка совсем неудивительна. Тем не менее, во времена Бернала «план» часто ассоциировался с экспансией всего «советского» и некой угрозой науке стран капиталистических, организовывавших науку, как и следует из описания ирландского учёного, несколько иначе. Действительно, он неустанно смотрит на советский пример, где уже в 1920–1930-х идеи планирования коллективного труда занимали не только теоретиков и организаторов науки, но и тех, кто был ответственен за практическое измерение научной работы. Именно поэтому доклады советской делегации в Лондоне вызвали такой ажиотаж. Это нашло отражение в «Социальной функции науки», где Бернал явно не только симпатизирует социалистической перспективе в организации исследований, но и развивает её. Помимо идей о реорганизации,

финансировании и распределении ролей в лаборатории, его интересует переосмысление способов распространения научных результатов.

Например, Бернал ищет альтернативы традиционным научным журналам. На страницах книги появляется предложение создать систему или сервис, который бы занимался «регистрацией, архивированием, координацией и распространением научной информации» [Bernal, 1939, p. 294]. По существу предлагается создать огромный депозитарий, в который можно было бы отправлять все публикации, чтобы каждый учёный мог из него взять нужный материал в любой удобный момент. Приведём полное описание работы такой организации из книги: «Исследователь, независимо от своей специальности, отправляет свою статью в редакцию (*publishing office*); затем она передаётся в редакционный совет рецензентов (как и в настоящее время), и, если проходит отбор, с изменениями или без изменений, воспроизводится фотографическим способом. Определённое количество экземпляров немедленно отправляется во все библиотеки и всем работникам, которые указали на карточках, отправленных ранее, что они желают получать копии статей в таких-то и таких-то областях. <…> Оригинальный экземпляр или плёнка затем хранятся, и могут быть распечатаны по запросу в любой последующий день, даже если прошло несколько лет, таким образом, обеспечивая немедленную перепечатку без дополнительных трудностей <…>» [Bernal, 1939, p. 296].

Бернал подчеркивает важность абстрактирования и доступа учёных к таким коротким описаниям научных работ для выбора интересующей их уже полноценной статьи. С этим связана идея реферативного журнала, который по своей сути даёт краткое представление о новинках научного цеха в той или иной области знания. В Советском союзе нечто похожее можно было лицезреть в работе ВИНИТИ, однако, какова конкретно роль в этой задумке самого Бернала, остается спорным вопросом. Вполне вероятно, что такая организация труда возникла благодаря постепенно развивающейся локальной информационной культуре, а не через прямое вовлечение местных научных энтузиастов с его работами. Здесь любопытна сама побуждающая мысль: научная статья в журнале — это не застывшая форма научной отчётности, а лишь способ коммуникации между учёными того, что им удалось обнаружить путем своих исследовательских изысканий. Такая коммуникация может быть реализована иначе.

В очередной раз Бернал повторяет, что наука должна служить на благо всего человечества. Он посвящает отдельную главу этому вопросу в самом практическом разрезе, подробно расписывая, как именно она может претворить подобное стремление в жизнь. При этом автор совсем не беспокоится о громоздкости конструкции книги из 16 глав и множества мелких параграфов и поэтому, как и на прочие вопросы, отвечает весьма размашисто. Он начинает список от базовых социальных и психологических потребностей; еды, здоровья

и работы, обращаясь к проблеме обеспечения жильем и транспортом и в конечном счёте доходит до больших категорий, таких как различные промышленные индустрии. Всё это то, чем наука не только может обеспечить людей должным образом, но и должна способствовать улучшению доступа к уже существующим благам.

В этом смысле для Бернала подчинение человека миру больше не только невозможно, это мир должен быть подчинен устремлениям человечества. Здесь заметен прямой сциентизм и антропоцентризм автора: всё должно быть подчинено воле человека научными методами для его развития и блага. Сегодня такая ориентация может быть раскритикована за очевидное игнорирование окружающей среды, которая серьёзно страдает из-за подобных установок, отражаясь затем в таких глобальных проблемах как, например, постепенное повышение температуры на планете.

Работа заканчивается шестнадцатой главой, которая по названию идентична всей книге. В ней Бернал заключает, что социальная функция науки, помимо прочего, ещё и борьба с негативными аспектами человеческой деятельности, а именно противоборство голоду, болезням, рабству и войнам. Автор заявляет, что сегодня нет никаких технических препятствий к тому, чтобы все имели еду — однако они её не имеют; есть условия для исключения подневольного труда, но он всё ещё есть; зачастую болезни являются последствиями отсутствия либо качественной еды и воды, либо адекватных условий для жизни. Война же, согласно Берналу, всегда лишь отдаляет человечество от потенциального процветания и благополучия. При этом наука не только может максимально нивелировать негативные эффекты от таких явлений, но и имеет возможность их искоренить.

Автор заканчивает всю книгу подпараграфом «Наука как коммунизм», проводя следующее сравнение: «в науке люди научились сознательно подчиняться общей цели, не теряя при этом индивидуальности своих достижений. Каждый знает, что его работа зависит от работы его предшественников и коллег, и что она может принести плоды только благодаря работе его преемников: в науке люди сотрудничают не потому, что их к этому принуждает высшая инстанция, или потому, что они слепо следуют за каким-то избранным лидером, а потому, что они понимают, что только в этом добровольном сотрудничестве каждый может найти свою цель» [Bernal, 1939, pp. 415–416].

Заключение

Поразительна прозорливость автора и актуальность книги сегодня. Многие вопросы, поднятые в работе, так и остались нерешёнными спустя много лет после публикации. Освещение их сегодня касается

многих удивительно старых проблем, обернутых в контекст сегодняшнего дня. При чтении может показаться, что это фундаментальные вопросы, требующие такой глобальной координации усилий, что никакого времени не будет достаточно для их изменения, — это чистая утопия. При этом, если сложить аргумент автора и историю после 1945 года, станет понятно, что это не вопрос времени, эпохи или очередного этапа геополитических противостояний.

Это проблема понимания конечных целей самого существования науки и повсеместного отрицания её социальной функции в разных национальных контекстах. Достаточно ли часто мы задаём себе вопрос: для чего нужна та или иная статья? Оставим за рамками отчётность, которая генерирует вознаграждение и обеспечивает жизненные блага самому автору того или иного текста вне зависимости от его внутреннего содержания. Задав этот вопрос и попытавшись проследить цепочку принятий решений, мы можем, среди прочего, наткнуться на ответ: это общественно важная работа, а анализ X помогает понять почему Y влияет на Z.

Однако признавая такую важность, принятие продуктивного пересечения двух сфер: научной и социальной, уже является более спорной позицией. Наш сугубо научный анализ важен, но работать с ним будет кто-то другой: кто конкретно, мы точно не знаем, но кто-нибудь точно сочтёт это полезным. Неопределённый круг лиц, конституирующих предполагаемую аудиторию, в итоге выливается в полное её отсутствие — мы не знаем, с кем мы разговариваем. Это влечёт за собой также и отказ от позициональности работы применительно к конкретному журналу как эпистемическому сообществу. Работа опубликована в научном издании, которое широким образом охватывает ту или иную область, а значит её тот самый «кто-нибудь» сможет отыскать на просторах сети. Тем временем, наука (и особенно социально-гуманитарная) строится на подключении к дискуссии и научной коммуникации между учёными, которая реализуется не через случайный поиск, а через конкретное взаимодействие с разными членами такого сообщества. Именно поэтому эта рецензия выслана не просто в журнал с таким примечательным и символическим названием, но и во вполне конкретный тематический номер.

Внешний мир, пытаясь отыскать ответы на волнующие его вопросы, неизбежно столкнётся с барьером в понимании правил и понятий этого сообщества. Собственно, Бернал закладывает первоосновы к осознанию того факта, что движение к интерпретации идей (или достижений науки и их приложения) должно идти не извне вовнутрь, а совсем наоборот. Потому что учёный — это человек и внутри, и вне — это лучше всего заметно в книге в подпараграфе «Учёный как гражданин» [глава 15, стр. 391–397]. Коммуникация здесь — лишь одна из проблем, потому что мы пока не можем отыскать консенсус по поводу другой линии книги: наука не должна служить разрушению

и создавать всё более совершенные средства человеческого уничтожения. Вместо этого международные усилия учёных должны служить на благо человечества — пусть оно и может быть истолковано весьма широко. Интернационализм учёных может продуктивно производить социальные смыслы поверх государственных интересов, хотя и трудно отрицать их очевидное влияние.

Такая установка не может быть достигнута без переосмысления или хотя бы осознания конечных целей науки, её организации для их достижения, путей коммуникации основных результатов и её роли в жизни общества, включая негативное влияние. В той или иной форме это изложено на страницах «Социальной функции науки», которая сегодня — скорее классическая ссылка к корнями некоторых научных дисциплин, нежели полноценно читаемая классика. Безусловно, с 1939 года социальная мысль ушла очень далеко, однако обращение к такой работе сегодня подсвечивает сюжеты, которые могут нам напомнить некоторые базовые установки дискуссии о роли науки и об организации научного труда в исторической перспективе.

При этом даже само принятие возможности обращения к подобным работам сталкивается с трудностями. В случае Бернала этому способствуют и его не до конца понятные политические симпатии, и неоднозначные научные союзы, и сильный марксистский уклон, который плохо уживается с общим трендом отрицания достижений социалистического проекта в Центральной и Восточной Европе после 1989/1991 гг. Допустить возможность научения у противоречивых фигур прошлого сложно, ещё сложнее допустить, что наука может развиваться и в авторитарных/тоталитарных контекстах за пределами демократических идеалов и открытости всех научных данных.

Вопрос состоит в том, что мы можем почерпнуть из этой книги сегодня, зная всё то, что случилось уже после её выхода. Полагаться ли на классику, находя ответы на всё так же актуальные вопросы, балансировать между историей и современностью в поиске решений или пытаться отыскать абсолютно новые пути, чтобы разбираться со всё ещё нерешенными вопросами? Какому бы способу мы не симпатизировали, мы неизбежно столкнёмся с ещё одной проблемой. Как привести понимание социальной функции науки к общему знаменателю так, чтобы мы понимали её полезное измерение хотя бы приблизительно одинаково? Об этом нам ещё предстоит подумать.

Литература

1. *Бернал, Дж.* Беседа товарища Хрущева с британским учёным и публичной фигурой Дж. Берналом. Газета «Правда». 1954. №13291(358).
2. *Гиндилис, Н. Л.* Становление науковедения в СССР (середина 60-х годов XX в.). Науковедческие исследования. 2011. С. 217–272.
3. *Aronova, E.* The politics and contexts of Soviet science studies (Naukovedenie): Soviet philosophy of science at the crossroads. Studies in East European Thought. 2011. No. 63(3). P. 175–202.
4. *Bernal, J. D.* Social function of science. Routledge, 1939.
5. *Bernal, J. D.* Stalin as Scientist. Modern Quarterly. No. 8(3).
6. *Goldsmith, M., & Mackay, A. (Eds).* The science of science: Society in the technological age. Souvenir Press, 1964.
7. *Hessen, B.* The Social and Economic Roots of Newton's Principia. In P. McLaughlin (Ed.), The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution. Springer Netherlands, 2009.
8. *Needham, J. (Ed.).* Science at the cross roads: Papers presented to the International Congress of the History of science and technology, held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the USSR. Cass. International Congress of the History of Science and Technology, London, 1971.
9. *Werskey, G.* The visible college: The collective biography of British scientific socialists of the 1930s. Penguin Books, 1978.

Ivan Kislenko

The social function of science or what John Bernal's book can teach us today

Essay review of J. D. Bernal's book "The Social Function of Science" (1939)

Ivan Kislenko — PhD in Sociology, independent scholar. **Email:** ivankislenko1994@gmail.com

Abstract: This review is devoted to the book "The Social Function of Science" published in 1939 by Irish crystallographer John Desmond Bernal. This work is often cited as a starting point in the field of science of science and/or scientometrics, but to this day it has not been published in Russian. Recognized as a classic on both sides of the Iron Curtain during the Cold War — a period of active institutionalization of the abovementioned disciplines, it remains relevant to this day. Both leading international researchers in the field of scientometrics (Derek de Solla Price and Eugene Garfield) and Soviet authors (e.g., Vasily Nalimov) have often recognized the book as the key milestone in the discipline's formation. Moreover, Bernal's contribution is interesting for the analysis of the relationship between science, state and society, which the attentive reader will find useful even today. Being sympathetic to the socialist approach to science planning, the Irish Marxist analyzes the critical shortcomings of capitalist science: weak funding, lack of organization and planning, harmful alignment with militarism, individualism and the absence of its main social function, i.e. the focus on the prosperity of humanity.

Keywords: scientometrics, planning, externalism, USSR, publications.

For citation: Kislenko, I. (2026) The social function of science or What John Bernal's book can teach us today. Essay review of D. D. Bernal's book "The Social Function of Science" (1938). *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 97–111.

References

1. Aronova, E. (2011). The politics and contexts of Soviet science studies (Naukovedenie): Soviet philosophy of science at the crossroads. *Studies in East European Thought*. No. 63(3). P. 175–202.
2. Bernal, J. D. (1939). *Social function of science*. Routledge.
3. Bernal, J. D. (1953). Stalin as Scientist. *Modern Quarterly*. No. 8(3).
4. Bernal, J. D. (1954). Beseda tovarishcha Khrushcheva s britanskim uchenym i publichnoj figuroj Dzh. Bernalom [N. Khrushchev's Conversation with British Scientist and Public Figure John Bernal]. *Pravda*. No. 13291(358). (In Russ.)
5. Gindilis, N. L. (2011). The Formation of Scientific Studies in the USSR (mid-60s of the Twentieth Century) [Stanovlenie naukovedenija v SSSR (seredina 60-h godov XX v.)]. *Naukovedcheskie issledovanija*. P. 217–272. (In Russ.)
6. Goldsmith, M., & Mackay, A. (Eds). (1964). *The science of science: Society in the technological age*. Souvenir Press.
7. Hessen, B. (2009). The Social and Economic Roots of Newton's Principia. In P. McLaughlin (Ed.), *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution*. Springer Netherlands.
8. Needham, J. (Ed.). (1971). *Science at the cross roads: Papers presented to the International Congress of the History of science and technology, held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the USSR*. Cass. International Congress of the History of Science and Technology, London.
9. Werskey, G. (1978). *The visible college: The collective biography of British scientific socialists of the 1930s*. Penguin Books.

Социология университетов

А. С. Калгин, Н. А. Гнисюк, А. С. Астахова

Между сектой и корпорацией: как формируются университетские этосы

Александр Сергеевич Калгин — магистр социологии, PhD. Приглашённый исследователь, Центр исследований примирения, Институт социологии, Университет Бонна (Германия). **E-mail:** akalginall@gmail.com. **ORCID:** 0000-0002-4133-1063.

Николай Алексеевич Гнисюк — магистр социологии. **E-mail:** brebabai13@gmail.com.

Анастасия Сергеевна Астахова — кандидат социологических наук. Декан Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **E-mail:** astakhova-as@ranepa.ru.

Аннотация: Регуляция современных университетов сегодня всё больше выстраивается в логике корпоративной метафоры. Изобилие менеджерских практик, таких как введение различных показателей эффективности — всё это исходит из общеупотребимого теоретического языка описания академии как корпоративной структуры. В центре этой структуры предполагается рациональный индивид, принимающий решения в результате калькуляции издержек и выгод. Однако мы фиксируем парадокс, заключающийся в обилии учёных, которые действуют, как кажется, экономически и социально невыгодно. Соглашаясь на чрезмерную нагрузку, они испытывают повышенный стресс от менеджерских практик. Мы называем этот парадокс «необъяснимым остатком мотивации».

В экономически-корпоративном подходе существует полемика вокруг этой проблемы. Например, с точки зрения экономистов сделана попытка её решения через добавление в калькуляцию учёных нематериального «академического вознаграждения». В рамках настоящей статьи мы показываем несостоятельность этого решения и предлагаем другое. Его суть заключается в альтернативном развитии метафоры университета как секты в Веберианском смысле. В статье разбираются реальные кейсы работы двух московских университетов и демонстрируется, что за экономически рациональными на первый взгляд отношениями стоит ценностно-рациональная система сектантского характера, облекающая менеджерские практики дополнительными смыслами и функционалом.

По результатам качественного исследования на материале 25 интервью мы иллюстрируем, как концепты «этоса», «тревоги о спасении» и «избранничества» позволяют нам объяснить парадокс необъяснимого остатка мотивации. Мы показываем, как под маской экономически-рациональной корпорации скрывается работа университетских этосов, сектантских процедур отбора и поиска свидетельств о спасении.

Ключевые слова: наука, университеты, мотивация, Вебер, тревога о спасении, социология организаций

Для цитирования: *Калгин, А. С, Гнисюк, Н. А., Астахова, А. С.* Между сектой и корпорацией: как формируются университетские этосы // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 113–140.

«По-видимому, основным в современных исследованиях университетов является вопрос о специфичности этого образования: обладает ли оно самодостаточностью или же растворяется в мире „нормальных“ организаций?»

Павлюткин, 2011, с. 109

Введение

Возьмём за отправную точку расхожее представление о том, что университетский учёный по сравнению с работником частного сектора с сопоставимым стажем получает более низкий денежный доход и часто перерабатывает. В теории организаций об университетах существует дискуссия относительно того, можно ли считать их «нормальными организациями», или они являются организациями особого рода. Сегодня в университетах внедряется всё больше элементов, заимствованных из «нормальных организаций» [Павлюткин, 2011].

Традиционно это принято связывать с внедрением менеджерских практик в сферу образования. Ярким выражением этой тенденции является всё большее распространение практик формализованной оценки учёных (их публикационной активности и иных сфер их деятельности). В этой работе мы описываем то, как чужеродные практики внедряются в университетскую жизнь. Наше описание позволит высветить напряжение, связанное с заимствованием практик из одного контекста в другой. Оно позволит ярче наблюдать черты университетов, которые отличают их от «нормальных организаций» и то, как эти черты проявляются в ситуации конфликта организационных моделей.

Общая задача и цель настоящей статьи — попытаться восполнить существующий пробел в современных языках описания, которые служат основой для управленческих решений и менеджмента университетов и показать, в чём можно искать причину «необяснимого остатка мотивации» среди учёных.

Первый раздел посвящён реконструкции доминирующей сегодня концептуальной модели, отталкивающейся от метафоры университета как производственной корпорации. Речь идёт о менеджерских моделях, основывающихся на различных вариантах теории рационального выбора и применяющихся в таких практиках, как оценка преподавателей, учёт и премирование за количество и уровень публикаций, требование повышения публикационной активности, цитируемости, и прочих управленческих практиках. В этих моделях

существует известная проблема необъяснимого остатка мотивации, о которой говорят и эмпирические данные, и ряд теоретиков. Мы реконструируем эту полемику, демонстрируя общее слепое пятно в современных языках описания работы университетов. Иными словами, мы очерчиваем проблему различения и объяснения, на решение которой направлено дальнейшее содержание статьи.

Второй раздел посвящён альтернативной концептуализации мотивации учёных. Мы прочитываем метафору корпорации не как «промышленной фирмы», а в её исконном значении как «союза равных». В рамках развития этого прочтения мы предлагаем задействовать теоретический ресурс социологии религии Макса Вебера, в частности, понятие секты. Мы адаптируем этот концептуальный аппарат для работы с академической средой. Нами задействуются концепты этоса, тревоги о спасении, испытания, религиозной квалификации, священных благ, благочестивого поведения и избранничества. В итоге второй раздел предлагает собранный и потенциально продуктивный язык для решения проблемы необъяснимого остатка мотивации в академической среде.

Заключительный раздел посвящён эмпирической апробации предложенной модели. В нём приводятся результаты нашего качественного исследования в двух крупных российских университетах. На основе 25 глубинных интервью мы обнаруживаем явные кейсы необъяснимого остатка мотивации, не вписывающиеся в модель «академического вознаграждения» [Кузьминов, 2004], но согласующиеся и объяснимые в рамках предложенной нами концептуализации. В частности, мы разбираем три наиболее значимых и часто повторявшихся сюжета функционировавших в логике тревоги о спасении, избранничества и этоса. В заключении статьи суммируется объяснительный потенциал предложенной концептуализации с точки зрения решения существующей проблемы необъяснимого остатка мотивации.

Университеты как «ненормальные организации»

Анонимный автор из Оксбриджа (собирательный термин, образованный от слияния названий двух университетов Великобритании: Оксфордского и Кембриджского) на страницах газеты The Guardian жалуется на то, что зарплаты в этих университетах даже не обеспечивают молодым учёным возможности покрывать затраты на проживание [Academics anonymous, 2015]. Сравнивая зарплаты в Оксбридже с английским университетами «второго эшелона», он отмечает, что в последнем случае они значительно выше (а стоимость жизни — ниже). При этом автор жалуется на переработки и необходимость

прилагать чрезмерные усилия не только чтобы попасть внутрь, но и чтобы там оставаться.

Это не единичный случай. На страницах британской прессы можно встретить множество публикаций, в которых описывается проблема переработок в академии, выгорания на работе, психических расстройств из-за переработок и даже суицидов среди учёных [Guo, 2014; Krause, 2018; Shaw, 2014]. Основная тема этих публикаций — учёные стабильно перерабатывают. Академические исследования также отмечают, что академики испытывают по этому поводу сильный стресс [Jacobs, Winslow, 2004].

Эта проблема актуальная и для России. В отечественной литературе есть исследования, указывающие на то, что сотрудники университетов испытывают значительный стресс от переработок и плохого баланса работы и личной жизни. В том числе это увязывается с активным включением российских университетов в глобальную «гонку рейтингов», результатом чего становится всё возрастающее давление на учёных со стороны менеджеров [Абрамов, Груздев, Терентьев, 2019].

Для постановки исследовательской проблемы, на примере которой мы хотим проиллюстрировать эвристический потенциал нашей концептуализации, мы выделим три основных момента:

1) академиков можно причислить к профессионалам, которые значительно «перерабатывают» [Muurlink, Poyatos Matas, 2011];
2) в академии распространено недовольство формализованными процедурами оценки [Harley, 2002];
3) эти процедуры оценки связываются со значительными негативными переживаниями — чувством неопределённости, фрустрации, растерянности [Archer, 2008][1].

Назовём это признаками присутствия некоторого «необъяснимого остатка мотивации». Учёные зачем-то работают много, хотя платят им относительно мало. При этом они выражают недовольство.

Для объяснения этого наблюдаемого парадокса мы строим наше рассуждение, отталкиваясь от концепта «базовых метафор», в частности, метафоры «корпорации». Понимание университета меняется, из «академической корпорации» он превращается в фирму по производству образовательных услуг. Куракин и Филиппов [Куракин, Филиппов, 2006] говорят о смене базовой метафоры. Слово «корпорация» вместо своего исконного значения — союза равных учёных — приобретает новое значение — крупная фирма, производящая товар. Университет продолжает называться академической корпорацией, но значение слова теперь иное. «Пожалуй, разговоры об университете как корпорации, в любом смысле, имеют одно важное значение.

[1] На языке нашей концептуализации мы говорим о том, что они являются психологическими коррелятами «*тревоги о спасении*».

Они позволяют ориентировать исследование на поиск базовых интуиций и базовых метафор. В основании осмысленного поведения лежит схема организации опыта. В конечном счёте, с ней соотносятся те определения ситуаций, которые потом находят своё продолжение в наблюдаемом поведении» [Куракин, Филиппов, 2006].

Наше предположение заключается в том, что различные практики университетской жизни в разной степени совершили переход из одной метафоры (касты, секты избранных) в другую (промышленная фирма), и этим обусловлены те напряжения, которые мы наблюдаем. Попытки этого осмысления можно найти, например, у исследователей высшего образования. Так, Павлюткин [Павлюткин, 2011] указывает на два различных понимания университета — университет как «обычная/нормальная организация» (ordinary organization) или как особый вид организации, которому присущи особые свойства и особая структура.

Отличительными признаками университетов называли разное: коллегиальное управление, особый вид анархии в принятии решений, «слабое сцепление» (loose coupling) организационных элементов, неясность и неоднозначность организационных целей [Павлюткин, 2011, с. 106].

Павлюткин отмечает, что тенденцией последнего времени является переход к пониманию университета как обычной организации, которой можно управлять с помощью инструментария, созданного для управления в частных фирмах или государственных бюрократиях. Здесь традиционным является упоминание доктрины New public management, в рамках которой делается попытка стереть грань между управлением в организациях частного сектора и организациях публичного сектора, в том числе университетах.

В чём сходятся многие исследователи университетов, так это в том, что механизмы оценки результативности заслужили дурную славу среди учёных. Критика многообразна: оценку публикационной активности критикуют с точки зрения теории вытеснения внутренней мотивации, рассматривают в бурдьевистском ключе как практику доминирования [Archer, 2008]. Harley [Harley, 2002] указывает на то, что учёные солидарны в своей ненависти к процедурам оценки их результативности, но, тем не менее, продолжают их проходить.

Парадоксальность университетской организации

Рассмотрим некоторые языки описания, которые использовали другие исследователи для осмысления проблемы «необъяснимого остатка мотивации» в университетах.

Многие описания университета строятся на этой «менеджерской» метафоре. Так, влиятельная точка зрения заключается в том, чтобы рассматривать «мотивационный остаток» как признак наличия в научной работе определённого «академического вознаграждения»: «Преподаватели и исследователи получают наряду с денежным доходом и внешним социальным статусом дополнительное «академическое вознаграждение» — **удовлетворение** от процесса творческой деятельности, удовлетворение от признания коллегами результата, своих достижений, удовлетворение от очень качественного потребления, практически неотделимого от творческого труда, потребления, «перетекающего» в содержательную деятельность» [Кузьминов, 2004, с. 7].

Логика «академического вознаграждения» используется в ряде работ по экономике труда [Eriksson, Kristensen, 2014] и теории организаций [Hussain и др., 2024]. В первом случае, исследователи показывают, что неденежные выгоды, такие как гибкий график и доступ к ресурсам университета, часто компенсируют более низкую зарплату в академии. Это согласуется с гедонистической теорией оплаты труда, согласно которой работники могут охотно соглашаться на более низкую зарплату, если она компенсируется выгодами на рабочем месте, удовлетворяющими личные или профессиональные потребности. Во второй работе авторы говорят о том, что учёные могут соглашаться на более низкую оплату труда в обмен на возможность делать полезный общественный вклад. Авторы показывают, что представление академической работы как общественно полезной может вести к тому, что учёные соглашаются на более низкую зарплату, руководствуясь внутренней мотивацией, а не внешней.

Эта логика объяснения работает в рамках модели рационального выбора, ограничиваясь тем, что расширяет набор благ, которые получает учёный от своей работы: в его рациональный расчёт входит набор таких специфических благ, как признание, творчество и т. д. Однако этот язык описания не позволяет учесть специфических для университета мотиваций, таких как принадлежность к «касте» равных в рамках традиционной метафоры корпорации. Мы говорим здесь о предельных мотивациях, избегающих калькуляции.

О столкновении разных базовых метафор университета говорят некоторые российские авторы. Так, Емельянов и Павлюткин [Емельянов, Павлюткин, 2014] используют метафору «дара», чтобы говорить об отношениях, возникающих в университете. Понимание знания как дара они противопоставляют рыночной логике, в которой университет рассматривается как фирма по производству продукта, знание становится товаром. Можно предположить, что рыночная метафора (образование как товар) вытесняет органицистскую метафору (образование как функция общественного организма по воспроизводству себя).

Существующие языки описания очевидно не улавливают «необъяснимый остаток мотивации» учёных, поскольку исходят из второго понимания метафоры «корпорации» — университета как фирмы. В этой работе мы делаем попытку заполнить этот пробел и предложить альтернативный язык описания, исходя из метафоры корпорации как «союза равных» и опираясь на социологию Макса Вебера.

Метафора университета как секты

Чтобы решить проблему «необъяснимого остатка мотивации», мы обращаемся к метафоре корпорации не в её современном значении промышленной фирмы, а в её исконном значении касты избранных и союза равных. Это значение не чуждо университетам. Так, в обзоре биографии Макса Вебера А. Ф. Филиппов замечает, что научная работа и успешная защита диссертации молодым Вебером позволила ему получить «публичное признание своего, приглашение в цех, в касту избранных». [Филиппов, 2019, с. 315].

В этом биографическом описании мы можем видеть то выраженное кастовое начало, которое присуще университетам. Твоя принадлежность к организации характеризует тебя как личность. Ты не просто наемный работник, но ты член корпорации (касты, секты, ордена, кружка, племени [Becher, Trowler, 2001]), которая сращивается с тобой как с личностью.

В настоящей работе при создании прикладной концептуализации мы обращаемся к метафоре секты (религиозной общины). Укажем на несколько моментов, которые стали предпосылками выбора именно этой метафоры: секта уже хорошо концептуализирована социальными теоретиками (прежде всего Максом Вебером, но не только), можно относительно легко провести аналогии между сектой, как она описана этими теоретиками, и университетскими коллективами.

К описанию секты как института обращались многие теоретики после Вебера [Niebuhr, 1996; Troeltsch, 1996; Wilson, 1961]. Ключевым отличием между сектой и церковью можно назвать добровольный характер вступления: «...секта — это добровольная общность, члены которой присоединяются к ней по своей свободной воле» [Troeltsch, 1996, с. 64].

Метафора секты уже использовалась в отношении академических коллективов. В статье “Faith struggles in science: Academic schools as religious sects ” [Follert, Daumann, 2021] используют экономическую теорию религии и метафору секты для описания научных школ. Авторы моделируют научные школы как квазисекты, поскольку они имеют сопоставимую структуру затрат и выгод, а также показывают, при каких обстоятельствах учёный как потенциальный член присоединя-

ется к научной школе. Исследователи делают вывод о том, что научные школы, подобно религиозным сектам, могут привлекать учёных за счёт социальной структуры, солидарности, идентичности и других социальных и психологических механизмов.

Другим взаимосвязанным ключевым понятием социологии религии Вебера является понятие «этоса». Это понятие также использовалось в исследованиях университетов. Обратимся к исследованиям академического «этоса». К примеру, в статье "University ethos versus the idea of sustainable development " [Łaszczyk, Kulesza, 2020] рассматривается роль университетов не только в сфере науки и образования, но и в контексте социальной ответственности и устойчивого развития. Авторы отмечают, что современные университеты должны не только стремиться к достижению научной истины, но и активно влиять на социальную динамику путём развития человеческого капитала и подготовки специалистов, готовых к изменениям и вызовам на рынке труда. Таким образом, «этос» рассматривается как некое «долженствование», некая предписываемая университетам позитивная роль.

Стенкамп [Steenkamp, 2017] в статье The exploration of university ethos — neoliberalism versus entrepreneurial wisdom анализирует изменения в этосе университетов в контексте современных вызовов, связанных с четвёртой промышленной революцией. Университеты реагируют на экономические сдвиги и требования рынка. В работе анализируется, как неолиберализм стимулирует университеты к принятию более коммерческого и предпринимательского подхода к образовательному процессу, ориентированному на достижение экономической эффективности и финансовой самостоятельности.

Богданова в работе «Этос университета: социологическая операционализация потенциала „неписаных правил“» [Богданова, 2017] описывает концепцию этоса университета как важного внутреннего ресурса, поддерживающего его институциональную идентичность. Этос университета включает ценностные ориентиры и нормы, формирующие «культурный код» данного учебного заведения. Таким образом, можно видеть, что существующие исследования фокусировались на различных аспектах университетского этоса, однако нам не удалось найти работ, посвящённых механизму отбора в секты и его веберовской интерпретации как средства создания этоса (трансляции культуры). В литературе по организационной культуре одной из классических работ является статья Шейна, предлагающая теорию социализации и отбора как средства трансляции организационной культуры и «индоктринации» новичков [Schein, 1990], однако и в этой работе мы не находим указания на то, чем же движимы кандидаты в члены организации. Их стремление к работе и желание «вписаться» в организацию воспринимаются как данность.

При этом, центральным отличием нашего подхода и перспективности веберовской оптики является то, что мы можем указать

на «движущую силу» или «мотив», который заставляет «новичков» двигаться вперед через этапы отбора. Вебер указывает, что в поиске знаков своего «избранничества» протестант движим «тревогой о спасении». Это — предельная мотивация, она способна заставить человека стремиться к прохождению отбора даже если это требует значительного напряжения сил, и связано со значительными издержками.

В нашей работе мы модифицируем этот концепт, формулируя понятие «академическая тревога о спасении», который функционирует в академическом мире аналогично «тревоге о спасении» в мире религиозном.

Концептуализация

Мы предлагаем рассмотреть университет как религиозную общину. В рамках нашей концептуализации мы видим университет и, в частности, процесс прихода в него новых сотрудников и их адаптации, как процесс входа сектантов в секту и усвоение ими «этоса» секты.

Основным источником для нашей концептуализации служит небольшая статья Макса Вебера «Протестантские секты и дух капитализма» [Вебер, 2016a]. Кроме этого, мы обращаемся к книгам «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 2016b] и «Хозяйство и общество» [Вебер, 2016c].

Центральная идея Вебера в работе «Протестантские секты» заключается в том, что секты формируют особый «этос» или «дух» протестантизма, который становится основным элементом «духа капитализма» (эта связь выстраивается Вебером в «Протестантской этике»). Статья написана на основе наблюдений Вебера, сделанных им во время поездки в Америку. Вебер описывает механизм, посредством которого секты формируют этос протестантизма:

1) в секты вступают добровольно, по своему выбору (т. е. в них вступают не все, а лишь те, кто этого хочет; таким образом, происходит самоотбор);
2) в секту принимают не каждого (сектантов принимают «лишь после самой тщательной „проверки“ и педантичного изучения их „образа жизни“, начиная с самого раннего детства» [Вебер, 2016a, с. 189]»;
3) после вступления сектант должен постоянно подтверждать своё «избранничество» «благочестивым поведением».

Отдельно подчеркнём, что в первую очередь нас интересует именно аргументация Вебера в статье «Протестантские секты», в которой он рассматривает институт сект и их общественную функцию, и лишь во вторую очередь аргументация «Протестантской этики»,

в которой Вебер показывает корни «духа капитализма» в религиозных доктринах некоторых протестантских течений. Доктрина даёт ответ на вопрос «зачем?» (к чему следует стремиться), а институты — на вопрос «как?» (что следует делать, стремясь) [Забаев, 2019, с. 24].

Мы выделяем три ключевых концепта: «избранничество», «этос» и «тревога о спасении» и предлагаем рассмотреть через их призму практику академической жизни.

Центральной для социологии религии Вебера является его реконструкция доктрины о предопределении, которую он приписывает протестантским кальвинистским сектам.

Кратко изложим социологическое значение доктрины о предопределении к спасению следующим образом. Есть некоторая ненаблюдаемая характеристика — «избранничество», т. е. предопределение к спасению. О том, что такое спасение есть некоторые представления, которые делают его предельно желанным. Условия его получения — это «средства к спасению». По признаку избранничества люди делятся на избранных и отверженных (толпу). Точно знать о том, являешься ли ты избранным или нет, нельзя, но можно искать знаки «избранничества». Существует *механизм отбора*, посредством которого, как принято считать, избранные могут быть отделены от толпы. Этот механизм отбора состоит из трёх элементов:

1) человек должен стремиться к спасению (иметь *тревогу о спасении*);
2) он должен пройти проверку своего поведения и быть допущенным в секту;
3) он должен своим *благочестивым поведением* показывать, что он действительно *избранный*.

Вступление в секту имеет двоякий эффект:

1) *внешне* это подтверждение «религиозной квалификации», т. е. удостоверение того, что кандидат обладает некими *качествами*;
2) *внутренне* для вступившего в секту это «удостоверение в собственном избранничестве» (удостоверение в спасении)[2].

Проходя через троякий механизм отбора, протестантский сектант становится носителем *этоса протестантизма*: «...не этическое учение религии, а то этическое отношение к жизни, которое поощряется в зависимости от характера и обусловленности средств к спасению, предлагаемых данной религией, является „ее“ специфическим „этосом“ в социологическом значении этого слова» [Вебер, 2016b, с. 199].

[2] «...рассмотренная нами выше взаимосвязь между идеей предопределения и испытания избранности, которая основана на стремлении обрести субъективную “certitude salutis” (уверенность в спасении), является не чем иным, как пиетистской разработкой первоначального учения Кальвина» [Вебер 2016a: 97].

Протестантские секты становятся, таким образом, центрами, создающими этос протестантизма. В отличие от церкви, они отбирают и воспитывают *качества*, а не наказывают за проступки. «Нет, вероятно, более действенного воспитательного средства, как это известно нам из опыта, чем подобная необходимость социального самоутверждения в кругу товарищей» [Вебер, 2016b, с. 199].

Исследовательские вопросы

Чтобы найти решение вопроса о «необъяснимом остатке мотивации» мы можем использовать нашу концептуализацию. Мы предлагаем искать истоки «необъяснимого остатка мотивации» в трёх элементах: «этосе», «избранничестве» и «тревоге о спасении. Ключевым концептом для всех трёх является «механизм отбора». Таким образом, мы формулируем три исследовательских вопроса:

A. Как связано усвоение этоса университета с прохождением механизма отбора
B. Как связано прохождение механизмов отбора с поиском знаков избранничества
C. Как воспринимается и описывается респондентами опыт переживания «академической тревоги о спасении»

Если нам удастся найти свидетельства присоединяющихся к «элементам отбора» функции удостоверения в избранничестве, тревоги о спасении и существования связанных с этим концептами разных этосов, то, мы получим свидетельства наличия в университетах тех мотиваций, которые не укладываются в модель «академического вознаграждения».

Методология

Данные были собраны с помощью качественных полуструктурированных интервью в две волны: в период с августа по сентябрь 2019 года и в период июнь-июль 2024 года. В исследовании приняли участие 27 информантов из двух университетов: 16 из одного университета, 12 из другого, (один из участников работал и учился в обоих университетах).

Мы не раскрываем реальных названий отобранных вузов, далее они представлены под псевдонимами: Москбридж (МБ) и Гумбольдтшулле (ГШ). Рассматриваемые вузы изначально специализировались преимущественно на социально-гуманитарных направлениях подготовки и исследований, но в настоящее время в Гумбольдтшулле присутствует более широкий круг образовательных программ.

Интервью проводилось среди представителей разных направлений подготовки. Для интервью с представителями Гумбольдтшулле отобраны сотрудники направлений: антропология, государственное и муниципальное управление, история, международные отношения, политология, психология, социология, филология, философия, экономика. Сотрудники и выпускники Москбриджа привлекались для интервью с направлений: социология, политология, история, менеджмент, искусство и гуманитарные науки.

Москбридж представляет собой сравнительно небольшое по количеству обучающихся учебное заведение с большим упором на подготовку на уровне магистратуры, которая позиционируется как отбор в «настоящие учёные». Поэтому было принято решение к интервью привлекать не только сотрудников, но и выпускников, рассматривающих для себя научную и педагогическую карьеру.

Информанты рекрутировались методом «снежного кома» — сначала опрашивались знакомые, затем их просили дать контакты их знакомых.

Интервью записывались и транскрибировались. Анализ проводился с помощью программы nVivo 12. Сначала создавались коды, соответствующие элементам концептуализации, затем с помощью этих кодов кодировались ответы респондентов. Создавались отдельные коды под темы, которые не вписывались в элементы концептуализации. Затем эти дополнительные коды группировались по тематическим блокам. В целом, процедура кодирования следовала логике «теории концептуализации» и метода качественного анализа данных [Батыгин, 1995; Blaikie, 2000].

Результаты

В этом разделе мы фокусируемся на результатах, относящихся к трём ключевым концептам: этос, избранничество и академическая тревога о спасении. В полевом исследовании мы обнаружили работу трёх этих концептов и смогли зафиксировать их актуальность и функции в рамках академического сообщества как секты. Мы приводим краткие иллюстративные цитаты для описания этих концептов и показываем их связь с проблемой «необъяснимого остатка мотивации».

Этос

«Железные люди» Гумбольдтшулле

Понять этос конкретного университета или сообщества бывает непросто. Мы используем тот же приём, который использовал Вебер,

цитируя письмо Франклина и различая в нём черты «духа капитализма». Например, возьмём текст из официальной стенгазеты ГШ. В этом тексте один из руководителей университета описывает качества успешного академика через метафору «железных людей», которые подобно участникам триатлона преодолевают значительные трудности и демонстрируют исключительную выносливость и многозадачность: «*Поспорили однажды пловец, велосипедист и бегун — кто сильнее и выносливее. Так родился триатлон. Те, кто успешно преодолевает длинную дистанцию — 4 км плыть, 180 километров ехать и 42 км бежать — да, без перерыва на еду (питание по ходу дистанции) и тем более отдых и сон, — становятся железными людьми… А ведь мы успеваем и много чего ещё — хотя, казалось бы, куда больше? … И да, всё это на фоне «плыть, бежать, крутить» И значит, мы все — железные люди*».

Кейс ГШ и этос «железных людей» в некотором смысле особенно интересен в рамках нашего исследования, потому что в этом этосе моральным императивом становится положительное отношение к переработкам, многозадачности и предельной трудоспособности (если не сказать, трудоголизму). Именно в этом контексте критика теории «академического вознаграждения» представляется продуктивной, т. к. здесь мы должны встретить искажения инструментальной рациональности под влиянием «тревоги о спасении», проявляющиеся ярче, чем где бы то ни было.

«*Герои текста*» *Москбриджа*

Что касается этоса Москбриджа, мы можем обратиться к рекламным материалам университета. В одном из промо-роликов университет описывается как место, где «*…трудно учиться. Люди, которые проходят первый курс, считают себя настоящими героями, за этот год они прочитали столько научной литературы, сколько, возможно, не читали в течение всей своей предыдущей жизни*».

Один из преподавателей Москбриджа называет особую практику работы с текстом «обрядом инициации».

Самопрезентация этоса

Собранные нами данные показывают, что этос не только транслируется публичной самопрезентацией университетов. Он также и воспроизводится на личном уровне рядовыми сотрудниками и студентами:

> «*ГШ — это место, в котором только если херачишь, тебя ждёт какой-то рабочий успех… Мне кажется, что в ГШ ждёт успех тех,*

кто многостаночник. То есть надо и хорошо исследовать и хорошо преподавать и ещё, конечно, уметь хотя бы как-то ориентироваться в административных делах» (Гумбольдтшулле).

Усвоение этоса

Наши данные показывают, как вышеописанные этосы усваиваются внутри ГШ и МБ. В первую очередь посредством практики отбора — специфическим внутренним практикам инициации. Говоря о своих коллегах, перешедших в университет из другого регионального вуза, информант отметил, что, попадая в ГШ, они меняются:

> *«Академические культуры очень отличаются. Интересно наблюдать, как в [региональном кампусе] ГШ много людей работает, кто перешли из [другого местного университета]. Эти люди были совершенно другие из той культуры. Они начали работать здесь. Они попадают в новую среду, и они начинают работать по-другому»* (16-2019-Гумбольдтшулле).

Особой удачей с точки зрения доступных данных является то, что в 2016 году автором было выполнено пилотное исследование по сравнению корпоративных культур Гумбольдтшулле и [другого ведущего университета]. Один из этих сотрудников в промежутке между этими «замерами» успел пройти через ряд отборочных карьерных мероприятий, в рамках которых нужно было «работать за идею», без явных академических или финансовых выгод делать образовательные проекты для нужд университета. Респондент успешно завершил эти ступени карьерного отбора.

Интервью с этим сотрудником было проведено независимо от его старых ответов. При этом в некоторых моментах респондент значительно изменил своё отношение. Дадим для сравнений две цитаты, иллюстрирующие «впитывание этоса», если в 2016 году респондент был настроен крайне критично к ГШ, то в 2019 году после прохождения всех карьерных этапов отбора, он говорил уже как полноценный носитель этоса, «избранный»:

> *«Надоела бюрократия, надоело, что ГШ притворяется, что они такие демократичные и прогрессивные, на самом деле всё та же бюрократия. Все те же проблемы, что и в [другом университете], а на самом деле и хуже. Потому что они усугубляются типичным фирмачевским подходом и принципом организации работы по типу соковыжималки»* (2016-Гумбольдтшулле).

(Интервьюер: «Другие информанты до тебя говорили, что в ГШ плохо с бюрократией») «Это они ещё бюрократии не видели! Вот в [другом университете] — там бюрократия. Справку 2-НДФЛ в ГШ получить очень просто — оставил заявку на сайте, пришёл получил. В [другом университете] надо записаться ровно в 3 часа, потом пойти в один кабинет, в другой в третий. В ГШ гораздо лучше с бюрократией, чем в [другом университете]. ГШ идёт по пути убавления бюрократии» (2019-Гумбольдтшулле).

Аналогично, в Москбридже, студенты в самом начале сталкивались с необходимостью писать исследовательские эссе в условиях жестких дедлайнов и огромного объёма чтения. Те, кто продолжал не вписываться в общие для всех правила, а пытаться упрашивать преподавателей продлить сроки сдачи работ или поменять жёсткие правила, до конца учёбы не доходили. Доходили до выпуска те, кто принимал и интернализировал правила «любви к дедлайнам и эссе», то есть усваивал местный этос «героя текста»:

«...это было парадоксально для меня открытием, я всегда вела там философию, историю культуры, мы всегда работали с текстами. Но здесь я поняла, что главное в студенческой аудитории — это текст. И вокруг текста начинают возникать разные связи преподавателей и студентов, студенты с текстом, преподаватели с текстами. И вот этот опыт, эти практики, эти технологии, в общем, открыли, как там Бахтин писал, да, для меня мир культуры впервые, да, культуры впервые. Вот. И что? И я была вдохновлена этим опытом не только технологическим условно, но и самой моделью образовательной...» (2024-Москбридж).

«Я научилась реально сдавать в дедлайн только на втором году, спасибо магистратуре.... Поэтому, да, вот на второй год я научилась уже формулировать, структурировать, набирать источники вовремя и сдавать реально вот в дедлайн, проверив, ещё вычитав, и как бы хороший текст. Я помню один текст, я даже настолько успела заранее написать, что ещё вычитала, да вычитала так, что мне слов перестало хватать» (2024-Москбридж).

Невпитавшие этос

На уровне интервью мы показали, что этос и его усвоение — это не просто красивые слова и маркетинг, а реально переживаемая людьми внутренняя трансформация. Не все её принимают, для кого-то этос остается чуждым. Те, кто не проходят карьерные этапы отбора, не

становятся «избранными», а попадают в категорию «отверженные» в терминах Вебера.

Интересно отметить пример невпитавших этос. В первую очередь это были люди, которые изначально рассуждали в рациональной логике выгод и издержек, не брали дополнительную нагрузку, не проходили карьерные испытания, требующие «сектантского духа» и «необъяснимого остатка мотивации». В итоге они не впитывали этос и не достигали статуса «избранных» и «сходили с дистанции» вплоть до ухода из академической среды либо оставались на невысоких карьерных позициях.

Например, один из респондентов не разделяет ни желания работать за бесплатно, ни ценностей «железных людей»... (он не смог пройти карьерные этапы отбора ГШ, не прошёл оценку академической продуктивности и разочаровался в перспективе получать надбавки):

> «[*идеальный гумбольдтшуллец*] *это человек, который без вознаграждения будет так работать. Мне грустно от этого, мне не нравится, что так было*» (10 -2019-Гумбольдтшулле).

Другой респондент, также «сошедший с дистанции» в ГШ, охарактеризовал свою ситуацию так: «*я выпустился из этих этапов отбора с чёрной меткой*». Эта ремарка относилась к карьерным перспективам в ГШ.

Ещё один пример: респондент, который, по собственному мнению, вряд ли пройдёт этапы карьерного отбора, охарактеризовал своё отношение так:

> «*Я просто сходил в начале года на такое отвратительное мероприятие для новых сотрудников, где тоже выступал* [*один из руководителей*], *и там вещал о том, как он тут всех построит. И что мне это не понравилось. Мне не понравилась реакция окружающих, которые хлопали, хотя он рассказывал как раз про эту процедуру оценки публикаций, что всё будет очень жёстко, как нам каждому, конкретно всем, будет очень жёстко и т. д.*» (01-2019-Гумбольдтшулле).

Похожая механика описывалась Вебером в примере «немецкого родственника» [Вебер, 2016, с. 275]. Подобно тому как скептически настроенный родственник видит в крещении сектантов не реальную веру, а только способ открыть банк, также и сотрудник, не разделяющий «сектантский дух» ГШ, не испытывает пиетета к прохождению карьерных этапов отбора и видит в них способ принудить к бесплатной работе и переработкам.

Избранничество

В статье «Протестантские секты и дух капитализма» Вебер показывает, как принадлежность индивида к некоторым замкнутым группам становилась значимой для определения его социальных (в том числе экономических и профессиональных) характеристик. Причём задача выступать в качестве «нравственного аттестата личности» изначально приписываемая скорее религиозным сектам, со временем распространилась на разного рода клубы и ассоциации.

Вебер отмечает: «Типичный янки ещё в прошлом поколении проходил на своём жизненном пути целую серию подобных замкнутых обществ: от Boys club в школе через Athletic club, Greek letter society… Доступ к ним был равносилен рекомендации к социальному продвижению и в первую очередь давал внутреннюю уверенность в своём «избранничестве». [Вебер, 2016а, с. 279].

Таким образом Вебер показывает, как «избранничество» выражается в самом факте принадлежности к замкнутому союзу людей (по какой-то причине считающемуся значимым). Что заменяет в светской организации «высшую религиозную аттестацию» секты? И можно ли говорить о чём-то подобном в университете?

В части интервью сотрудников обоих вузов мы встречали образные описания, выражающие чувство принадлежности к чему-то возвышенному.

Информанты ГШ метафорически описывают это так:

> «*Как будто я в музее смотрю на что-то очень драгоценное такое, на корону золотую, она под стеклом, не могу до неё дотронуться. Поражает, что я нахожусь в том месте, где находится корона, я рядом с ней.* **То, что я рядом с ней нахожусь, я как бы допущен**. *Допущен, что может быть кто-то не допущен, я могу попасть на закрытую экскурсию, посмотреть*» (Гумбольдтшулле).

Похожее описание встречаем и среди студентов и сотрудников МБ:

> (*Интервьюер: «Относительно твоей активности по организации конференции, ты бы могла сказать, что ты работала за идею?»*) «*Конечно. Я же никакие деньги не получала. То есть абсолютно, да, это было желание как-то привлечь больше людей, собрать толпу какую-то,* **чтобы они тоже прикоснулись к этому алтарю**» (13-2019-Москбридж).

Этосы разные, но благоговение и поиск избранничества — это то, что объединяет участников исследования из обоих университетов.

Но чувство избранничества не является гарантированным, и его нельзя получить раз и навсегда. Поиск знаков избранничества — это

постоянная задача сектанта, движимого тревогой о спасении. Наша гипотеза относительно Гумбольдтшулле заключалась в том, что знаками избранничества становятся формализованные инструменты оценки результативности учёных — инструменты управления по результатам.

Приведём несколько цитат, иллюстрирующих рефлексию о «знаках избранничества». Говоря о своих переживаниях по поводу получения награды «Отличный педагог» и индивидуального исследовательского гранта, информант выразился так:

> «*Многие очень эмоционально этот момент переживают* (о неполучении премии „Отличный педагог“). *И у меня было, когда я первый раз получил лучшего препода, было такое:* **О, да, я не говно.** *Извините. Не могу по-другому сказать.* ***Всё-таки я не говно. Штампик получен, теперь и умереть не страшно****. То же самое было когда я получила грант исследовательского проекта.* ***То есть каждое получение какого-то такого грантика даёт тебе некоторую дозу эндорфинов и говорит, что да, ты достоин»*** (08–2019-Гумбольдтшулле).

Относительно Москбриджа наше изначальное предположение о том, что механизмы отбора работают уже на уровне обучения в магистратуре, задало направление поиску «знаков избранничества» в практиках обучения. Информант, заканчивающий первый год обучения и пишущий магистерскую диссертацию, выразился следующим образом:

> «*Я до сих пор чувствую, что я какой-то первак».*
>
> (*Интервьюер: «Как ты думаешь, когда твое мироощущение поменяется?»*) «*Когда я напишу диссер, напишу все эссе.* ***Тогда я почувствую, что я в стае»*** (13-2019- Москбридж).

Другой респондент из Гумбольдтшулле, который только недавно вошёл в группу карьерного отбора, и прошёл свою первую оценку публикаций, увязал прохождение этих этапов с удостоверением в том, что он настоящий научный сотрудник.

> «*Это как продолжение* ***моей фантомной карьеры учёного*** [*смеется*]. *Началось всё с того, что я вообще не понимал, что такое научный сотрудник. Потом я должен был пройти вот эту оценку... А если я уж остался, то, может, что-то надо и дальше придумать... То есть я попаду в группу карьерного отбора, то я ещё не просто научный сотрудник, я развиваюсь, то есть научный сотрудник, который продолжает,* ***не просто случайно туда попал,*** *он что-то ещё там, как-то* ***тыркается-тыркается****, как-то идёт дальше по этой, так сказать, карьерной лестнице научного сотрудника.* [*смеется*]. *Это как бы следующая ступень, вот она мне приоткрылась, я не знаю, какая ещё за*

ней будет, но вот следующая такая. ***Это как, я не знаю, морковка на веревочке»*** (01-2019-Гумбольдтшулле).

«Скорее моя миссия в том, чтобы продолжать вот эту школу правильного проектирования, да, которая зародилась на факультете вот этого правильного менеджмента, который не просто про там, выстраивание процесса поскорее про те эффекты, да, которых мы хотим добиться, если что-то создаём» (2024-Москбридж).

Тревога о спасении

Ключевым для нашего исследования является концепт «тревоги о спасении». Мы полагаем, что этот концепт, взятый из социологии религии Вебера, позволяет объяснить источник того «необъяснимого остатка мотивации», которую нельзя свести к «академическому вознаграждению». В ходе интервью была сделана попытка нащупать отсылки к переживаниям, которые можно было бы интерпретировать как работу «тревоги о спасении». В особенно удачных интервью уровень откровенности и рефлексии оказался достаточным, чтобы получить подтверждение наличия таких переживаний. Интересным является тот факт, что респонденты не связывали эту «тревогу о спасении» с тем, что они были готовы больше или усерднее работать. Для них это были как бы разные плоскости: одна — это неуверенность в своём статусе, другая — мотивации, связанные с готовностью много работать без вознаграждения. Во втором случае упоминались чувство долга, желание быть полезным, желание сделать свой вклад в жизнь университета.

Мы указываем, что эта тревога не направлена ни на деньги, ни на статус. Главная мотивация — это получение уверенности в избранничестве, в своём достоинстве как настоящего учёного и члена университетского коллектива.

Этот респондент упоминал, что для него процедура оценки связана с волнением и страхом. На вопрос о том, в чём причина такого волнения, он(а) ответил(а), что не может указать на причину страха, т. к. как кажется, взрослые люди не должны бояться подобных инструментов контроля.

«Да, странно, что ***все так боятся этой оценки.*** *Действительно, странно. Казалось бы, все взрослые люди. Какая оценка? Кого можно напугать какой-то оценкой? Просто чуть как-то напоминает какое-то школярство. Одна моя коллега, она работает уже не знаю, сколько лет, наверное, больше, чем мне. И она так боится. Так начинаешь чуть задумываться, почему люди так боятся оценки, это очень странная вещь»* (01-2019-Гумбольдтшулле).

«...Есть такое какое-то психологическое ощущение, что ***тебе как бы должны поставить какую-то такую печать „для работы в науке пригоден“,*** *но только мне её как-то до сих пор не ставят, я не знаю где её выдают, скажите, пожалуйста, если узнаете...»* (20–2019-Москбридж)

В терминах нашей концептуализации мы можем охарактеризовать этого респондента как типичного сектанта, который стремится вести благочестивую жизнь и искать знаки спасения, оставаясь всегда неуверенным в нём до конца.

Интересно, что дальше этот информант сам обращается к «Протестантской этике» Вебера, чтобы пояснить свои чувства, именно отсылкой к концепту «избранничества» (с этим респондентом мы концептуализацию не обсуждали и после интервью респондент сказал, что это его давняя ассоциация и о моей концептуализации он не слышал ранее).

«... это очень схоже с логикой протестантов, ***где ты работаешь и не знаешь, избран ли ты, но ты продолжаешь работать, и ты никогда этого не узнаешь, пока не сдохнешь,*** *и ты не должен об этом думать, а должен только работать. Поэтому про эту печать — это тоже такая же хрень, ты никогда о ней не можешь знать...»* (20-2019-Москбридж).

Далее респондент говорил о том, что ни на одно осязаемое событие он не может смотреть как на то самое подтверждение.

«...в этом есть ещё и дополнительная параноидальная петля в этом процессе попытки убедиться, что с тобой всё нормально, ты получаешь некоторый фидбек (или не получаешь) и после этого ты пытаешься понять, каким образом ты должен трактовать этот фидбек и этот результат работы как некоторое подтверждение, что ты идешь по правильному пути, и тут возникает много веток для интерпретации, которые не позволяют тебе это сделать однозначно, поэтому логичной тактикой для меня является то, чтобы не придавать этому слишком большого значения, т. к. можно застрять в попытках интерпретации этих успехов...» (20-2019-Москбридж).

При этом этот респондент 1) ездил на все выездные школы Москбриджа и ему нравится формат; 2) организовал секцию на студенческой конференции; 3) сдал вовремя все эссе и 4) вовремя написал диссертацию; 5) стремится написать статью в социологический журнал.

Отношение к процедуре оценки публикаций (институализированная тревога о спасении)

В нашей выборке у многих респондентов оценка академической продуктивности порождает страх, неуверенность, волнение.

Вопрос: «Какие переживания внутренние порождает эта процедура оценки публикаций?»

— «Конкретно у меня (не знаю, как у других) вызывает чувство, мягко говоря, волнения. Мне страшно, когда я думаю об этом применительно к себе» (01-2019-Гумбольдтшулле).

— «Волнение и страх» (10-2019-Гумбольдтшулле).

— «чувство дискомфорта... Это очень большой стресс я понимаю, что для всех» (09-2019-Гумбольдтшулле).

— «Надо цензурно говорить? Это просто кошмар. Это просто адище. Я не знаю, топор на шее» (08-2019-Гумбольдтшулле).

В Москбридже нет таких формализованных менеджерских процедур, «тревога о спасении» связывается с этапами профессионального роста:

«...первые полгода мне было страшно, мне было страшно даже в аудиторию входить, студенческую, потому что я всё время себя, ну, как бы соизмеряла, ну, вообще, ***а имею ли я право входить вот в эту студенческую аудиторию****, более того, студенческую аудиторию имени Канта или моего любимого Бурдье»* (2024-Москбридж).

«Скажем так, я думаю, что со стороны студентов как раз [признание] это чувствуется лучше. То, чего, наверное, людям не хватает, это признание со стороны, наверное, администрации. То есть особенно те, кто приходят из ГШ с их надбавкой за отличное преподавание, с их какой-то публичностью. <...> То, чего здесь не хватает. Это явно. Люди получают с одной стороны признание, но не получают с другой стороны. И очень ждут этого, по-видимому. Поэтому это какая-то односторонняя получилась история» (2024- Москбридж).

Объяснение «необъяснимого остатка мотивации»

Отдельной сквозной темой, которая появлялась во многих интервью была, если выразиться коротко, «работа за идею». Те информанты, которых мы бы классифицировали как успешно прошедших отбор и причисленных к касте «избранных», с воодушевлением говорили о готовности «работать за идею». Те, кого мы бы отнесли к «отвержен-

ным», напротив, как правило скептически воспринимали подобную возможность. В Гумбольдтшулле мы можем это проиллюстрировать на примере добровольных образовательных проектов, группы карьерного отбора, в Москбридже — на примере организации студенческой конференции.

«Ну да, это какие-то идейные люди [которые участвуют добровольных образовательных проектах], потому что на проведение этого семинара вот это как раз та вещь, которая — за идею. Ты на нём не заработаешь» (16-2019-Гумбольдтшулле).

«Конечно, я работаю за идею. Всё что я делаю в высшем образовании, я делаю за идею» (22-2019-Гумбольдтшулле).

(Интервьюер: «Тебе близко было бы такое выражение: я работаю за идею?») «...все воспринимают как ***само собой разумеющееся****, если им говорят: вот у нас конференция, вот давайте кто-то будет организовывать кофе-брейк в этот день, в тот день.* ***Т.е. есть некоторая даже физическая работа, которая не имеет отношения к науке, которая поддерживает эти мероприятия, и её выполнение ложится на плечи студентов, преподавательского состава или аспирантов»*** (20-2019-Москбридж).

Чтобы объяснить подобное в логике «академического вознаграждения» мы должны предположить, что в университете люди готовы ради «академического вознаграждения» даже «уходить в минус» в прямом денежном смысле. Осмысленно расширить модель рационального выбора до покрытия таких эксцессов нельзя, и нам представляется более экономным предположить наличие ценностной мотивации. Впитывание и воспитание этоса создаёт в человеке тревогу о спасении, которая становится той мотивацией действовать не целерационально. Например, проходить дополнительные испытания и брать нагрузку не ради финансового или академического вознаграждения, а ради эфемерного ощущения принадлежности к «секте избранных» и утоления тревоги о спасении через знаки избранничества.

Наши данные наглядно показали ситуации, в которых информанты готовы выполнять работу «за идею», т.е. «вкалывать бесплатно» (08-2019-Гумбольдтшулле), из-за мотивирующей их «тревоги о спасении». Члены университетского коллектива связывают с менеджерскими по своей сути мероприятиями возможность получения «знака избранничества», рассматривая их как «благочестивое поведение», некий долг. Тот, кто слышит в себе это веление долга, и есть тот, кто успешно пройдёт механизмы отбора и будет благочестивым поведением подтверждать своё избранничество.

*«Ну да. Это научная этика и советский дух, а хрен его знает, короче...**этот нарратив очень близок в тех научных сообществах, которые я видела.** Он время от времени немножко отличается, но основной леймотив „Ну, конечно, в науке вы денег не заработаете. Поэтому если вы пошли в науку, то, вероятно, вы тут что-то другое делаете. Вы же не тупой, чтобы всем этим заниматься, если вам это неинтересно?“».*

Заключение

Итак, в заключении, суть нашего аргумента можно изложить следующим образом. Мы полагаем, что объяснение систематических переработок и фрустрации учёных должно быть дополнено и расширено за счёт включения в рассмотрение таких предельных мотиваций, как поиск подтверждения в своём избранничестве («пригодности к науке»). Мы предлагаем воспользоваться теоретическими ресурсами социологии религии Макса Вебера, указав на их применимость для объяснения мотивов учёных в университетах. Ключевыми понятиями для нас здесь выступают понятия «этоса», «избранничества» и «тревоги о спасении».

Мы показали, что попытка вписать стремление к подтверждению своей избранности в модель рациональной калькуляции выгод и издержек не даёт удовлетворительного результата. Эта предельная мотивация избегает включения в калькуляцию, т. к. должна иметь предельную значимость. «Тревога о спасении» — это не просто одна тревога в ряду множества тревог, но это та тревога, вокруг которой строится самоощущение «избранного» или «настоящего учёного». Мы продемонстрировали релевантность «тревоги о спасении» для университетской действительности, тем самым обозначив весомый аргумент для критики концепции «академического вознаграждения»

В ходе нашего исследования мы выявили типичные случаи, описываемые респондентами как «готовность вкалывать за бесплатно, из чувства долга», которые не укладываются в рамки влиятельной теории «академического вознаграждения». Мы предложили проблематизировать эту теорию, обратившись к веберовскому концепту «тревоги о спасении» и поиска удостоверения в своём «избранничестве».

Мы описали университеты как религиозные общины (секты). Эта концептуализация позволяет нам описать то, как университеты культивируют свойственный им «этос». Мы обратились к концептуализации секты как института отбора и воспитания определённых качеств.

На основе этой подготовительной работы становится возможным описать вторжение в университетскую среду элементов менед-

жеристской культуры. Подтверждение избранничества переходит на формализованные инструменты оценки результативности учёных. В свою очередь, дополнительное «обременение» этих технократических инструментов «сверх-мотивацией» поиска избранничества делает их управленческое воздействие особенным, характерным именно для таких особых организаций, как университеты. Отзываясь на вынесенную в эпиграф настоящей работы цитату, мы можем заметить, что университеты — это не «обычные организации».

Выращенные в логике стимулов и рационального выбора, эти инструменты переносятся в среду, наполненную иными смыслами, зачастую гораздо менее инструментально-рациональными, связанными с такими понятиями, как «избранничество», «тревога о спасении». Такое описание позволяет лучше понять, почему в академической среде столь распространены фрустрация и неудовлетворённость механизмами оценки результативности учёных.

Полученные нами на примере двух университетов результаты иллюстрируют объяснительный потенциал нашей концептуализации, однако мы не претендуем на её универсальность для всех типов университетов.

Литература

1. *Абрамов, Р. Н., Груздев, И. А., Терентьев, Е. А.* Баланс работы и личной жизни и источники стресса научно-педагогических работников российских исследовательских университетов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3.
2. *Батыгин, Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований // 1995.
3. *Богданова, М. В.* Этос университета: социологическая операционализация потенциала «неписаных правил» // Социологический журнал. 2017. № 2. С. 153–170.
4. *Вебер, М.* Протестантские секты и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016a.
5. *Вебер, М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016b.
6. *Вебер, М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии в 4 томах. Том 1. Социология. Москва: Высшая школа экономики, 2016c.
7. *Емельянов, Н. Н., Павлюткин, И. В.* Университет и дар: постановка проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 56 (6).
8. *Забаев, И. В.* Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 1.
9. *Кузьминов, Я. И.* Образование в России. Что мы можем сделать? // Вопросы образования. 2004. № 1. С. 5–30.

10. *Куракин, Д., Филиппов, А.* Возможность корпорации: к социологическому описанию университета // Неприкосновенный запас. 2006. № 4–5. С. 48–49.
11. *Павлюткин, И. В.* Конструирование университета как организации // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1.
12. *Филиппов, А.* Элементарная социология. Москва: Рипол-Классик, 2019.
13. Academics anonymous. Only the rich can afford to work at Oxford and Cambridge // The Guardian. 20 Nov. 2015.
14. *Archer, L.* Younger academics' constructions of «authenticity», «success» and professional identity // Stud. High. Educ. 2008. Vol.. 33. No. 4. P. 385–403.
15. *Becher, T., Trowler, P.* Academic tribes and territories. Buckingham: Open University Press, 2001.
16. *Blaikie, N. W. H.* Designing social research : the logic of anticipation. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2000.
17. *Eriksson, T., Kristensen, N.* Wages or Fringes? Some Evidence on Trade-Offs and Sorting // Journal of Labor Economics. 2014. Vol. 32. No. 4. P. 899–928.
18. *Follert, F., Daumann, F.* Faith struggles in science: Academic schools as religious sects // Rationality and Society. 2021. Vol. 33. No. 4. P. 424–447.
19. *Guo, P.* Why academics feel overworked // Inside Higher Ed. 2014.
20. *Harley, S.* The impact of research selectivity on academic work and identity in UK universities // Studies in Higher Education. 2002. Vol. 27. No. 2. P. 187–205.
21. *Hussain, I. et al.* Pay Suppression in Social Impact Contexts: How Framing Work Around the Greater Good Inhibits Job Candidate Compensation Demands // Organization Science. 2024. Vol. 35. No. 2. P. 525–549.
22. *Jacobs, J. A., Winslow, S. E.* Overworked faculty: Job stresses and family demands // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2004. Vol. 596. P. 104–129.
23. *Krause, G.* We must confront the culture of overwork to tackle academia's mental health crisis // Times Higher Education. 2018.
24. *Łaszczyk, J., Kulesza, E. M.* University ethos versus the idea of sustainable development // Szkoła Specjalna. 2020. Vol. 81. P. 5–10.
25. *Muurlink, O., Poyatos Matas, C.* A higher degree of stress: academic wellbeing // in higher education. 2011. P. 60.
26. *Niebuhr, H. R.* The Social Sources of Denominationalism. // Theology and sociology: A reader / R. Gill [Ed]. London: Cassell, 1996.
27. *Schein, E. H.* Organizational culture. // American Psychologist. 1990. Vol. 45. No. 2. P. 109–119.
28. *Shaw, C.* Overworked and isolated–work pressure fuels mental illness in academia // The Guardian. 8 May, 2014.
29. *Steenkamp, R. J.* The exploration of university ethos-neoliberalism versus entrepreneurial wisdom // Problems and Perspectives in Management. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 147–156.
30. *Troeltsch, E.* The social teaching of the Christian churches // Theology and sociology: A reader / R. Gill [Ed]. London: Cassell, 1996.
31. *Wilson, B. R.* Sects and society.: Univ of California Press, 1961.

Alexander Kalgin, Nikolai Gnisiuk, Anastasiia Astakhova

Between a sect and a corporation: how university ethos is formed

Alexander Kalgin — MA Sociology, PhD, Visiting researcher, Center for Reconciliation Studies, Institute of Sociology, University of Bonn. **E-mail:** akalginall@gmail.com.

Nikolai Gnisiuk — MA Sociology. **E-mail:** brebabai13@gmail.com.

Anastasiia Astakhova — MA Sociology, Cand. Sc. Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences RANEPA. **E-mail:** astakhova-as@ranepa.ru.

Abstract: The regulation of modern universities today is increasingly organized in the logic of the corporate metaphor. The abundance of managerial practices such as the introduction of various performance indicators — comes from the commonly used theoretical language describing academia as a corporate structure. At the center of this structure is assumed to be a rational individual who makes decisions as a result of cost-benefit calculations. However, we capture the paradox of an abundance of academics who act in ways that seem economically and socially disadvantageous: welcome excessive workloads, and experience increased stress from managerial practices. We call this paradox the "unexplained residual of motivation."

In the economic-corporate approach there is a polemic around this problem. For example, an economic solution has been proposed by addition of non-material "academic reward" to the utility calculation of academics. Within the framework of this article, we show the failure of this solution and propose another one. Its essence lies in an alternative metaphor of the university as a sect in the Weberian sense. The article analyzes empirical cases of two Moscow universities and demonstrates that behind seemingly economically rational relations there is a value rational system of sectarian character, which endows managerial practices with additional meanings and functionality.

Through qualitative research based on 25 interviews we illustrate how the concepts of "ethos", "salvation anxiety" and "chosenness" allow us to explain the paradox of unexplained residual motivation. We show how the mask of the economically rational corporation hides the workings of university ethos, sectarian selection procedures, and the search for signs of salvation.

Keywords: academia, universities, motivation, Weber, salvation anxiety, sociology of organizations

For citation: Kalgin, A., Gnisiuk, N., Astakhova, A. (2026) Between a sect and a corporation: how university ethos is formed. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 113–140.

References

1. Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., & Terent'ev, E. A. (2019). Balans raboty i lichnoj zhizni i istochniki stressa nauchno-pedagogicheskih rabotnikov rossijskih issledovatel'skih universitetov [Work-life balance and sources of stress for the academic staff in Russian research universities]. *Monitoring Obshhestvennogo Mnenija: Jekonomicheskie i Social'nye Peremeny.* No. 3. (In Russ.)
2. Anonymous Academic. (2015). Only the rich can afford to work at Oxford and Cambridge. *The Guardian*. 20 Nov.
3. Archer, L. (2008). Younger academics' constructions of "authenticity", "success" and professional identity. *Studies in Higher Education*, *33*(4). P. 385–403. DOI: 10.1080/03075070802211729.
4. Batygin, G. S. (1995). *Lekcii po metodologii sociologicheskih issledovanij [Lectures on the methodology of sociological research].* (In Russ.)
5. Becher, T., & Trowler, P. (2001). *Academic tribes and territories*. Open University Press.
6. Blaikie, N. W. H. (2000). *Designing social research: The logic of anticipation*. Polity Press.
7. Bogdanova, M. V. (2017). Jetos universiteta: Sociologicheskaja operacionalizacija potenciala «nepisanyh pravil» [University Ethos: Sociological Operationalisation of the Potential of "Unwritten Rules]. *Sociologicheskij Zhurnal*. No. 2. P. 153–170. (In Russ.)
8. Emel'janov, N. N., & Pavljutkin, I. V. (2014). Universitet i dar: Postanovka problemy. [The university and the gift: Posing the problem.] *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*. No. 56 (6). (In Russ.)
9. Eriksson, T., & Kristensen, N. (2014). Wages or Fringes? Some Evidence on Trade-Offs and Sorting. *Journal of Labor Economics*. No. 32(4). P. 899–928. DOI: 10.1086/676662
10. Filippov, A. (2019). *Jelementarnaja sociologija [Elementary sociology]*. Ripol-Klassik. (In Russ.)
11. Follert, F., & Daumann, F. (2021). Faith struggles in science: Academic schools as religious sects. *Rationality and Society*. No. 33(4). P. 424–447. DOI: 10.1177/10434631211008635
12. Guo, P. (2014). Why academics feel overworked. In: *Inside Higher Ed*.
13. Harley, S. (2002). The impact of research selectivity on academic work and identity in UK universities. *Studies in Higher Education*. No. 27(2). P. 187–205.
14. Hussain, I., Pitesa, M., Thau, S., & Schaerer, M. (2024). Pay Suppression in Social Impact Contexts: How Framing Work Around the Greater Good Inhibits Job Candidate Compensation Demands. *Organization Science*. No. 35(2). P. 525–549. DOI: 10.1287/orsc.2023.1675
15. Jacobs, J. A., & Winslow, S. E. (2004). Overworked faculty: Job stresses and family demands. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 596. P. 104–129. DOI: 10.1177/0002716204268185
16. Krause, G. (2018). We must confront the culture of overwork to tackle academia's mental health crisis. In: *Times Higher Education*.
17. Kurakin, D., & Filippov, A. (2006). Vozmozhnost' korporacii: K sociologicheskomu opisaniju universiteta [The possibility of the corporation: Towards a sociological description of the university.]. *Neprikosnovennyj Zapas*. No. 4–5. P. 48–49. (In Russ.)
18. Kuz'minov, Ja. I. (2004). Obrazovanie v Rossii. Chto my mozhem sdelat'? [Education in Russia. What can we do?]. *Voprosy Obrazovanija*. No. 1. P. 5–30. (In Russ.)
19. Łaszczyk, J., & Kulesza, E. M. (2020). University ethos versus the idea of sustainable development. *Szkoła Specjalna*. No. 81. P. 5–10.
20. Muurlink, O., & Poyatos Matas, C. (2011). A higher degree of stress: Academic wellbeing. *In Higher Education*. No. 60.

21. Niebuhr, H. R. (1996). The Social Sources of Denominationalism. In R. Gill (Ed.), *Theology and sociology: A reader*. Cassell.
22. Pavljutkin, I. V. (2011). Konstruirovanie universiteta kak organizacii [Constructing the university as an organisation]. *Jekonomicheskaja Sociologija*. No. 12(1). (In Russ.)
23. Schein, E. H. (1990). Organizational culture. *American Psychologist*. No. 45(2). P. 109–119. DOI: 10.1037/0003-066X.45.2.109
24. Shaw, C. (2014). Overworked and isolated-work pressure fuels mental illness in academia. *The Guardian*. No. 8, 8 May.
25. Steenkamp, R. J. (2017). The exploration of university ethos-neoliberalism versus entrepreneurial wisdom. *Problems and Perspectives in Management*. No. 15(3). P. 147–156.
26. Troeltsch, E. (1996). The social teaching of the Christian churches. In R. Gill (Ed.), *Theology and sociology: A reader*. Cassell.
27. Weber, M. (2016a). *Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Selected: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]*. Centr gumanitarnyh iniciativ. (In Russ.)
28. Weber, M. (2016b). *Protestantskie sekty i duh kapitalizma. In Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant sects and the spirit of capitalism. In Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]*. Centr gumanitarnyh iniciativ. (In Russ.)
29. Weber, M. (2016c). *Hozjajstvo i obshhestvo. Ocherki ponimajushhej sociologii v 4 tomah. Tom 1. Sociologija. [Economy and Society. Essays on Understanding Sociology in 4 volumes. Volume 1. Sociology]*. Vysshaja shkola jekonomiki. (In Russ.)
30. Wilson, B. R. (1961). *Sects and society*. Univ of California Press.
31. Zabaev, I. V. (2019). Nicsheanskij vzgljad na stodollarovuju kupjuru: Chtenie veberovskoj «Protestantskoj jetiki» v svjazi s zamechanijami sovremennogo jekonomista. [A Nietzschean view of the hundred dollar note: A reading of Weber's Protestant Ethics in relation to the observations of a modern economist]. *Jekonomicheskaja Sociologija*. No. 20(1). (In Russ.)

А. Г. Ганжа, М. Д. Жиганов

Университетский глоссарий локальной универсальности: сталактиты, сталагмиты, сталагнаты производства социального знания

Анна Геннадиевна Ганжа — кандидат философских наук, доцент. Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** ann.ganzha@gmail.com.

Максим Дмитриевич Жиганов — аспирант. Аспирантская школа по культурологии, Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** zhiganov.maksim.977@gmail.com.

Аннотация: Статья построена в виде небольшого глоссария из очерков-наблюдений за российской университетско-академической жизнью, обобщающего опыт нескольких последних лет её участников, рассматривающего эту жизнь со стороны динамики социального знания, его содержания, формы, организации, устройства, а также поддержания его стабильности и преемственности. Акцент делается на двойных режимах производства социального знания в условиях эпистемического неравенства и недекларируемого снижения уровня прозрачности в управлении наукой и образованием. Удвоение режимов производства социального знания имеет свою предысторию, важным этапом которой стали революции чатов, пространств и платформ, и свои последствия. В режиме феноменолого-социологического описания в статье эти следствия-следы последовательно перебираются, и в фокусе оказываются такие констелляции, как «выкликание воображаемого», «экспертность без запроса», афазия, ставка на штудии, «трофейное пиратство» и фетишизм исследовательской установки.

Ключевые слова: социальное знание, университет, штудия, афазия, идеологии, инфраструктуры, подозрение, публичность, фетишизм, туземная наука, исследовательский энтузиазм

Для цитирования: *Ганжа, А. Г., Жиганов, М. Д.* Университетский глоссарий локальной универсальности: сталактиты, сталагмиты, сталагнаты производства социального знания // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 141–166.

Двойные режимы движения к академическому знанию в условиях эпистемического неравенства и его технократической воспроизводимости

В своём эссе мы хотели бы указать на разные стороны проявляющих себя в последние годы процессов ощущаемого, но не декларируемого уменьшения прозрачности в академии — в кадровых назначениях, принятии решений, распределении средств и финансировании, формировании программ и выстраивании коммуникации. Мы не даём оценку этим процессам и не углубляемся в политические и прагматические основания подобных решений. Являются ли они ценой или мерой, причиной или следствием, спланированной стратегией или незапланированным эффектом, нас, в данном случае, не интересует[1]. Мы не будем исходить из всей картины целиком и заявлять панорамно-аналитическую рамку свидетельствующим о себе переменам или их отсутствию. Под «прозрачностью» мы подразумеваем не абстрактную доступность всем участникам образовательного процесса мотивов, критериев и соображений относительно стратегических планов и тактических решений, а возможность апелляции к рациональным объяснениям, включающим их свободную артикуляцию, — независимо от способа участия и степени вклада в общее дело. Разумеется, в сфере социально-гуманитарного образования с самого начала действовала единая для науки гибридная система, сочетавшая коллегиальную закрытость и эпистемическую открытость, позволяющая одновременно и отсекать агентов, не понимающих всей тонкости производства знания, и удерживать разнообразные формы исследования открытыми каждому участнику производства научного знания. Снижение прозрачности являет себя в трех переключениях: необходимая конфиденциальность прирастает ещё и тайной, «слепые» и объективистские подходы получают нагрузку в виде учёта неразглашаемых нюансов, а частичное делегирование ответственности или отсутствие передачи полномочий на такое делегирование ведёт к опустошению места, из которого может вестись формирование цепочек фактов и решений. Провалы понимания чаще всего оцениваются

[1] Здесь можно было бы подумать, что в подобном заявлении содержится перформативный элемент: заявляя, что мы не интересуемся причинами возросшей секретности и снизившейся прозрачности, мы как будто декларируем, что не будем углубляться в основания подобного рода динамики публично-информационного режима. Спешим заверить, что так и есть: нас *не интересуют* причины увеличения непрозрачности и секретности, но поскольку у этой незаинтересованности есть конкретные причины, мы также подчеркиваем и декларируем сознательное отступление от установки на любое — главным образом эксплицитно проговариваемое — их обозначение.

как бюрократическое коллапсирование, и отчасти им являются: из управляемых процессов исчезает субъект, который теперь выныривает только в нужный для формирования внешней картины момент. На наш взгляд, кризисность такой ситуации имеет универсальный, а не только внутрироссийский характер, и вписывается в систему противоречий неолиберальных установок с универсальными ценностями свободы и публичности[2]. Тем не менее, форсированные события последних лет в своего рода естественно-экспериментальной форме демонстрируют нам, как устроен гетерогенный конструктор социального знания, сочетающего патернализм и конкуренцию, крены влево и вправо, кадровые меритократизм и инклюзивность, ставку на традицию и курс на обновление.

Для компактности и ясности мы пойдем по пути создания небольшого глоссария поверхностных наблюдений за плохо стыкующимися между собой фактами, требованиями и остаточностью работы прежних механизмов на фоне внедрения новых. За последовательностью стихийно сложившихся, но установленных в качестве базовых понятий этого словаря антиномий просматривается логика — это логика нарастающих слоев. Вдохновляясь старой антрополого-социологической дискуссией о провинциальной и туземной науке [Соколов, Титаев, с. 239–275], мы поупражняемся в собственных квалификациях эффектов локальности и глокальности в современных образовательных институциях. Наш собственный опыт не слишком обширен: будучи наблюдателями и апроприаторами чужого опыта, мы также внутри своих научных областей несём следы и травмы и провинциальной, и туземной науки. Мы отталкивается от первого, по-картезиански очевидного для нас наблюдения, суммирующегося в тезисе о том, что в процессе «сталактизации» и «сталагмизации» спускаемое сверху в виде стандартов, отчётов, требований, запросов кристаллизуется точно таким же образом, как прорастает наверх в виде инициатив, сообществ, клубов, интересных решений и образовательных дизайнов.

С риском некоторого преувеличения можно сказать, что происходит непрерывное наслаивание несовместимых инфраструктур и гетерогенных идеологий. Решимость тихого отказа наталкивается на молчаливую твёрдость сопротивления теперь уже не снизу, а сверху, а невозможность совместить его тактическую реализацию с текущими и прежними планами и задачами просто прибавляется к сложившемуся. Было бы беспочвенным считать это сопротивление чем-то большим, чем процессом инерционного удержания своего места в поле, но не менее опрометчивым было бы говорить об этом сопротивлении как индуцированном одной лишь негибкостью, страхом, непризнанием легитимности вышестоящих структур, уполномоченных лиц

[2] См., например, [Gataulina, 2025].

или теоретико-методологической фрондой. Мы позволим себе метафорически именовать эти слипания сталагнатами, а сам процесс уплотнения агентами разной направленности поля — сталагнатизацией[3]. Используя минералогическую, а не этнографическую, терминологию, мы сделаем акцент не на циркуляции производящегося и эксплуатируемого знания, а на аспектах, связанных с его упаковкой/распаковкой, пытаясь ответить на единственный вопрос: а являлась ли на самом деле публичность/открытость/прозрачность важным элементом научной жизни академии или была лишь полезным украшением и довеском, который при исчерпании своих возможностей легко и безболезненно устраняется?

Не будет лишним подчеркнуть, что мы не считаем открытость и прозрачность академии абсолютной ценностью, и не держимся того наивного взгляда, что возможно безусловное и не чреватое никакими издержками поддержание открытых режимов информирования, конкуренции и командной организации исследований. Для нас важно, что те структуры и режимы, в рамках которых формировались гласные и негласные правила внутри академии, так или иначе делали установки на рациональность, понятность и честную коммуникацию горизонтального и вертикального типа. Незаметное и несогласованное устранение противоядий — от различных форм секьюритизации до вторжения антидемократических процедур — меняет ландшафт производства и получения знания, и у этих процессов есть не только экзистенциально-этическая сторона[4].

Наш метод

В процессе сбора неструктурируемых индивидуальных интервью мы задавали своим академическим респондентам в течении пяти лет одну и ту же серию вопросов: мы просили их кратко сформулировать собственную версию доступных их жизненному миру событий, решений и деклараций. Все события, решения и декларации должны

[3] Мы сознательно заимствуем минералогический термин, осознавая тривиальность и вторичность этого хода, уже опробованного внутри бергсонистской и постструктуралистской философии. В своё оправдание мы можем сказать, что специфики образовательных политик в России подталкивают к поиску особого языка, который бы мог описывать происходящие процессы в вещественно-темпоральных терминах.

[4] В статье Алексея Бойко [2019] акцентируется различение дюркгеймианской установки на тайну как молчаливую презумпцию любой коммуникации, т. е. попросту на конфиденциальность, и зиммелевской, усматривающей двойной характер любой социальной тайны, коренящийся в самой социальной структуре.

были иметь эпистемические последствия, т. е. приводить к необходимости указания простых и сложных каузальных связей, и давать возможность согласовывать эти версии с известными респондентам кодексами и сводами правил и идеологических задач. Все интервью были анонимизированы во избежание неприятных последствий для респондентов. Вот примерный список вопросов, которые задавались непрямо в процессе постепенного перевода из регистра обмена впечатлениями в регистр ответственного суждения:

Как Вы очерчиваете рамку событийности и ситуативности в вашей академической и образовательной жизни?[5] К чему отсылают эти события и ситуации? Просматривается ли с Вашей стороны за этими событиями и ситуациями какая-то системность? Как Вы объясняете противоречия доходящих до Вас решений? На что Вы могли бы повлиять, а на что — нет?[6]

Сталагнаты исследовательских канонов и фильтров. Очистка канона/Множащаяся доступность

Последние несколько лет в отечественном социально-гуманитарном образовательном поле одновременно и почти синхронно происходили две революции. Одна из них требовала редукции и серьёзной ревизии целых учебных программ социологической, культурсоциологической и социально-антропологической направленности и была «революцией сверху» или, по меньшей мере, попыткой такой революции[7]. Другая, будучи, скорее, «революцией платформ», позволяла

[5] В зависимости от фрейма вопрошания вопрос конкретизировался примерно следующим образом: в случае аффективной насыщенности — «А что происходит?», в случае встроенности вопроса в готовое повествование — «Что же в таком случае происходит?», в случае фиксации на частном характере академического опыта — «Что-то происходит?»

[6] Структура наших вопросов предполагала реализацию зиммелевской установки на двойной характер режимов «секретности» — условно формальный и содержательный. Такое разделение позволяло нам говорить не о секретах (мы исходим из того, что никаких секретов не существует, а если они и есть, они не являются фреймируемыми и опознаваемыми, поэтому в своём роде лишены собственной секретности), а о понятности и непонятности, но не в качестве когнитивистских концептов, а в качестве пары реализующих начал скрепляющей всех ауры [Simmel, 1906].

[7] Президентская академия разрабатывает новую модель преподавания философии [Online] <https://www.ranepa.ru/news/prezidentskaya-akademiya-razrabatyvaet-novuyu-model-prepodavaniya-filosofii/> [Дата обращения] 07.12.2025; «Формируем

культивировать облегчённые практики знакомства с новой актуальной исследовательской литературой, включающие в себя в том числе и форсированную трансферизацию книг на иностранных языках через системы автопереводов. «Революция сверху» качнувшегося маятника вечных реформ образования, исходящая из импульса исправления ошибок «избыточной либерализации» и подстёгиваемая политическими мотивами, поставила под подозрение программные начинания, связанные с интеграцией в европейскую образовательную систему. «Революция снизу» не обращала никакого внимания на политическое, но её проводниками были уже хорошо подготовленные — зрелые и начинающие — исследователи, знающие цену устойчивым интеллектуальным традициям.

Литература, публикацию которой можно своевременно отслеживать через сайты крупных издательств разных стран и разнообразных зарубежных журналов, а также обнаруживаемые «сами собой» в процессе интенсивного сбора сведений по интересующей теме её эвристически прогрессивные и не имевшие шансов быстро оказаться перед глазами своих русскоязычных читателей наименования, вылавливаются из устоявшегося перечня «теневых» онлайн-хранилищ. Доступ к ним не гарантирует и иногда снижает шансы закрепления прочных систематических знаний, но обеспечивает преимущество в понимании состояния актуальных дискуссий и сохранении иллюзии научного диалога. Такие ресурсы, как LibGen, Anna's Archive, Sci-Hub и Z-Library (список может быть продолжен в зависимости от степени цифровой осведомленности и любопытства пользователя) после прекращения сотрудничества университетов со многими иностранными электронными библиотечными ресурсами стали одними из главных поставщиков свежих книг и статей, обращение к которым, впрочем, дополнительно осложняется их недоступностью без специальных приложений — все они были заблокированы в течение пяти последних лет.

Незнание языка и заложенных внутри национальных традиций понятийных лабиринтов и едва уловимых различий компенсируется расширением сети теоретических взаимосвязей, открытием собственных генеалогий и большим охватом тематического спектра — тех частей корпуса знания, некоторые из которых проделали стремительный путь от вытеснения через умолчание к запрету.

единое гуманитарное ядро»: в БФУ им. И. Канта обсудили курсы по российской государственности и философии [Online] <https://kantiana.ru/news/formiruem-edinoe-gumanitarnoe-yadro-v-bfu-im-i-kanta-obsudili-kursy-po-rossiyskoy-gosudarstvennosti-/> [Дата обращения] 07.12.2025; Зачем власти и учёные готовят курс «национальноцентричной» философии. Кто разработает единую концепцию и как она должна не стать «сателлитом» западной мысли [Online] https://www.rbc.ru/politics/29/11/2025/6927ba7b9a79475963bbd7d4 [Дата обращения] 07.12.2025.

Вторую революцию можно обозначить и как «революцию штудий»[8]. Хотя такое форсированное и поверхностное ознакомление с небрежно переведенными книгами и отрывками таит в себе одни подводные камни и опасности, на уровне циркуляции ключевых фигур и центров локального знания она даёт немало пищи для формирования довольно объективной, пусть в некоторых случаях и не отличающейся глубиной проработки эпистемологической панорамы.

Видимая невооруженным глазом несовместимость этих двух по-своему последовательных стратегий вызывает к жизни очаги поляризации, когда «на правах остаточности» или «нового подхода» академические агенты культивируют свою стратегию, оставляя место и для второй, но только в качестве внешнего или стихийного требования. Проще говоря, «на правах остаточности» хранители европейских традиций образования ещё больше расширяют круг привлекаемых текстов, придумывают ещё более изощрённые формулировки для студенческих и кандидатских работ, в то время как «новенькие» или очнувшиеся — назначенцы или капитаны образовательных политик — проводят свою редуцирующую селекцию учебного или исследовательского материала на собственных основаниях. Этими основаниями могут становиться, к примеру, ностальгические, децизионистские или миссионерские представления, определяющие историю и культуру не в качестве хранилищ, из которых можно по необходимости извлекать примеры социальных симптомов (какие могут быть симптомы и симптоматика, если культура понимается как резервуар Exempla, назидающего и доказывающего?), но и не в качестве институтов. Это не препятствует, тем не менее, позиции подозрения, особенность которой в данном случае заключается в том, что под предлогом установления каузальностей происходит поиск виновных в попустительстве и «*краже*» достоинства или автономии [Эгнер, Уленвикель, 2024][9].

[8] Под штудиями мы имеем здесь в виду и сам формат studies, и штудию как упражнение, требующее тренировки, регулярности и самолегитимации в форме циклического обращения к одному и тому же. Studies прилагаются к слабо кодифицированным регионам знания, они имеют преимущество открытости и быстрого освоения своих инструментов и языка, но чреваты самоповторами, тавтологиями и пробуксовками, что также приводит к ослаблению резистентности перед эпистемическими и политическими интервенциями. Кирилл Титаев [2013] указывает на промежуточное положение studies между «высокой теорией» наук, из которых те черпают теоретические ресурсы и к которым в конечном счёте обращены результаты их работы и дискуссии, и «низкой практикой», которая отвергается на основании их ориентации на прикладной аспект и желания быстрых решений. Фактически каждый более высокий уровень в рамках этой схемы не слышит нижестоящий, что ставит studies во вдвойне невыгодное положение.

[9] Дмитрий Кралечкин описывает подобные процессы как встроенные в логику самого модерна: «„Переполнение“ стека модерна задаёт предел, выход за который остаётся спеку-

Культура подозрения мотивов является родовой чертой или, как номинирует её всем известный, но в некоторых регионах игнорируемый теоретик, одним из элементов когнитивного стиля социологии (и современных исследований культуры): регион социального в неравных пропорциях делится здесь на действительное и сокрытое. Вопрос «что за этим кроется?», за одной формулировкой которого не может не обнаруживаться наличие двойного дна, подразумевает недоверие к словам социальных агентов, хотя и может, как полагает Никлас Луман [2007], потерять свою критическую направленность при универсализации, всё же делает более видимой этическую позицию исследователя, который этим разоблачающим жестом под тем или иным предлогом говорит о несовершенствах общества. Операция поиска — или, вернее сказать, розыска — подлинных причин происходящего вводит презумпцию нахождения исследователя по ту сторону общества, его необходимого «социального трансцендирования». Оно вступает в противоречие с самоподдерживающейся уверенностью в разумной упорядоченности и системности социальной действительности и позитивный характер совершаемых внутри неё действий: тот, кто намерен занять некоторую дистанцию, позволяющую преодолеть повседневную близорукость, причисляется к ряду ангажированных и повторно, но уже в качестве объекта, помещается за пределы академических или исполняющих их функцию сообществ.

Под подозрением оказывается фигура исследователя социального. Особая рекурсивная позиция подозревающего самих подозревающих, отказывающая в легитимности критическим подходам, заставляет утверждаться в представлении о нецелесообразности и ненормальности самой критики.

лятивной проблемой — в частности, проблемой гипотетического следующего уровня стека. Различные варианты радикальной критики, пытающиеся, в частности, оспорить логику корреляции или модернистского распределения знания, в действительности либо сталкивают одну логику доступа с другой, либо стремятся представить одну из них в качестве гарантированной. Так, попытки отказаться от человеко-агентных способов доступа представляются в этом смысле запоздалым шагом, выявляющим проблему там, где её нет, но где её удобно решать, поиском под фонарем за счёт волюнтаристских средств денегации и самоотречения, словно бы доступ — и конечность — не определялись с самого начала независимо от антропологических фигур. Если абсолютом может быть только то, что отказывает в доступе, остановить переполнение стека невозможно» [Кралечкин, 2021, с. 98]

Выкликание невидимых оппонентов и этическое воображаемое[10]

Вообразив своих оппонентов и нащупав их цифровым путём в публичном поле, выкликающий носитель здравого смысла начинает производить публичные высказывания, адресованные и выкликаемым, и неопределённому кругу[11] публики. У этой выкликающей формы есть свои основания: исследуя фигуры прошлого, академический или образовательный деятель ведёт невидимый диалог с этими фигурами. В условиях, когда становится непонятным, как, на каких основаниях и кем именно принимаются решения, выкликание маскирует себя под форму публичного высказывания, однако по последствиям, расстановке сил, слышимости голосов выкликающих, публичным высказыванием не является и представляет собой смесь доноса, жалобы, апелляции к здравому смыслу и утопической фантазии. Выкликание становится возможной и необходимой формой, когда образуются артикуляционные лакуны и контуры определённости теряются. Это не «недостаток идеологии» и не «секретность» в прямом смысле слова, — скорее, речь идёт о том, как новые запросы должны располагать себя по отношению к старым. Имеет значение и политический и административный вес выкликающей фигуры. Скажем, ректор знает больше, чем проректор, руководитель факультета больше, чем завкафедрой, а рядовой доцент меньше, чем заместитель директора. При этом общественный контракт ректора предполагает очень высокую и рискованную модель ответственности за высказываемое, тем не менее, заставляя его в отдельных случаях действовать «ва-банк», а доцента — невысокую, позволяя ему быть невидимым и неслышимым, но сохраняя возможность для общественного эпатажа, площадками для которого становятся в том числе круглые столы, конференции и другие формы мест по производству безответственных, в силу затемнённости и непрозрачности поля, суждений.

Конференции и форумы в этих случаях становятся местами по расшатыванию этического воображаемого. Лицом к лицу встречаются те, кто никогда не должен был встретиться и чьё существование не было определено в качестве необходимого. Неожиданность встреч и взаимопересечений на инициируемых от лица централизованного управления образования конференциях рождает особый род меланхолической

[10] Этот раздел, в свою очередь, также написан в форме «выкликания». Этой рекурсивностью мы производим оправдание двойного позицинирования «сталактита» и «сталагмита».

[11] Выражение «информация, адресованная неопределённому кругу лиц», фиксирующая нарушение, косвенно связана с моделями публичности выкликающего.

опасливости, когда не прочитываются ни социальные, ни мировоззренческие, ни карьерные контуры «коллег». В позитивном варианте это приводит к поиску тематического консенсуса: не в силах понять, чем же занимаются на самом деле собравшиеся вместе, выступающие нащупывают «темы-тосты»: глобальные угрозы, образы будущего, скрытые вызовы и насущные задачи. Заклинание будущим, глобальным, угрожающим, переломным и заботящем формирует контур «встревоженного ученого» с актуальной повесткой во взволнованных руках. Встревоженный ученый прекрасно понимает, что его озабоченность выполняет функцию синхронизации с властной мобилизующей тревожностью, но видит в этом свою «востребованность» и «умение мыслить в перспективе». Это наивная идентификация чаще всего не приносит ни бонусов, ни карьерного роста, ни славы, выполняя, скорее, функцию нащупывания определённости в условиях тишины и молчания. Исторический приговор публичной сфере, вынесенный когда-то Ричардом Сеннетом и Юргеном Хабермасом, здесь реализуется только опосредованным образом: это не падение, не распад и не имитация публичности, а скорее не-политическая или вне-политическая пародия на неё. Остаются объявления, имена, фотографии, отчёты, но право на высказывание реализуется вовсе не из универсалистского места.

Непрошеные советчики и эксперты без поля

Литания необходимости воспитания личности[12] самозарождается каждый раз из ниоткуда, не имеет под собой никакой почвы и в широком смысле слова является формой «доноса» на «действительность» социальных агентов с неопределёнными полномочиями. Поскольку такое институциональное закрепление вертикальных отношений ставит под угрозу анонимность и натуральность критериев удерживаемого авторитета, фантомно-экспертная тональность высказывания позволяет укреплять свою фигуру как «фигуру в процессе» размышления, удержания, рефлексии. Заявки докладов, выступлений, речей бессознательно поворачивают себя к советским практикам и обозначаются таким образом, будто их инициаторов отвлекли от важного дела, поэтому экспертно-фундаментальный тон гибридизируется с мимолетностью и незавершённостью плодов учёного сосредоточения. Неожиданно возвращаются дисциплинарные формулировки с указанием на «проблемно-методологическое поле», «проблемы познания», «принципы», «явления», «постановки

[12] Пайдейя XXI века [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/8006089> [Дата обращения] 07.12.2025.

проблемы», «аспекты», «переосмысления», «актуальные вопросы», «функции», «основания», «к вопросу о...», «проблематичности», «роли и факторы», «категории метамодерна и симулякра».

Вернее было бы даже сказать, что наплыв такого рода рубрикаций, скрывающих за своим фасадом предметную бессодержательность и зацикленность на масштабе, происходит не повторным образом. Всё это время они периодически всплывали в рассылках, анонсах, чатах и группах в качестве голосов за пределами крупных городов, но служили в основном хранилищем антипримеров, обращение к которым протекало на негативных основаниях в целях языкового и идеологического отмежевания. Скорее имеет место резкое изменение доли приведенных формулировок в общем дискурсивном пространстве, ускоряемое и подогреваемое внешним управлением. Фильтр, старательно выработанный изнутри части академического мира, препятствовавший застою и защищавший от инвазий чуждых агентов, инвертирует направление своего действия и заставляет представителей этой части мира пересматривать собственный язык в пользу тщательно забытых и морализаторских тем, терминов и конструкций, что не может не восприниматься как ретроградный шаг, причём в конечном счёте для обеих сторон. В насилии над языковыми формами не стоит видеть один только внешний, «наносной» эффект, никак не затрагивающий содержание мысли, поскольку такое приспосабливание на достаточно длинной дистанции неизбежно сказывается и на самом слове как главном инструменте социально-гуманитарного исследователя.

У этих процессов есть и обратная сторона — а именно, «снижение» до административного вопрошания:

> *«Знаете, я как-то побывал в Белгородском университете — это храм по сравнению с некоторыми аудиториями в МГУ, где стоят парты из лиственницы, которые ещё Берия поставил. Я там побывал как-то. И в одной огромной аудитории на несколько групп всего 12 человек сидит. Я спрашиваю преподавателя: “Сколько у вас студентов должно находиться в аудитории?”. Она отвечает, что четыре группы — “шалопаи, не приходят”. В общем, это комплексная проблема и вообще отдельная тема»*[13]

[13] Владимир Литвиненко: «Без сильного образования страна будет колониальной» [Online] <https://www.vedomosti.ru/society/characters/2025/11/25/1157733-bez-silnogo-obrazovaniya-strana-budet-kolonialnoi?from=copy_text>[Дата обращения] 07.12.2025.

Цитата из откровенного интервью ректора Горного университета Владимира Литвиненко относится к другому роду жалоб, но кажется нам показательной: воспитывая будущих инженеров, ректор пытается найти причины падения человеческого достоинства и обращает внимание то на низкую посещаемость занятий, то на межпо-

Тема «мировоззрения», «личности», «воспитания» появляется там, где блокируется — на основаниях опасений обвинений в неблагонадежности или нежелания раздражать невидимых наблюдателей — социальный язык. Мировоззренчески-возвышенная сфера становится источником эвфемизмов идейных технократов и университетских проповедников, привыкших хранить тайны и секреты, в какой-то момент меняющих юридически-бюрократические формулировки на позаимствованные из сотериологического лексикона[14].

Не оспаривая традиционное право авторитетного представителя академии говорить о *своём* и на *собственных основаниях*, этим только подчеркивая сохраняющуюся возможность реализации собственной автономии, сингулярности и своего рода парессии, невольно возникает вопрос: почему спасатели нравственности молодых людей

коленческую отстраненность, то на отсутствие авторитета преподавателя, то на отсутствие формы и прекращения бумажной циркуляции в документообороте. Закономерным образом он приходит к выводу о необходимости мировоззренческого и воспитательного принуждения и «роли личности» наставника, отстраняясь от подробностей, которые могли бы быть разъясненными средствами современной социальной теории, и изобретая эти подробности самостоятельно и «с нуля»:

«Теперь о цели высшего образования: это получение цельного мировоззрения в области специальности, закрепленное достаточным объёмом практических опытов и навыков с целью самореализации.

— Вы сами следуете этому целеполаганию?

— Индикатором нашей преподавательской деятельности является как раз это целеполагание. Ведь когда есть цель, тогда есть и субъектность. Преподаватель — это ответственный субъект. А студент у нас становится не великим и знающим, иногда поправляющим, а воспитуемым — как и в школе. И всё становится на свои места»

[14] Типичная форма озабоченности выглядит таким образом: «заведующий кафедрой <...> принял участие в панельной дискуссии “Культурный диалог: человек в поисках смысла; моральные ориентиры поколения молодых”, которая состоялась в рамках VIII Молодежного международного форума-конгресса “Будущее”. Дискуссия прошла на площадке информационного агентства “Россия сегодня” в Москве. <...> Участники обсудили вызовы, с которыми сталкивается современная молодежь в условиях размывания традиционных ценностей и изменения отношения к семье, браку и воспитанию детей. Особое внимание было уделено анализу негативного влияния западной культуры и навязываемых моделей поведения, а также отсутствию критического мышления у молодого поколения. Эксперты подчеркнули необходимость консолидации усилий педагогов и общественных деятелей для выработки ценностных ориентиров, способных противостоять деструктивным тенденциям и помочь молодежи в формировании нравственного мировоззрения». В. Р. Легойда принял участие в VIII Молодежном международном форуме-конгрессе «Будущее» [Online] <https://www.patriarchia.ru/article/118464> [Дата обращения] 07.12.2025.

говорят на руссоистском языке с примесью Zeitdiagnose? Если общество движется в сторону сохранения и поддержания традиций, то не стоило ли бы представителям социальных наук указать на рамку, внутри которой озвучиваются прописные истины? Что, кроме шуток и нравоучений, можно всерьёз предлагать воображаемой молодёжи даже при её помощи, если бы такая рамка была бы предложена? Каким образом и по каким каналам будет производиться мировоззренческая инвазия? Как это согласуется с механизмами функционирования современных медиа? Отсутствие постановки вопросов на этом уровне подталкивает к заключению, что реализация таких деклараций осуществляется с помощью конкретных политических, административных, а вовсе не идейных решений. Таким образом производится ещё один сталагнат — идейное будет мимикрирующей завесой для сталактитов запретов и ограничений, срастающихся со сталагмитами чужого своеволия.

Трофы и трофеи: паразиты, апроприаторы, пираты

Риторика суверенизации, рецепция и использование словаря которой может происходить на серьёзных или иронических основаниях, рождает, тем не менее, не решаемую форсированным путем проблему распоряжения интеллектуальным богатством, накопленным европейской культурой и функционирующим внутри институциональных форм интеллектуальной преемственности и индустрии знания. Прозрачность и доступность образовательных программ, результатов исследований и коллективных инсайтов, производимая высокоталантливыми, изобретательными и продуктивными авторами, становится добычей, трофеем или резервуаром для представителей провинциальной, туземной или суверенизировавшейся науки. Эти процессы не связаны напрямую с лежащими на поверхности кризисами, переустройствами, переформатированиями и переорганизациями. Трофика первичного и вторичного знания, «подъедание» за лидерами и пионерами производства социального знания их идей, формулировок и концептуализаций является довольно старой формой, корни которой, вероятно, можно было бы отыскать в появившемся в модерн делении на философов (писателей, композиторов, историков, социологов) «первого и второго ряда», иногда ветвящихся «третьим» и «четвёртым». Вторичность знания, производимого «трофами», имеет и свою радикальную форму в виде «пиратства»[15] и различных форм заимствования.

[15] Пиратство здесь понимается так, как это описывается в [Коллинз, Рестиво, 2002].

Слабые виды пиратства дают ещё одну форму — паразитирование, требующее поддержания двойной установки: и на старательную миметическую исполнительность в условиях безграничности тематического диапазона, и на свободный выбор того, чем можно очаровываться оказавшемуся в море появляющегося как бы ниоткуда исследовательского богатства[16]. За последние несколько лет выковала себя негласная этическая доктрина присвоения, или апроприации, сложившаяся в консенсусное утверждение, что нельзя отказываться от того, что хоть и находится по ту сторону политически актуального и приемлемого, но является важным, нужным, подходящим и пригодным. Надо развивать свою науку, а для этого все средства хороши — вот на чём базируются добродетели апроприатора.

Алхимия трофического насыщения

В системе академических трофических цепочек «голова» и «хвост», находящиеся в отдалении друг от друга, имеют опосредующие пищевые звенья, на разных основаниях рождающие собственные антиномии исследовательского разума:

— корпоративное / коллективное;
— индивидуальное / групповое;
— уникальное / массовое;
— пропагандируемое / ценностно-нейтральное;
— нацеленность на результат / нацеленность на место в институциях;
— публичность / закрытость;
— лабораторность / общезначимость;
— эффективность / отложенность результатов;
— «уединение и свобода» / коллективная ответственность
— самоуправление / централизованность;
— этические протоколы / тесный и сплоченный характер научного творчества;
— демократизм / неолиберальное рейтингование
— ЕГЭ / поиск истины;
— преемственность научных школ / короткие контракты;
— чаты и группы / собрания и объединения;
— подушевое финансирование / литании скудости;
— «без человека не будет ничего» / «человек ничтожен»;
— бесконечные мероприятия и инициативы / коллективистский атомизм;

[16] Об этом см. дискуссию в журнале «Versus» [Данилов и др., 2022].

— плотно упакованные образовательные продукты для интенсивного освоения / поиск информации;
— академия как пространство заботы о комфорте и атмосфере / аскетичный социальный дизайн рабочих зон;
— требование разрешений и регистраций / открытость (система пропусков);
— открытость / секьюритизация;
— наемные работники / заслуженный статус, стаж, юбилеи, награждения;
— автономия / управление неизвестными агентами.

Не так уж и сложно показать, как взаимоисключающие требования и идеологии в каждом конкретном случае пользуются исполнительской презумпцией и прорастают друг в друга: корпорация, состоящая из конкурентов, может превращаться в коллектив противящихся корпоративному духу коллег; ЕГЭ становится ключом доступа к антидогматическим тайнам университетского знания; коллективные мероприятия усиливают атомизацию; открытость и прозрачность заставляют хранить себя в абсолютной тайне от внешних вторжений; рейтинги становятся единственной демократической формой выражения хоть какой-то позиции; под нейтральностью скрывается идеологическая всеядность, а под бросающейся в глаза политической эклектичностью вдруг обнаруживается особая, стирающая собственные маршруты интеллектуальная навигация. Унифицирующие формы знания и самопознания, подозрение к разрушительному характеру западного философского мышления заставляют вводить философию в качестве обязательного курса. Требование возвращения к иерархическим порядкам и режимам вызывает к жизни инициативы по обязательному изучению курса логики и т. д. То, что можно было бы принять за диалектику полагания и его отрицания, на деле сосуществует вовсе не в формах единства противоположностей — наоборот, не опознаваемые и не обозначаемые как полярности и противоречия, положения и установления гетерогенной природы срастаются друг с другом раньше, чем получается отследить эту полярность[17].

Афазия и свободная речь

Блокировочные, приостановочные, порогообразующие и фильтрационные действия не просто сужают и расщепляют потоки коммуникации и информации, но и деформируют сам язык [Хабермас, 2001,

[17] См. о некоторых противоречиях университетских кодексов [Медушевский, в печати].

с. 173–287]. Афазия затрагивает не только вопрос перформативности, но и звучания самих голосов. Право на голос реализуется звуковым образом, — чтобы звучать, следует понимать своё и чужое место в качестве звучащего.

Логистика звучащего стала стремительно менять свой дизайн, начиная с эпохи коронавируса. Рост способов организации звуковой приватности и коллективно-звукового расщепления[18] приводит пространства знания в состояние окончательной тишины. Умолкают не только актовые залы, коридоры и аудитории. Слухи, сплетни, смол-токи, обмены любезностями перемещаются в мессенджеры, онлайн-платформы и приватные места. Всеобщий запрет на курение, оставляющий возможность курить у крыльца, за последние 10 лет с истощением численности коллектива курильщиков превратил эту форму коммуникации скорее в исключение, чем в правило. Афазия в бюрократической и управленческой речи, теперь ничем не ограничиваемая, не озвучивается, а предъявляется, пролистывается или игнорируется, формируя множественности, регулируемые миметическими способами и волей к вкусу. Афазия и языковая беспомощность обретают своё постоянное место в рассылках, докладах, статьях и интервью. Лишённая любой внешней регуляции и критики, она циркулирует наравне с лучшими академически-языковыми образцами, заполняя пространства академического знания прежним ползучим образом. Здесь сталагнатизация достигает окончательной точки своего закрепления, срастаясь с подминаемыми под себя языковыми конструкциями, — теоретическое, практическое, идеологическое и управленческое диктуют свои правила языку, который то послушно исполняет.

[18] Под коллективно-звуковым, социально-звуковым расщеплением мы имеем в виду окончательно сформировавшуюся этику производства музыкального шума и специфику пространственной организации публичной или приватной речи. Расщепление происходит по нескольким канализирующим блокам, номенклатура которых включает не только стриминги со своей потоковой логикой и индустрию приватизирующих слушание средств, но и голосовые приложения, голосовых помощников, экранных дикторов, транскрипторов и транскрибаторов, а также — что немаловажно — особые способы поддержания звуковых и шумовых конвенций, предписывающих соблюдать абсолютную или относительную тишину и режим молчания в условиях, когда речь, звуки или музыка могут становиться доступными для ушей других.

Исследовательские чаяния и теоретические утопии: гомогенные пространства гетерогенного научного опыта

Изменение характера и формы организации звучащего имеет и другие интересующие нас следствия. Совершенствование новых способов быстрой, малозатратной, набирающей участников по собственным критериям организации академических чтений, дискуссий и коллоквиумов привносят элемент горизонтальности, упраздняют отжившие себя иерархии и действуют не просто в обход официальных программных документов, кодексов и требований, но и становятся проводниками собственных интеллектуальных микрополитик.

Со стороны академии эти процессы и инициативы могут апроприиироваться или игнорироваться, со стороны инициаторов есть полный спектр способов участия — от «двойных агентов», присутствующих на внутренних заседаниях, а по вечерам — на самодеятельных международных ридингах, до эскапистов, которые на разных, хотя чаще всего вынужденных основаниях принуждают себя только к академической службе или исключительно к свободной деятельности. Постковидная картина форумов и исследовательских собраний за последние три года оформила себя ещё в более выразительные формы: на авторитетных конференциях вместе оказываются академики, студенты бакалавриата, свободные исследователи и звезды мировой науки, которые по разным причинам рассчитали или, наоборот, не рассчитали возможные будущие издержки своих складывающихся репутаций. В этой пёстрой картине интересно не само разнообразие агентностей, целей и результатов, а способы и критерии уживчивости по разным основаниям, а также того, что можно было бы артикулировать в качестве их итога. Гомогенизация гетерогенного исследовательского опыта в социальных науках, если говорить о специфике особого «пути России», оформляет первоначальную утопию науки как дела равных в бесконечную ридинг-конференцию. Уникальный пример конференции «Векторы»[19] ясно обозначает этот парагенезис «спелеологического» типа. Многоступенчатый анонимный соревновательный отбор делает возможным формирование места диалога предельной честности и ясности. Он не образует залежей отчётного знания, но каждый раз заново определяет место авторитетности и заслуг перед наукой. Рядом с уплот-

[19] Сборник статей XXI и XXII международных конференций молодых учёных «Векторы» [Онлайн] <https://msses.ru/%D0%92%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%202023-2024.pdf> [Дата обращения] 10.12.2025; Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных «Векторы» [Онлайн] <https://msses.ru/%D0%92%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%202025.pdf> [Дата обращения] 10.12.2025.

няющимся «сталагнатом» появляется разреженный параллельный результат «эпистемического спелеогенеза».

Штудирование реального и исследование воображаемого: исследовательская предметность в эпоху последних истин

Мы бы взяли на себя ответственность утверждать, что борьба за реальность и предметность и есть главный пункт или место, в котором разворачиваются процессы сращивания и слипания локального и универсального. «Человек», «смысл», «значение», «общество», «знание», «прогресс», «будущее» и т. д. в обстоятельствах, когда на языке социального нельзя ставить «вопросы ребром», становятся подобными песку, сыплющемуся сквозь пальцы. В таких обстоятельствах остаётся только два выхода: либо брать реальность штурмом, т. е. провозглашать новые истины относительно человека, смысла, значения, общества, знания, прогресса, будущего, либо исследовать их в качестве денотата воображаемого. В обоих случаях кажется интересным, как реализует себя направленность на предметность, если действительно мы живем в эпоху «последних истин», обойти которые никому не удастся. Здесь мы хотели бы сознательно обратиться к маломасштабному примеру, оставив «большие понятия» для другого рассмотрения в своих будущих возможных работах.

Предположительно или на самом деле в одном крупном российском городе собирается конференция по рецепции творчества Пушкина. Предположим, что она затрагивает круг самых широких сюжетов — от его глорификации и «образов» в литературе, кино, школьном каноне и дизайне до традиций празднования пушкинских юбилеев и дат его гибели в разные исторические периоды. Тема «рецепции» здесь обозначает место нейтральности: что может быть нейтральнее, чем «образ» или «рецепция»? Любой более-менее искушенный социальный исследователь понимает, что исследования образности и рецепции — вовсе не нейтральные темы. Он же владеет и полным набором инструментов, чтобы привлекать понятие рецепции, опустошив её критически-социологическую часть, связанную с исследованием аудиторий, идентичностью, конструктивистскими позициями и проблемой гегемонии, обеспечиваемой культуралистскими средствами. В результате организаторы мероприятия в условиях требований и к проявлению активности, и к научной коммуникации неявным способом доводят эту подоплёку любого социального до несуществующего и аномального. Участники такой гипотетической серии конференций, циклически и регулярно предъявляющие свои исторические изыскания и теоретические размышления, формируют бесшовный

нарратив множащейся образности и непрерывной рецептивной традиции, что отчасти позволяет увидеть объективную картину исследований рецептивности. Вопрос заключается только в том, какое место занимает сторонящееся истины знание, имеет ли к этому отношение Пушкин, и что именно происходит, когда предельные исследовательские установки становятся частью рыхлого знания со ставкой на слабые и отклоняющиеся от собственных программ интерпретации. На наш взгляд, такой штурм обширного культурного отрезка, блокирующий предметность заключений на фоне общей риторики «вызовов» и «масштабных процессов», формирует плотный эпистемический сталагнат.

Фетиш исследования и фетишизм исследователя

В условиях прерванной, ограниченной и приостановленной коммуникации, которая сопровождается атрофией всеобщего подозрения, когда-то подталкивающего к тому, чтобы делить агентов производства знания на «жертв», невидимых «спасателей» и видимых «душителей», не может не сформироваться поле конвенций, где все так или иначе успокаиваются и не предаются «мыслям о вечном». В России этой точкой конвенционального утешения становится «исследование» и «исследователь».

Отсечение некоторых чувствительных тем при посредничестве туманных нормативных документов и асинхронно-точечного их применения приводит к привычке оттачивания и без того филигранных формулировок, созданию механизма непрямого цитирования и выработке криптоязыка. В результате исследование в некотором смысле превосходит само себя и служит полем двойного высказывания-подмигивания, наталкивающегося на препоны во внеакадемической публичной сфере. Прагматический сценарий же состоит в «выходе на производственные мощности» в соответствии с курсом, который опознаётся по косвенным признакам, и превращает исследование в защищённый от внешних оценок и влияний анклав и самоцель. В обоих случаях исследование предстает убежищем, но если границы первого в идеале стремятся к расширению, но сужаются, то второе, напротив, — изоляционистски сужаясь, расширяется. Общим местом уже успело стать то, что представители обеих стратегий подозревают о существовании друг друга, но предпочитают сохранять относительно этого факта презумпцию неведения.

Для того чтобы такая точка утешения стала возможной, нужно на время или навсегда забыть о расследовательской направленности гуманитарных исследований, самодистиллировавшись и самонейтрали-

зовавшись[20]. Над исследованием висит дамоклов меч «расследования», который в истории социальной мысли можно отслеживать ещё на стадии до её перехода в «научную» фазу: описание и критика постреволюционного общественного порядка с собирательно-утопических позиций имели следствием возможность разработки разнообразных прототеорий, в которых выдвигались идеи о другом, более справедливом устройстве общества. Эти теории, однако, стали возможны вследствие лишения общества его самоочевидного статуса и обнаружения его прежде не опознаваемых внутренних конфликтов, инициатором которых назначались конкретные группы виновных и которые имели свои механизмы поддержания, подталкивающие к собственному преодолению. Представления о совершенном, но в телеологической перспективе недостижимом мире, в историческом горизонте позволили родиться тому социальному знанию, проводниками которого сами утописты уже не являлись [Шацкий, 2018, с. 204–226].

Тем не менее, утопический вектор «подозревающего» и «расследовательского» по характеру социального знания являлся одновременно и средством против его фетишизации. Проекты и программы популяризации знания, встроенные в системы привлечения качественной абитуриентской базы и общественного просвещения, говорят на языке «настоящей науки» и увлечённости исследовательским процессом, но превращаясь в рыночный, хоть и лишённый конкретной стоимости товар, вынуждены в части социальных наук производить заклинания неопределённого содержания. Сталактиты «мероприятий» и «важных дат» входят в сложное взаимодействие со сталагмитами одиночества исследователя и лабораторным характером производства социального знания. В результате формируется плотный слой, сталагмит из надежд, упований, громких заявлений, тихого осмысления, невысказанного, невыразимого, необъяснимого и невыговариваемого. Вопрос «Что мы исследуем?» в этом случае приобретает такое количество коннотаций, что само его озвучивание чревато избыточной перформативностью.

Теперь, вместе со снятием упований и ставкой на социальное знание, ставшее локальным, в качестве арбитра исторического и по-

[20] Об этой способности номинального участия пишут в своей статье про туземную науку Михаил Соколов и Кирилл Титаев: «Российский академический мир в целом беднее, чем те, по отношению к которым он воспринимает себя вторичным, но отдельные позиции в нём вознаграждаются достаточно щедро для того, чтобы не искать большего <...> Ключевая задача этой части туземной науки — доказать её равенство с происходящим во всём остальном мире, а чаще — превосходство» [Соколов, Титаев, 2013, с. 258–259]. В применении к настоящему это означает если превосходство не является ближайшей целью, то в силу вступает другая цель, которую мы бы обозначили как рационализация вознаграждения, которое, как известно, всегда слишко мало или слишком велико.

литического процесса реализуются несколько вполне определённых стратегий, каждая из которых полагает «исследование» в качестве фетиша, превращая самого исследователя в носителя фетишистского сознания. Проще говоря, сталактит подразумеваемой и инициируемой деятельности и сталагмит наследуемой с советских времен неясности срастаются в сталагнат — меланхолический продукт неистощимого энтузиазма. Соколов и Титаев, определяя функцию советского гуманитария, одну из целей определяют так: «это тексты, которые нужно производить, однако цель этого производства не ясна» [Соколов, Титаев, 2013, с. 261]. Меланхолия, повсюду сопровождающая места исследования и самих исследователей — плата за фантазии, в сопровождении которых только и могут появляться такие тексты[21].

Туземность провинциального

Таким образом, в условиях конкретно поставленных задач, большая часть которых не проговаривается конкретно — что же на самом деле требуется и требуется ли вообще — ни провинциальное, ни туземное не являются базовыми моделями социальных и гуманитарных наук в момент их неудобного положения. Ибо радость от остаточных связей с зарубежными коллегами окрашена скорее в мрачно-иронические тона, и борьба идёт здесь скорее за язык, чем за его содержание. Если оценивать провинциальную установку как погоню за «трофеями и знаменитостями» на фоне признания собственного бессилия в производстве социального знания, а туземную — как автономное переизобретение изобретённого, то даже обнаруживаемые следы этих установок не скажут нам ничего нового в деле минерализации эпистемических сталагнатов.

Мы бы рискнули предположить, что сталагнатом здесь становится сращивание провинциального и туземного, что, разумеется, противоречит первоначальной идее подобного разделения. Предположим, для примера, что в качестве базовой исследовательской единицы берётся «Русская Идея», и предположим, что Русская Идея выдвигается в качестве центральной в построении нового философского здания. Разумеется, такое метафизическое здание может быть построено с понятийной и фактической сторон, и ничто не препятствует тому, чтобы создавать собственные проекты языковой деконструкции или перестройки базового языка. Но такой язык — ровно настолько, насколько он является языком — требует минимальной

[21] В этом смысле нет другого выхода, кроме пути демистификации фетишисткого объекта знания [Шанин, 2024, с. 175–176].

верификации и включённости в циркуляцию, поэтому привлечение на любых основаниях таких «верификаторов» будет оцениваться как акт втягивания, т. е. «удачной охоты». В целом эта удача может артикулироваться как прогрессирующий рекрутинг «поверивших в нас», «нас не оттолкнувших». В отдельных случаях разговор переводится в регистр «нормальности» и «нормальных»: «нормальный исследователь» социального не будет цепляться за догмы проверенных теорий, и он способен на вспышку здравого смысла.

Циркуляция решений и идей: мессенджеры и группы

Научная и административная коммуникация в академии, если отсчитывать её актуальные формы с момента появления государственных политик в области науки в межвоенный период, представляла собой в том числе и сцену, в которой роли всех участников были прописаны в соответствии с текущими изменениями в понимании иерархии агентов. Коллегиальность в организации вносимых в долгосрочные планы содержательных дискуссий, формальных процедур и обсуждений и система принятия решений складывалась одновременно с управленческими представлениями о ролях и функциях управления. При этом место кулуарного, личного и публичного, начиная с эпохи университетских ситкомов, сериалов, образовательно-производственных эпопей и спора физиков и лириков, обозначалось и осмысливалось рефлексивным способом.

«Революция чатов», когда обмен опытом и информацией в группах, создаваемых с благой целью из нежелания обременять друг друга лишней информацией, выливается и в то, что часть агентов оказываются забыты, вытеснены и питаются сплетнями. Чаты и месенджеры проводят и де-редукционистскую работу: на правах закрытости и принадлежности к общему делу, они обрывают прежние практики, когда коммуникация в виде прочитанного на стене объявления принуждала организаторов укладываться в небольшой объём и ясные формулировки. Теперь формулировки можно до бесконечности уточнять, создавать системы гиперссылок, плодить невинные и сверхважные системы запросов и инициатив. Такие системы руководства и сотрудничества не просто повышают или понижают информационную осведомленность, они создают системы двойного закрытия: не включенные или исключенные из системы групповой коммуникации могут быть уверены, что внутри таких каналов общения содержатся все ответы на вопросы, между тем как внутри коммуникационных каналов их участники расспрашивают друг друга о том, почему ничего не известно. В целом это повышает атмосферу немого вопрошания, вырабатывая смесь терпения и апатии.

Заключение

Наш небольшой глоссарий локальной универсальности, фиксирующий срастания гетерогенных по природе и функционированию форм академического знания в условиях снижения артикулирующей его основания прозрачности, должен был показать, как «затемнения», нацеленность на стоическое молчание и виртуозная способность агентов социального знания внутри академии к ἐποχή создают не просто лакуны немоты, тайны и умолчания, а меняют характер аккумуляции, трансляции и селекции этого знания.

Если язык социальных наук с начала своего формирования вырабатывал свой собственный спектр возможностей уклонения двойного и тройного значения и использования заточенных под немоту перформативных форм, то режимы специальных образовательных политик не подготавливали социальные науки к особому будущему, давая в пользование им один-единственный механизм одномоментного вбирания решений, распоряжений и новых конвенций. Контракт академических агентов таких политик с сообществом коллег, с обществом и самими собой выстроен в качестве пролонгированного, нацеленного на отдаленный и откладываемый результат, вместе с тем как меняющаяся политическая повестка предполагает решительность и быстроту реакций. В этих условиях функцию стратегического поддержания режимов частичной или мнимой открытости берут на себя особые участники поля, превратившие языковые и управленческие способы реализации академических свобод в особый инструмент понимаемых, но не проговариваемых интеллектуальных и образовательных политик.

Если сделать шаг назад к нашей спелеологической метафоре, позволяющий указать на место, где происходят все описанные в перечисленных выше пунктах процессы, то мы опять оказываемся в вечной платоновской пещере, но на других, по сравнению с платоновскими героями, основаниях, — теперь мы не жители пещер, а их туристы и испытатели. Карстовая пещера — это кромешно-тёмное, постоянно холодное, привычно влажное место, моментально поглощающее всякие звуки (и следовательно, не позволяющее докричаться друг до друга на малейшем отдалении), и не пропускающее радиоволны. При долгом нахождении там собственная речь делается чужой и плавится ощущение времени. Чтобы не потерять равновесие, передвигаться по пещере рекомендуется, соблюдая правило «трёх точек»: твёрдой поверхности должны касаться, например, две ноги и одна рука. Навигация часто происходит по неформальным опознавательным знакам вроде миниатюрных глиняных божков или груды сложенных друг на друга камней и то тут, то там обрывающейся «нити Ариадны» — верёвки из поликарбоната яркого цвета, идя вдоль которой при благоприятном стечении обстоятельств есть возможность

выбраться. Иногда из-за угла вылетают летучие мыши, а некоторые пролазы настолько узки, что приходится ползти на животе, постепенно покрываясь слоем твердеющей на одежде глины. Выход из пещеры в ночное время суток предваряют сквозняки — теплые летом и морозные зимой.

Публичность, открытость и прозрачность обнаруживаются совсем не там, где они себя обозначают, — в свою очередь, эгалитарная горизонтальность, научный энтузиазм и исследовательская инициатива располагают себя в зазорах между официальным и самодеятельным. То, что со стороны может выглядеть как компромисс, в будущем будет оценено как своего рода подвиг, но об этом нельзя говорить, а следовательно нужно молчать.

Литература

1. *Бойко, А.К.* Тайна и социальное: от антропологии конфиденциальности к социологии секретности // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 112–138.
2. *Данилов, В.Н. и др.* Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии // Versus. 2022. Т. 2. № 2. С. 70–86.
3. *Коллинз, Р., Рестиво, С.* Пираты и политики в математике / Пер. с англ. И. Куна // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 366–380.
4. *Кралечкин, Д.Ю.* Переполнение стека // Синтез современности: руины ГАХН и постдисциплинарность / Под ред Н. Сазонова и А. Хенниг. М.: Издательство института Гайдара, 2021. С. 79–98.
5. *Луман, Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117.
6. *Медушевский, А.Н.* Право и нравственность: этические кодексы как инструмент публично-правовой политики России // Сравнительное конституционное обозрение [в печати]
7. *Соколов, М.М., Титаев, К.Д.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
8. *Титаев, К.Д.* Несколько коротких реплик в дополнение к ответу М. Соколова // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 232–236.
9. *Шанин, Т.* Размышления о социологии знания // Пути России. 2024. Т. 2. № 3. С. 159–178.
10. *Шацкий, Е.* История социологической мысли. Том 1 / Пер. польск. Е. Барзовой, А. Васильева, Н. Вертячих, Г. Мурадян, А. Уразбековой, В. Федоровой, О. Чеховой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачина. СПб: Наука, 2001.
12. *Эгнер, Х., Уленвинкель, А.* Нападение на свободу науки // Логос. 2024. Т. 34. № 2. С. 81–98.
13. *Gataulina, I.* Neoliberal Authoritarianism: An Ethnography of Russian Universities. London: Palgrave Macmillian, 2025.
14. *Simmel, G.* The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies // American Journal of Sociology. 1906. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.

Anna Ganzha, Maksim Zhiganov

University glossary of local universality: stalactites, stalagmites, stalagnates of social knowledge production

Anna Ganzha — PhD in Philosophy, Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20 Myasnitskaya St., Moscow. **Email:** ann.ganzha@gmail.com.

Maksim Zhiganov — PhD student, Doctoral School of Cultural Studies, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20 Myasnitskaya St., Moscow. **Email:** zhiganov.maksim.977@gmail.com.

Abstract: This article is structured as a small glossary of observational essays on Russian university and academic life, summarizing the experiences of its participants over the past several years. It examines this life from the perspective of the dynamics of social knowledge, its content, form, organization, structure, as well as the maintenance of its stability and continuity. Emphasis is placed on the dual modes of social knowledge production under conditions of epistemic inequality and an undeclared decline in transparency in the governance of science and education. This doubling of the modes of social knowledge production has its own prehistory, an important stage of which were the revolutions of chats, spaces, and platforms, and its own consequences. Using a phenomenological-sociological description, the article sequentially examines these consequences and traces, focusing on such constellations as "evoking the imaginary", "unsolicited expertise", aphasia, a reliance on "studies", "trophy piracy", and the fetishism of the research stance.

Keywords: social knowledge, university, study, aphasia, ideologies, infrastructures, suspicion, publicity, fetishism, indigenous science, research enthusiasm

For citation: Ganzha, A., Zhiganov, M. (2026) University glossary of local universality: stalactites, stalagmites, stalagnates of social knowledge production. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. 141–166.

References

1. Boyko, A. K. (2019). The Mystery and the Social: From an Anthropology of Confidence to a Sociology of Secrecy. *Sociology of Power*, No. 31(4). P. 112–138. (In Russ.)
2. Collins, R., Restivo S. (2002). Robber Barons and Politicians in Mathematics. Transl. by I. Kun. *Otechestvennye zapiski*, No. 7. P. 366–380. (In Russ.)
3. Danilov, V. N. et al. (2022). How to Stop Worrying and Start Loving Refereed Journals: Bibliometric Debates. *Versus*, No. 2(2). P. 70–86. (In Russ.)
4. Egner, H., Uhlenwinkel, A. (2024). An Attack on the Freedom of Science. *Logos*. Vol. 34. No. 2. P. 81–98. (In Russ.)
5. Gataulina, I. (2025). *Neoliberal Authoritarianism: An Ethnography of Russian Universities*. London: Palgrave Macmillian.

6. Habermas, J. (2001). *Moral Consciousness and Communicative Action*. Transl. by S.V. Shachin. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
7. Kralechkin, D. Yu. (2021). Perepolnenie steka [Stack Overflow]. In: *Sintez sovremennosti: ruiny GAHN i postdisciplinarnost'* [Synthesis of Modernity: The Ruins of GAKhN and Postdisciplinarity]. N. Sazonov, A. Hennig (eds.). Moscow: Gaydar Institute Press. P. 79–98. (In Russ.)
8. Luhmann, N. (2007). "Chto proiskhodit?" i "chto za etim kroetsya?". Dve sotsiologii i teoriya obschestva ["What is the Case?" and "What Lies behind It?". The Two Sociologies and the Theory of Society]. Transl. by A.F. Filippov. *Sociologicheskoe obozrenie*, No. 6(3). P. 100–117. (In Russ.)
9. Medushevskiy, A.N. (in print). Pravo i nravstvennost': eticheskie kodeksy kak instrument publichno-pravovoy politiki Rossii [Law and Morality: Ethical Codes as an Instrument of Public Legal Policy in Russia]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. (In Russ.)
10. Shanin, T. (2024). Razmyshleniya o sociologii znaniya [Reflections on the Sociology of Knowledge]. *Russia's Directions*. Vol. 2. No. 3. P. 159–178. (In Russ.)
11. Simmel, G. (1906). The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies. *American Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.
12. Sokolov, M.M., Titaev K.D. (2013). Provincial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. *Antropologicheskiy forum*, No. 19. P. 239–275.
13. Szacki, J. H. (2018). *History of Sociological Thought. Volume 1*. Transl. by E. Barzova, A. Vasil'ev, N. Vertyachikh, G. Muradyan, A. Urazbekova, V. Fedorova, O. Chekhova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
14. Titaev, K.D. (2013). Neskol'ko korotkikh replik v dopolnenie k otvetu M. Sokolova [A Few Short Comments in Addition to M. Sokolov's answer]. *Antropologicheskiy forum*. No. 19. P. 232–236.

П. А. Сафронов, З. С. Васильева, Т. М. Атнашев,
Е. Л. Панова, Н. А. Липкина

Переизобретая распределённую академическую коммуникацию: семинар ФИЛАПС

Петр Александрович Сафронов — независимый исследователь. **Электронная почта:** peter.safronov@gmail.com.

Зинаида Сергеевна Васильева — независимый исследователь. **Электронная почта:** zvasilyeva@gmail.com.

Тимур Михайлович Атнашев — независимый исследователь**. Электронная почта:** timur.atnashev@gmail.com.

Евгения Львовна Панова — независимый исследователь. **Электронная почта:** evepanova@gmail.com.

Наталья Александровна Липкина — независимый исследователь. **Электронная почта:** nlipkina@gmail.com.

Аннотация: Статья анализирует онлайн-семинар ФИЛАПС как экспериментальный формат внеинституциональной академической коммуникации, возникший в условиях разрыва профессиональных сетей и снижения пространства для содержательного обсуждения исследований в гуманитарных и социальных науках. Авторы рассматривают ФИЛАПС в двух основных аспектах: 1) как формат дискуссии, внедряющий практику бережного обсуждения на уровне дизайна; 2) как эксперимент по определению принципов самоуправления распределённого сообщества взаимной поддержки. Методологически текст основан на коллективной рефлексии организаторов и анализе коммуникационного дизайна семинара.

Ключевые слова: академическая коммуникация, самоорганизация, обратная связь, дарообмен

Для цитирования: *Сафронов, П.А., Васильева, З.С., Атнашев, Т.М., Панова, Е.Л., Липкина, Н.А.* Переизобретая распределённую академическую коммуникацию: семинар ФИЛАПС // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 167–187.

Введение. Историческая справка

С начала 2000-х годов глобализация академии сопровождалась интенсивным расширением каналов и форматов научной коммуникации. Увеличивалась циркуляция исследователей, росло число международных коллабораций, создавались площадки для взаимодействия и сотрудничества поверх дисциплинарных и географических границ. В российском гуманитарном и социальном поле заметную роль в этом процессе играли журнал и издательство «Новое литературное обозрение», академическая рассылка Сергея Ушакина, открытые семинары Московской высшей школы социальных и экономических наук, международные программы Европейского университета в Санкт-Петербурге, Смольного колледжа, Высшей школы экономики и других институций. Эти инициативы институционализировались по-разному, но в совокупности формировали пространство живого обмена идеями.

Одновременно становились всё более заметны различия академических культур в способах постановки исследовательских вопросов, структурировании текста, свободы в интерпретации источников, выборе стиля и жанра письма. Постепенно эти различия начали восприниматься не только как культурные, но и как политические, поскольку они воспроизводили существующие неравенства через языковую компетенцию, доступ к публикационным ресурсам, степень вовлечённости в международные сети научного обмена. Российское академическое сообщество постепенно формировало проницаемые, хотя и частично замкнутые на себе круги, концентрированные вокруг определённых интеллектуальных традиций, персонажей и институциональных траекторий.

Пандемия коронавируса в 2020 году резко ускорила переход к онлайн-форматам в России и во всём мире, а также стимулировала экспериментирование с распределённым сотрудничеством в области академического письма (см. напр.: Cahusac de Caux & Pretorius 2024). В 2019–2022 годах под эгидой библиотеки Шанинки проходили онлайн-семинары «Ближе к тексту: я/мы пишем социальную науку» [Марков и др. 2022], направленные на обсуждение материальности текста, методов письма и значения рефлексии социального исследователя в письме (https://www.msses.ru/library/research-write/). В 2020 году был создан виртуальный антропологический кружок Николая Ссорина-Чайкова, ориентированный на обсуждение черновиков научных текстов и доведение их до публикаций в международных журналах[1] и целенаправленно привлекающий не только

[1] Темы и участники Антропологического семинара в 2020–2021 гг. представлены на странице: https://spb.hse.ru/humart/chr/ant/seminar (дата обращения:06.03.2026).

русскоязычных, но и иностранных коллег в качестве авторов. Эти форматы, с одной стороны, расколдовывали сам процесс письма как практики традиционно считающейся привилегированной, с другой, способствовали усилению (пусть и иллюзорному) горизонтальности связей, поскольку работа с «сырыми» текстами всегда демонстрирует уязвимость авторов, несмотря на институциональные и географические различия. Вместе с тем пандемия усилила индивидуализацию академического труда, зависимость от цифровых инструментов, а также гендерное неравенство, негативно сказавшись на публикационной активности женщин [Li et al., 2024].

Военный конфликт России и Украины в 2022 году стал радикальной точкой разрыва сложившихся практик и сетей академической коммуникации. Существенная часть русскоязычных исследователей оказалась вне прежних профессиональных контекстов. Исчезли или обеднели привычные формы очного общения, конференционные маршруты, устойчивые прежде горизонтальные взаимодействия [Melnikova & Vasilyeva eds. 2024]. Разрыв переживался не только как институциональный, но и как экзистенциальный: как утрата укоренённости в едином социокультурном хронотопе. Разрушение возможностей коммуникации в русскоязычном академическом сообществе сопровождалось продолжающимся развитием долгосрочной глобальной тенденции: постепенной бюрократизацией и менеджериализацией академии.

В начале 1970-х годов Толкотт Парсонс писал о высокой степени коллегиальности университетов и их устойчивости к бюрократизации[2]. Спустя полвека эта оценка выглядит излишне оптимистичной. Управленческие регламенты, отчётность и «метрики» глубоко проникли в повседневную ткань исследовательской и преподавательской деятельности. Внешние по отношению к академии акторы всё чаще опираются на формальные показатели, не имея возможности оценивать содержание работы по существу. Формализация процедур

[2] «Возможно, сегодня коллегиальная модель наиболее полно институционализирована в академическом мире, который, вопреки многим утверждениям, не поддается бюрократизации, несмотря на беспрецедентное расширение сферы высшего образования, происшедшее в последнее время. Действительное равенство коллег на факультете или в отделении находится в постоянном и резком контрасте с бюрократической иерархией. Другой отличительной особенностью коллегиальной структуры является выборность в отличие от назначения сверху. Большинство современных академических систем «назначения» основаны на сложном балансе: надзорные инстанции (например, попечительские советы) обычно принимают «окончательные» решения, в то время как коллеги осуществляют контроль на важных этапах отбора кандидатур. Навязывание назначенца, открыто неприемлемого для его будущих коллег, в академических институтах высокого уровня практически не существует» (Парсонс 1998, 141).

сочетается с деградацией коллегиальности, усилением конкуренции и трансформацией исторических отношений «учитель—ученик» в более прагматичные формы зависимости младших в академической иерархии коллег от старших. Одним из последствий этой трансформации стал дефицит заинтересованной содержательной полемики. Обсуждение всё чаще ориентируется на демонстрацию готового результата — «отполированного» текста, отчёта или успешной грантовой заявки, — тогда как сам процесс мышления, с его сомнениями и «рабочими швами», оказывается скрытым. Автор лишается возможности получить честную и доброжелательную обратную связь именно в тот момент, когда его текст ещё открыт для кардинальных изменений.

Мы считаем, что формирование исследовательских навыков и профессиональный рост напрямую связаны с практикой открытой, честной и доброжелательной полемики. В этом контексте в декабре 2022 года был основан семинар ФИЛАПС, название которого образовано по первым буквам дисциплин, составляющих основное поле обсуждений: философия, история, литературоведение, антропология, политическая наука, социология. Первоначальная мотивация была в том, чтобы создать регулярную внеинституциональную и географически распределённую точку встречи, где можно безопасно обсуждать тексты в процессе их становления.

Коллективная организация академического письма

Несмотря на максимальное стимулирование индивидуализма через рейтинги и внешние признаки академического успеха, современные исследования академических писательских групп (*writing groups*) показывают, что письмо в академии всё более осмысляется как социальная практика, а не как изолированный индивидуальный навык [Aitchison & Guerin, 2014; Cahusac de Caux & Pretorius, 2024; Hodge & Murphy, 2025]. Совместное обсуждение черновиков, регулярные встречи и публичное проговаривание исследовательских затруднений формируют устойчивые профессиональные связи и способствуют становлению исследовательской субъектности. Письмо в этих форматах становится не только способом фиксации мысли, но и способом вхождения в академическое поле.

Одновременно академические писательские группы функционируют как пространства накопления и циркуляции социального капитала. В них осваиваются негласные нормы дисциплинарного взаимодействия, способы аргументации и формы академического присутствия. Как показывает недавнее исследование [Hodge & Murphy, 2025], участие в таких группах способствует формированию устойчивых академических диспозиций и укреплению чувства принадлеж-

ности к исследовательскому сообществу. В этом смысле писательская группа выступает не просто организационной формой, а инфраструктурой профессионализации. Одновременно значительная часть подобных практик институционально встроена: они поддерживают диссертационные траектории, публикационные стратегии и карьерное продвижение. Однако даже если участники подчёркивают ценность доверия и горизонтальности, общий вектор остаётся связанным с измеримыми академическими результатами. Коллективность письма в этих случаях функционирует внутри уже заданных нормативных рамок производства академических текстов.

ФИЛАПС существует в сопоставимом поле практик, но иначе расставляет акценты. Наш проект представляет собой регулярный открытый онлайн-семинар для обсуждения текстов в процессе разработки (*work in progress*) в социально-гуманитарных науках. Условием участия является представление незавершённого материала. Мы считаем, что черновик делает видимыми логические переходы, колебания и пробелы аргументации, тем самым переводя обсуждение из режима презентации результата в режим совместной работы над мыслью. Процедура обсуждения структурирована и последовательна: сначала участники реконструируют логику текста, затем обозначают проблемные узлы и вопросы, после чего формулируют возможные направления развития аргумента. Эти этапы можно описать как раунд понимания, раунд критических замечаний и вопросов, и раунд предложений по редакторской доработке. Такая организация разговора задаёт темп и порядок интеллектуального взаимодействия, ограничивает импульсивные реакции и препятствует доминированию отдельных участников в обсуждении.

Сходство ФИЛАПС с академическими писательскими группами заключается в регулярности встреч, работе с черновиками и ориентации на горизонтальное взаимодействие. Различие проявляется в степени открытости, и масштабе включённости и строгости правил для всех участников. Особое значение имеет сознательное снижение символической дистанции между участниками. Отказ от акцентирования академических званий, обращение по имени, ограниченный строгий тайминг и регламент выступлений направлены на выравнивание статусов внутри дискуссии. Тем самым создаются условия, в которых можно задавать уточняющие вопросы, высказывать сомнения и предлагать альтернативные интерпретации без риска репутационного ущерба для обеих сторон. Конфликт интерпретаций не сглаживается, а рассматривается как источник уточнения и развития аргумента. В отличие от писательских групп, формируемых в рамках одной программы или институции, ФИЛАПС изначально строится как внеинституциональное и междисциплинарное пространство. Это заметно усиливает разнообразие интеллектуальных позиций и требует чётко выстроенного регламента для поддержания продуктив-

ного обсуждения. В Приложении 1 к тексту представлен манифест ФИЛАПС и типовой сценарий ведения обсуждения (см. *Приложение 1*).

Обратная связь и распределённое участие

Текст написан от первого лица множественного числа. Это связано с тем, что среди авторов — члены организационной группы (совета) семинара, включая как инициаторов формата, так и тех, кто присоединился позднее. Мы представляем разные дисциплины, имеем разный исследовательский опыт и проживаем в разных странах. Предлагаемое в нашем тексте описание формата ФИЛАПС является не внешним наблюдением, а формой коллективной рефлексии, сформулированной из разных перспектив. Цель настоящего текста состоит в аналитическом прояснении того, каким образом наш семинар участвует в (пере)определении структуры взаимодействия исследователей по поводу текстов в условиях разрыва профессиональных сетей в русскоязычном академическом сообществе и общего снижения плотности содержательной дискуссии в гуманитарных и социальных науках. Мы рассматриваем семинар ФИЛАПС как своего рода эксперимент, в котором групповое общение, производимое по определённым правилам, моделирует отношения между знанием, участием и ответственностью в социально-гуманитарных науках. Задача текста двояка: (1) описать коммуникационный дизайн семинара ФИЛАПС; (2) выявить принципы, лежащие в основе дизайна семинара ФИЛАПС. Соответственно, мы воздерживаемся от ухода в эмпирическую детализацию (стенограммы встреч, данные по участию в семинаре).

Широко известно, что качество академического письма и научной аргументации не может быть редуцировано к индивидуальной компетентности автора конкретного текста, но существенно зависит от обратной связи, получаемой из различных источников. Современные исследования обратной связи демонстрируют, что её эффективность определяется сложной конфигурацией факторов — характеристиками сообщения, контекстом, агентами, особенностями субъекта и условиями осуществления. Так, например, интегративная метамодель обратной связи, разработанная Эрнесто Панадеро и Анастасией Липневич на основе анализа предшествующих наиболее влиятельных моделей фидбека, высвечивает исследовательский консенсус относительно того, что обратная связь функционирует как распределённый комплексный процесс, включающий пять основных компонентов — Message, Implementation, Student, Context, Agents (MISCA), а не как линейный акт передачи информации от одной стороны другой [Panadero & Lipnevich, 2022]. В этом контексте мы рассматриваем ФИЛАПС как формат, предоставляющий авторам разнонаправ-

ленный, но организованный по определённым правилам фидбэк со стороны не менее трёх участников.

Совместная работа с академическими текстами подчас описывается в терминах культивирования социального капитала, способствующего становлению исследовательской субъектности и укреплению академической идентичности [Hodge & Murphy, 2025]. Социальный капитал членов академического сообщества включает не только сеть профессиональных контактов, но и нормы взаимодействия, способы артикуляции возражений, модели аргументации, формы признания и негласные правила общения. Однако, в отличие от форматов работы с черновиками академических текстов, имеющих институциональную аффилиацию и — пусть неявно — ориентированных на достижение измеримых показателей публикационной активности, семинар ФИЛАПС функционирует как распределённая среда обмена, где ключевым ресурсом становится не текст как отчуждаемый продукт научного труда, а возможность совместного размышления и становления коллективной экспертизы находящейся в становлении работы. Это не исключает того, что в рамках ФИЛАПС происходит производство, аккумуляция и перераспределение социального капитала. Исследование этого аспекта не входит в задачи настоящего текста, но, разумеется, представляет отдельный интерес, особенно в сравнении с другими инициативами в области академической коммуникации, возникшими в последние годы.

Стоит также отметить пересечение целей ФИЛАПС со всё более заметным фокусом на заботу и заботливость в академии. В исследованиях в области академического письма подчёркивается, что качество обратной связи, получаемой авторами (квалификационных) текстов определяется не только её содержательной точностью, но и аффективной безопасностью среды. В работах, посвящённых этой теме, утверждается, что поддержка участников научно-образовательного сообщества и внимательность к индивидуальным и коллективным уязвимостям являются не второстепенным эмоциональным «фоном» академической коммуникации, а ключевыми инфраструктурными условиями успешной деятельности академических работников [Costello et al., 2024; Boud & Molloy, 2013]. Иерархизация академической коммуникации способна снижать восприимчивость к замечаниям и блокировать переработку текста. Переход от понимания фидбека как информации к пониманию фидбека как диалога, происходящего одновременно на разных уровнях коммуникации, связан с интересом к тому, как студенты воспринимают и используют обратную связь в процессе обучения [Carless & Boud, 2018; Nicol, 2020]. В этом контексте проект ФИЛАПС можно рассматривать как стратегию компенсации некоторых дефицитов современной академии через сочетание, а не противопоставление заботы и критической требовательности. Как организаторы, мы исходим из того, что и семинар, ориентированный

исключительно на эмоциональную поддержку, и семинар, сфокусированный на повышении научной производительности, рисковали бы превратиться в псевдосообщество.

К постдефицитной логике академической коммуникации

Изначально формат ФИЛАПС задумывался организаторами как *peer-group*, основанная на принципе полной взаимности: предполагалось, что все участники примут на себя минимальное обязательство заранее читать предлагаемые тексты и выступать с комментариями. Эта модель исходила из представления о взаимообязывающем характере дара и обмена — в духе Мосса — когда симметричность обмена вниманием и интеллектуального усилия со стороны абсолютно всех участников каждого заседания семинара поддерживается разделяемой ценностью взаимопомощи в условиях войны и разрыва. Соответственно, право представить свой текст на семинаре предполагалось соотнести и уравновесить готовностью читать и комментировать тексты других участников. Иными словами, инициаторы ФИЛАПС надеялись, что право получать заинтересованную и доброжелательную обратную связь на представленный черновик будет для каждого участника постепенно по умолчанию превращаться в обязанность поддерживать сообщество через повторяемое участие в обсуждении текстов других авторов. Однако практическая реализация формата быстро показала, что поведение участников в реальной жизни отнюдь не характеризуется равномерным распределением вовлечённости. В настоящий момент участие в семинаре можно охарактеризовать как своего рода градиент интенсивности, отражающий три различных уровня вовлечённости.

Наиболее интенсивно в семинар вовлечено «ядро»: относительно небольшая группа участников, включающая членов организационной команды и тех, кто регулярно возвращается к формату. Ядро обеспечивает устойчивость семинара через исполнение основных рабочих функций, включая чтение текстов до встречи, модерацию дискуссии в ходе встреч, контроль соблюдения регламента, поддержание дружеской атмосферы обсуждения. Вклад этих участников систематически превышает объём получаемого ими внимания к собственным текстам. Эту зону взаимодействия можно описать как зону устойчивого дарообмена, где взаимность действует как негласное обязательство и поддерживается повторяемостью участия. Помимо ядра сформировался более широкий, но всё же малый, круг регулярных активных участников заседаний. Интенсивность их включения достаточно высока, но не является критически необходимой для поддержания постоянной работы семинара. Наконец, существует

периферия, состоящая из участников, подключающихся к семинару очень редко, иногда только один раз. Они могут представить текст или выступить комментаторами, но не включаются в длительный цикл обмена. Следует отметить, что число участников группы семинара, созданной в Телеграмме, выросло с десяти человек в 2022 году до более чем полутора сотен в конце 2025 года, при этом в заседаниях в среднем участвуют от 5 до 10 человек, включая минимальный кворум из четырёх человек: автора и трёх комментаторов из «ядра».

Разная интенсивность вовлечения, как мы полагаем, не является «отклонением» от исходной «нормы», возникшей в воображении инициаторов формата. В описанной выше динамике мы усматриваем проявление важного структурного свойства добровольного распределённого сообщества. Более того, мы уверены, что попытка навязать строгую симметрию участия (например, формализовать обязательный объём комментариев или установить жёсткие правила «отработки» полученного внимания) неизбежно сократила бы открытость формата и снизила приток новых участников. Добровольность в некотором смысле предполагает градацию интенсивности участия. Именно в этой точке происходит переход от модели строгой реципрокности к сочетанию дарообмена с тем, что можно обозначить как «этика изобилия». Если классическая логика реципрокности настроена на поддержание социальных отношений через ритуальную симметричность актов взаимных дарений, то этика изобилия допускает асимметрию. В ядре сохраняется взаимное ожидание относительно обязательств и повторяемости обмена. Однако по отношению к периферии допускается возможность участия без немедленного «возврата» полученного внимания. Иными словами, участие не ставится в зависимость от эквивалентности (равенства) вклада, привносимого участниками.

Такая позиция продолжает соотноситься с антропологической логикой дара, описанной Марселем Моссом [Mauss, 1925 (2002)] и позднее развёрнутой исследователями не-рыночных экономик [Sahlins 1972; Graeber 2011], где обмен не редуцируется к экономической эквивалентности, а является основой социальных отношений. Однако в отличие от классической теории дара, предполагающей обязательность «отдарка», то есть жеста ответного дарения, в семинаре ФИЛАПС ответ остаётся желательным и ожидаемым, но может быть, так сказать, отложен на неопределённое время или перераспределён. Близкой практике семинара ФИЛАПС является, скорее, интерпретация дара как циркулирующей энергии, которая усиливается в процессе передачи [Hyde, 1983]. Интеллектуальное внимание и уделённое время в данном случае не исчерпываются отдельным актом отдачи дара, а соучаствуют в развитии сети отношений. С экономической точки зрения формат нашего семинара можно понимать как сознательный отказ от характерного для неолиберальной академии

нагнетания дефицитности времени как «редкого» ресурса. В условиях, где экспертное время трактуется как ограниченное благо, подлежащее строгому учёту, любая неэквивалентность (и непроизводительность) в расходовании времени воспринимается как потеря или неудачное вложение. Этика изобилия, напротив, исходит из предпосылки, что интеллектуальное сотрудничество способно производить добавочную ценность не через жёсткую экономию полезного времени, а через расширение пространства и качества участия. В этом смысле практикуемый в ФИЛАПС подход близок к представлениям о «разнообразных экономиках» (*diverse economies*), в которых обмен не сводится к рыночной рациональности [Gibson-Graham, 2006; Sahlins 1972; Graeber 2011]. Готовность отдавать больше, чем получаешь, создаёт эффект притяжения, поскольку возможность эпизодического включения снижает порог входа и расширяет сообщество, а наличие устойчивого ядра обеспечивает воспроизводимость формата. Этика изобилия не отменяет взаимности, но перераспределяет её во времени и по структуре сообщества. Важно отметить, что ядерная группа участников представляет собой именно группу, коллектив, то есть никто не несёт обязанность отдавать в одиночку, а значит меньше подвергается опасности выгорания. В результате неравномерность участия оказывается совместима с устойчивостью формата — не вопреки асимметрии участия, а благодаря ей.

Сообщество или сеть? ФИЛАПС и нормативная модель сообщества

В предыдущих разделах мы описали коммуникативный дизайн формата ФИЛАПС. Тем самым был дан ответ на вопрос о том, как устроена эта практика и какие ценности, ожидания и намерения лежат в её основе. Однако возникает следующий шаг в размышлении: чем является ФИЛАПС в более общем социальном смысле? Достаточно ли говорить о нём как о семинаре с устойчивым форматом, или мы вправе рассматривать его как сообщество? Если да, то в каком именно значении этого слова? Этот вопрос принципиален, поскольку от ответа на него зависит интерпретация того типа взаимодействия, который постепенно складывается в рамках нашего семинара. Для прояснения статуса ФИЛАПС мы обращаемся к влиятельной нормативной модели сообщества, предложенной Джимом Ифе. Ифе [Ife, 2016, p. 90] выделяет пять характеристик сообщества: человеческий масштаб, позволяющий людям знать друг друга и влиять на процессы; идентичность и чувство принадлежности; взаимные обязательства; тип отношений *Gemeinschaft*, предполагающий взаимодействие «целых

людей», а не только функциональных ролей; и культуру, создаваемую и выражаемую самим коллективом. Эта рамка задаёт определённый идеал — сообщество как относительно целостное образование, способное к саморегуляции и воспроизводству собственных норм.

Если сопоставить эту модель с описанной выше практикой ФИЛАПС, то прежде всего обнаруживается соответствие критерию человеческого масштаба. Несмотря на распределённость и онлайн-характер взаимодействия, семинар удерживает ограниченный круг активно вовлечённых участников и опирается на повторяемость встреч. Это создаёт пространство узнаваемости: участники начинают не только различать аргументы, но и адаптироваться к стилям мышления друг друга. Регламент и правила обсуждения могут корректироваться по желанию участников, что поддерживает ощущение влияния на общую структуру. Не менее заметно формирование идентичности и принадлежности. ФИЛАПС постепенно вырабатывает собственный стиль разговора о тексте — с акцентом на внимательность к черновику, замедление эмоциональной реакции и отказ от демонстративного почитания академической иерархии. Принадлежность здесь не закрепляется формально, но проявляется в принятии этих норм и в готовности действовать в их логике. Разногласия не подавляются, а становятся частью процедуры, что соответствует представлению Ифе о трансформации конфликтов внутри сообщества. Сфера обязательств, как уже обсуждалось, приобретает в ФИЛАПС особую форму. В ядре семинара действует устойчивая логика дарообмена: чтение текстов, модерация, поддержание инфраструктуры воспринимаются как ответственность перед общим делом. Однако это обязательство не универсализируется. Периферийные участники могут включаться эпизодически, не принимая на себя долгосрочных обязанностей. Такая градуированность не разрушает коллектив, а обеспечивает его проницаемость. В этом отношении ФИЛАПС отклоняется от классической модели сообщества, предполагающей более равномерное распределение ответственности.

Наиболее двусмысленной оказывается характеристика *Gemeinschaft*. Семинар объединён прежде всего совместной исследовательской практикой; участники приходят как авторы и комментаторы текстов. Взаимодействие строится вокруг аргументации и анализа, а не вокруг совместного быта или повседневности. Тем не менее личные обстоятельства, ценностные позиции и аффективные реакции неизбежно присутствуют в обсуждении. ФИЛАПС, хотя и не становится «жизненным миром», всё же не сводится к чисто функциональному обмену ролями: участники связаны исследовательской практикой и семинаром как частью их жизни. Здесь реализуется ограниченная, профессионально опосредованная форма *Gemeinschaft*. Для более точной квалификации возникающей формы полезно обратиться к понятию «сообщества практики», введённому Джин Лэйв и Этье-

ном Венгером [Lave & Wenger, 1991] и далее разработанному Венгером [Wenger, 1998; Wenger, McDermott, & Snyder, 2002]. Сообщество практики определяется как коллектив, объединённый совместной деятельностью, в процессе которой формируются общий репертуар действий, язык и способы участия. Единство такого сообщества задаётся не территорией и не формальной принадлежностью, а самой практикой и постепенным освоением её норм через участие. Концепция «легитимного периферийного участия» [Lave & Wenger, 1991] особенно релевантна: новички включаются сначала на периферии, наблюдая и постепенно осваивая правила, а затем могут переходить к более интенсивному участию. Структура ФИЛАПС с ядром и периферией хорошо соотносится с этой моделью. Наконец, аспект культуры в понимании Ифе находит в ФИЛАПС отчётливое выражение. Язык обсуждения, допустимая степень критичности, отношение к уязвимости черновика и к разногласиям формируются не извне, а в процессе повторяющейся практики. Эта культура не фиксирована заранее; она поддерживается самими участниками и изменяется вместе с ними и под их влиянием.

ФИЛАПС можно рассматривать как распределённое сообщество практики, обладающее рядом характеристик сообщества в смысле Джима Ифе, но реализующее их в модифицированной форме. Человеческий масштаб достигается через регулярность взаимодействия; исполнение обязательств имеет градуированный характер; взаимодействие опосредовано профессиональной рамкой академической коммуникации; общая культура создаётся через набор правил общения. Представляется, что уместно охарактеризовать ФИЛАПС как гибридную форму, «склеивающую» черты локальных сообществ и сетевых форм коллективности. Выскажем гипотезу, что такая гибридность сама по себе способствует сохранению и трансляции формата нашего семинара в условиях географической и дисциплинарной разобщённости участников.

Заключение

В нашем тексте мы попытались последовательно проследить, как из одной организационной инициативы небольшого числа исследователей возникает устойчивая форма коллективной работы. Мы рассмотрели, каким образом регулярная работа с черновиками академических текстов по определённой процедуре меняет качество дискуссии и как сочетание логики дарообмена с логикой изобилия позволяет удерживать открытость формата без утраты ответственности. ФИЛАПС формирует специфическую культуру работы с текстом. Эта культура проявляется не в декларациях (хотя у ФИЛАПС есть

и собственный манифест, и описанный регламент), а в повторяющихся практиках: в специфическом замедлении критической реакции на текст благодаря требованию понимающей реконструкции аргумента до его оценки, а также в готовности участвовать в обсуждении в разных ролях. Постепенно возникает репертуар коммуникативных приёмов и ожиданий, который делает обсуждение предсказуемым по форме и непредсказуемым по содержанию. Именно эта воспроизводимость формы при неопределённости содержательного результата придаёт нашему семинару устойчивость. Онлайн, безусловно, тоже является активным фактором развития ФИЛАПС. Интернет позволяет соединять участников из разных институциональных и национальных контекстов, по умолчанию снижая зависимость обсуждения от локальных академических иерархий. Многоканальность коммуникации при помощи устной речи, письменных комментариев в чате видеоконференции и в группе семинара, видимых невербальных сигналов участников с включёнными камерами расширяет способы актуального присутствия на ФИЛАПС. Вместе с тем цифровая среда семинара требует дополнительной дисциплины: прозрачности регламента, чёткости процедур, внимательного модерирования. В этом смысле устойчивость формата обеспечивается не технологией и регламентом самими по себе, а осознанной организацией взаимодействия с их помощью.

Отсутствие жёсткой централизации и «владельца» формата делает возможной его адаптацию в других контекстах. В момент, когда мы пишем эти строки, формат ФИЛАПС доказал способность к воспроизводству вне исходного круга участников: его уже применяют для своих задач другие группы исследователей. Это не означает автоматической переносимости, но указывает на наличие структурных элементов, которые могут быть реплицированы: работа с незавершённым текстом, строгая этапность процедуры обсуждения, отказ от символических реверансов по поводу статусных различий. Важно вновь подчеркнуть, что устойчивость семинара ФИЛАПС была и есть основана не на совпадении исследовательских интересов или равном вкладе всех участников. Именно различная интенсивность вовлечённости является нормой, а не исключением. Ядро обеспечивает непрерывность и организационную ответственность; периферия поддерживает открытость и приток новых тем и позиций. Такая конфигурация позволяет формату одновременно сохранять плотность каждого обсуждения и избегать замкнутости в узком кругу. Стремление к горизонтальности естественно не означает полного отсутствия символической власти: полностью устранить различие статусов невозможно, поскольку у организаторов семинара (действующих и как модераторы отдельных заседаний) остаётся приоритетная возможность устанавливать и модифицировать правила обсуждения. Минимизация этого дисбаланса возможна через совершенствование

прозрачности процедур, эксплицитное обсуждение правил и широкую ротацию организационных функций. При этом всё же сохраняется риск закрепления роли узкого круга организаторов как носителей «правильного» способа обсуждения; это напряжение встроено в структуру формата ФИЛАПС и требует постоянного внимания.

Нам представляется, что описание формата ФИЛАПС может быть ценно не только как историческое свидетельство, но и как один из «рецептов» для организации общения учёных в разобщённом мире. Перспективы дальнейшего осмысления академической коммуникации связаны прежде всего с проведением систематического эмпирического анализа сложившихся форматов. Применительно к ФИЛАПС может быть интересно проследить траектории участников: какие факторы способствуют переходу от эпизодического участия к устойчивой вовлечённости и наоборот. Не менее значимо сопоставление с другими формами коллективной работы с текстами — как институциональными, так и независимыми — с целью выявления общих и специфических элементов коммуникативного дизайна, как в русскоязычном академическом пространстве, так и вне его. Отдельного внимания требует вопрос о возможностях и рисках интеграции цифровых технологий, включая системы искусственного интеллекта, в процессы коллективного обсуждения.

Опыт семинара ФИЛАПС показывает, что даже в условиях утраты институциональных связей и географической рассредоточенности возможно поддерживать устойчивую практику совместной интеллектуальной работы. Организация пространства дискуссии, распределение времени и внимания, структура обязательств и степень открытости влияют на то, каким образом формируются и уточняются аргументы. Эта практика не претендует на универсальность, но демонстрирует, что коммуникационные решения способны существенно изменять характер академического взаимодействия и создавать условия для более внимательной и заботливой критики.

Приложение 1

Манифест и сценарий работы ФИЛАПС (в редакции от 24.11.2024)

Work in Progress

Наука не делается в одиночку. Все вместе, её делают разные по сферам интереса, взглядам, убеждениям и личностному складу люди. Текст — важная форма и средство дискуссии в гуманитарных и социальных науках. Любой, кто когда-либо писал академический текст, знает, что каждая продвигающая науку работа, будь то короткое эссе, статья, монография или книга — результат многих часов вопрошания, поиска, исследования, обдумывания, бессчётных правок и отринутых вариантов. Результат множества часов, проведённых в попытках максимально точно сформулировать вопрос, гипотезу или теорию, описать материал, предложить метод, отрефлексировать проблему.

Источником вдохновения и опорой для нахождения «тех самых» формулировок и ходов, которые сделают работу точной, цельной и ценной может стать другой текст, чьё-то интервью или даже диалог из случайного фильма, но тем, что многие из нас так ищут, и не могут найти, остаётся внимательный, конструктивный критический взгляд со стороны. И несмотря на то, что любой исследователь так или иначе окружён коллегами, найти вовлечённого, заинтересованного и благожелательного критика-собеседника бывает очень не просто. ФИЛАПС помогает встретить таких людей.

ФИЛАПС — независимое дружеское сообщество исследователей, работающих в области философии, истории, литературоведения, антропологии, политических наук и социологии. Центр сообщества — междисциплинарный онлайн семинар, на котором участники обсуждают тексты друг друга, помогая подготовить их к публикации. ФИЛАПС — аббревиатура из философии, истории, литературоведения, антропологии, политической науки и социологии.

ФИЛАПС служит нескольким целям: тактически цель каждого семинара — помочь конкретному автору взглянуть на свою работу, аргументы и тезисы со стороны, получить ответы на волнующие вопросы, найти новые идеи и ходы, которые позволят сделать работу точнее, получить опору для развития мысли и завершения текста. В долгосрочной перспективе семинар работает над созданием и расширением по-настоящему конструктивной, доброжелательной академической дискуссии, основанной на принципах включённости,

равноправия и уважения: человека, взглядов, вложенных усилий, текста. Мы надеемся, что практики, настрой и даже сценарии дискуссии участники сообщества будут применять и за рамками семинаров сообщества.

И рецензентами, и авторами «черновиков» наравне выступают как начинающие исследователи, готовящие к печати свои первые работы, так и именитые и опытные учёные, за плечами которых десятки статей или даже книг и многие часы преподавательской работы. Мнение участника дискуссии имеет ценность и вес, вне зависимости от наличия или отсутствия официальных регалий.

В рамках семинара каждый участник может побывать и в роли автора, представляющего текст для обсуждения, в роли доброжелательного критика или в роли слушателя. Любой рецензент ФИЛАПСа — не мэтр, дающий наставления или выносящий вердикт, а равноправный коллега, источник мнения, точного вопроса, наблюдения, свежего взгляда (иногда из перспективы другой дисциплины).

Наш семинар основан на дарообмене: авторы дарят аудитории возможность соучастия в длящемся исследовательском поиске, слушатели дарят авторам своё время и вовлечённость. Условием дарообмена является воздержание от претензии на окончательный ответ, от давления «экспертностью».

Координация деятельности семинара осуществляется Советом ФИЛАПС. Члены совета поочерёдно выполняют функции модераторов заседаний, обеспечивают соблюдение процедуры обсуждения и принимают решения о развитии ФИЛАПС. Членом Совета может стать любой участник семинара, принявший участие не менее чем в 10 заседаниях. Кандидатуры в Совет предлагаются действующими членами и считаются поддержанными, если никто из действующих членов не заявляет вето. Число членов Совета не должно превышать 10% от общей численности участников сообщества, определяемой по числу активных аккаунтов в группе семинара на используемой в качестве основной площадке онлайн-коммуникации.

Воплощать принципы и решать задачи семинара на практике помогает устоявшийся сценарий дискуссии, по которому строится обсуждение любого текста на ФИЛАПСе. Сценарий позволяет автору текста комфортно принимать и учитывать критику, а рецензентам конструктивно, последовательно и уважительно доносить свой взгляд, вопросы и предложения.

Если у Вас есть черновой академический текст для обсуждения или вы хотите помочь другим авторам и поддержать себя в интеллектуальной форме — подключайтесь к телеграмм каналу семинара: https://t.me/+ywacTo5E-9w2MzNi

Метод или сценарий проведения семинаров ФИЛАПС

Семинар ФИЛАПС основан на дарообмене: авторы дарят аудитории возможность соучастия в длящемся исследовательском поиске, слушатели дарят авторам своё время и вовлечённость, открывают новые темы, подходы, теоретические модели и свои тексты. Условием дарообмена является воздержание от претензии на окончательный ответ и от давления «экспертностью».

Ниже описаны конкретные формы и правила проведения семинаров.

1. *Три формата участия*

В семинарах ФИЛАПС можно участвовать в трёх форматах

— как автор черновика для совместного разбора и улучшения (текст присылается за неделю)
— как дружественный рецензент текста (короткие устные реплики от каждого в несколько тактов/кругов)
— как слушатель (и можно точечно перейти в позицию рецензента или задавать вопросы)

2. *Рецензенты*

На данный момент ядро из нескольких постоянных участников семинара — обещают прочитать и дать дружественную обратную связь по черновому тексту до публикации. Это позволяет обеспечить гарантию разнообразной обратной связи для каждого чернового текста. По возможности мы приглашаем коллег к чтению и взаимному рецензированию с учетом Ваших исследовательских интересов и временного ресурса. Особенно приветствуем участие докладчиков в семинарах по другим текстам чтобы поддержать баланс).

3. *Как это работает?*

— *Подготовка*

Обычно текст для обсуждения присылается автором **за неделю** до даты семинара в общем Телеграмм чате ФИЛАПС

— *Время проведения*

По умолчанию семинар проходит каждую третью среду в 17.30 по CET (Берлин, Амстердам, Париж) и в зависимости от летнего и зимнего времени в 18.30 или 19.30 по Москве, 19.30 или 20.30 по Еревану.

— *Сценарий или регламент семинара*

Примерно в течение двух часов участники семинара вместе проходят по нескольким тактам или раундам (20–30 min каждый), чтобы дать развёрнутую и разнообразную обратную связь автору.

Вводный Раунд. Вводное слово автора. За 5–10 минут автор вводит участников семинара в контекст и основные практические цели, которым служит представленный текст (статья, глава книги, исследовательский проект), при желании обозначая аспекты, по которым автору было бы важно получить мнение рецензентов прежде всего.

Раунд 1 (20 мин). **Позитивный раунд реконструкции.** В ходе этого раунда рецензенты реконструируют цели, проблемы, и аргументы, которые они увидели в тексте. Задача этого шага — помочь автору увидеть, на что в его тексте прежде всего обращает внимание читатель. Какие его ходы и тезисы заметны ярче, какие теряются, что очевидно легко понятно читателю, а что в силу каких-либо причин считывается рецензентами ошибочно или вовсе остаётся незамеченным. При этом важно, что рецензенты в этот такт дают только позитивную обратную связь и обсуждают то, что им стало понятно. По отзывам авторов, часто именно эта часть — бывает самая ценная. Обычно 3–4 минуты на реплику каждого участника. И 3–4 минуты на отзыв автора (ответы на все замечания и тезисы не предполагаются).

Раунд 2 (20 мин). **Критический раунд ре/деконструкции.** Этот раунд — зеркальное отражение предыдущего. В ходе раунда рецензенты обозначают вопросы, которые у них возникли по ходу чтения, подсвечивают противоречия или лакуны, что не понятно или с чем не согласны, а также предлагают способы преодолеть проблемы. Обычно 3–4 минуты на реплику каждого участника. И 3–4 минуты на отзыв автора (ответы на все замечания и тезисы не предполагаются).

Раунд 3. **Стилистический раунд.** В ходе раунда рецензенты делятся своим читательским опытом, обсуждают структуру, стилистику, субъективное восприятие сложности или лёгкости чтения. Обычно 2 минуты на реплику каждого участника — этот раунд получается короче. И 3–4 минуты на отзыв автора (ответы на все замечания и тезисы не предполагаются).

Живой раунд. Это завершающий раунд — свободный разговор всех участников семинара по поводу текста, его темы или даже близких тем.

Если у Вас есть черновой академический текст для обсуждения или вы хотите помочь другим авторам и поддержать себя в интеллектуальной форме — подключайтесь к телеграмм каналу семинара: https://t.me/+ywacTo5E-9w2MzNi.

Литература

1. *Марков, А., Колозариди, П., Кочухова Е., Мурашова А., Винокурова Н., Антощук И.* Ближе к тексту: Я/Мы и материальность текста // Labyrinth. Теории и практики культуры. (2022) №2. С. 34–54. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/blizhe-k-tekstu-ya-my-i-materialnost-teksta> [Дата обращения] 21.02.2026.
2. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
3. *Aitchison, C., & Guerin, C.* (2014). Writing groups for doctoral education and beyond. Routledge. Boud, D., &
4. *Molloy, E.* Rethinking models of feedback for learning: The challenge of design // Assessment & Evaluation in Higher Education, 2013. Vol. 38. No. 6. P. 698–712. DOI: 10.10 80/02602938.2012.691462
5. *Cahusac de Caux, B., & Pretorius, L.* Learning together through collaborative writing: The power of peer feedback and discussion in doctoral writing groups // Studies in Educational Evaluation, 2024. Vol. *83*, 101379.
6. *Carless, D., & Boud, D.* The development of student feedback literacy: Enabling uptake of feedback // Assessment & Evaluation in Higher Education, 2018. Vol. 43. No. 8. P. 1315–1325. DOI: 10.1080/02602938.2018.1463354
7. *Costello, M., Nyanjom, J., Bailey, S., & Ireson, D.* Care in the academy: How our online writing group transformed into a caring community // International Journal of Educational Research, 2024. Vol. 127, 102441. DOI: 10.1016/j.ijer.2024.102441.
8. *Gibson-Graham, J. K.* A postcapitalist politics. University of Minnesota Press, 2006
9. *Graeber, D.* Debt: The First 5,000 Years. Melville House, 2011.
10. *Hodge, L., & Murphy, J.* Write on! Cultivating social capital in a writing group for doctoral education and beyond // Educational Review, 2025. Vol. 77. No. 1. P. 117–133. DOI: 10.1080/00131911.2023.2184772
11. *Hyde, L.* The gift: Imagination and the erotic life of property. Vintage, 1983 Ife, J. Community development in an uncertain world: Vision, analysis and practice (2nd ed.). Cambridge University Press, 2016.
12. *Lave, J., & Wenger, E.* Situated learning: Legitimate peripheral participation. Cambridge University Press, 1991.
13. *Li, T., Yang, X. & Cai, J.* A systematic literature review on the impact of the COVID-19 pandemic on faculty members' research performance. Humanit Soc Sci Commun 2025, 12, 874. DOI: 10.1057/s41599-025-05257-1
14. *Nicol, D.* The power of internal feedback: Exploiting natural comparison processes. Assessment & Evaluation in Higher Education, 2020. Vol. 45 No. 2, P. 177–189. DOI: 10.1080/02602938.2019.1620674
15. *Mauss, M.* The gift: The form and reason for exchange in archaic societies Trans. W. D. Halls. Routledge, 2002 [1925].
16. *Melnikova, E. & Vasilyeva, Z.* Academia across the borders. Verlag der Kulturstiftung Sibirien. SEC Publications. Exhibitions and Symposia, 2024. [Online] <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/academia-w.pdf>.
17. *Panadero, E., & Lipnevich, A. A.* A review of feedback models and typologies: Towards an integrative model of feedback elements. Educational Research Review, 2022, Vol. 35, 100416. DOI: 10.1016/j.edurev.2021.100416
18. *Sahlins, M.* The Original Affluent Society. // Stone Age Economics. P. 1–39. Chicago: Aldine-Atherton, 1972.

19. *Wenger, E.* Communities of practice: Learning, meaning, and identity. Cambridge University Press, 1998.
20. *Wenger, E., McDermott, R., & Snyder, W.* Cultivating communities of practice. Harvard Business School Press, 2002.

Petr Safronov, Zinaida Vasilyeva, Timur Athashev,
Evgeniya Panova, Natalya Lipkina.

Rethinking decentralized academic communication: the PHILAPS seminar

Petr Safronov, independent scholar. **E-mail:** peter.safronov@gmail.com.

Zinaida Vasilyeva, independent scholar. **E-mail:** zvasilyeva@gmail.com.

Timur Athashev, independent scholar. **E-mail:** timur.atnashev@gmail.com.

Evgeniya Panova, independent scholar. **E-mail:** evepanova@gmail.com.

Natalya Lipkina, independent scholar. **E-mail:** nlipkina@gmail.com.

Abstract: The article examines the PHILAPS online seminar as an experimental format of extra-institutional academic communication that emerged amid the disruption of professional networks and the shrinking space for substantive discussion in the humanities and social sciences. The authors analyze the seminar along two principal dimensions: (1) as a discussion format that embeds a practice of careful, attentive dialogue at the level of design; and (2) as an experiment in articulating principles of self-governance within a distributed community of mutual support. Methodologically, the paper is grounded in the organizers' collective reflection and an analysis of the seminar's communication design.

Keywords: academic communication, self-organization, feedback, gift exchange.

For citation: Safronov, P., Vasilyeva, Z., Athashev, T., Panova, E., Lipkina, N. (2026) Rethinking decentralized academic communication: the PHILAPS seminar. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 167–187.

References

1. Markov, A., Kolozaridi, P., Kochuhova E., Murashova A., Vinokurova N., Antoshchuk I. (2022) Blizhe k tekstu: YA/My i material'nost' teksta. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*. No.2. P. 34–54. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/blizhe-k-tekstu-ya-my-i-materialnost-teksta>. (in Russ.)
2. Parsons, T. (1998). *Sistema sovremennyh obshchestv*. Trans. from Eng. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. Pod red. M.S. Kovalevoj. M.: Aspekt Press (in Russ.).

3. Aitchison, C., & Guerin, C. (2014). *Writing groups for doctoral education and beyond*. Routledge.
4. Boud, D., & Molloy, E. (2013). Rethinking models of feedback for learning: The challenge of design. *Assessment & Evaluation in Higher Education.* Vol. 38. No. 6. P. 698–712. DOI: 10.1080/02602938.2012.691462.
5. Cahusac de Caux, B., & Pretorius, L. (2024). Learning together through collaborative writing: The power of peer feedback and discussion in doctoral writing groups. *Studies in Educational Evaluation.* Vol. 83, 101379.
6. Carless, D., & Boud, D. (2018). The development of student feedback literacy: Enabling uptake of feedback. *Assessment & Evaluation in Higher Education.* Vol. 43. No. 8. P. 1315–1325. DOI: 10.1080/02602938.2018.1463354.
7. Costello, M., Nyanjom, J., Bailey, S., & Ireson, D. (2024). Care in the academy: How our online writing group transformed into a caring community. *International Journal of Educational Research,* Vol. 127, 102441. DOI: 10.1016/j.ijer.2024.102441.
8. Gibson-Graham, J. K. (2006). *A postcapitalist politics*. University of Minnesota Press.
9. Graeber, D. (2011). *Debt: The First 5,000 Years*. Melville House.
10. Hodge, L., & Murphy, J. (2025). Write on! Cultivating social capital in a writing group for doctoral education and beyond. *Educational Review.* Vol. 77. No. 1. P. 117–133. DOI: 10.1080/00131911.2023.2184772.
11. Hyde, L. (1983). *The gift: Imagination and the erotic life of property*. Vintage.
12. Ife, J. (2016). *Community development in an uncertain world: Vision, analysis and practice* (2nd ed.). Cambridge University Press.
13. Lave, J., & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge University Press.
14. Li, T., Yang, X. & Cai, J. (2025) A systematic literature review on the impact of the COVID-19 pandemic on faculty members' research performance. *Humanit Soc Sci Commun* 12, 874. DOI: 10.1057/s41599-025-05257-1
15. Nicol, D. (2020). The power of internal feedback: Exploiting natural comparison processes. *Assessment & Evaluation in Higher Education.* Vol. 45 No. 2, P. 177–189. DOI: 10.1080/02602938.2019.1620674.
16. Mauss, M. (2002 [1925]). *The gift: The form and reason for exchange in archaic societies* (W. D. Halls, Trans.). Routledge.
17. Melnikova, E. & Vasilyeva, Z. (2024). Academia across the borders. Verlag der Kulturstiftung Sibirien. SEC Publications. Exhibitions and Symposia. [Online] <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/academia-w.pdf>.
18. Panadero, E., & Lipnevich, A. A. (2022). A review of feedback models and typologies: Towards an integrative model of feedback elements. *Educational Research Review,* Vol. 35, 100416. DOI: 10.1016/j.edurev.2021.100416.
19. Sahlins, Marshall (1972) The Original Affluent Society. In *Stone Age Economics*. P. 1–39. Chicago: Aldine-Atherton.
20. Wenger, E. (1998). *Communities of practice: Learning, meaning, and identity*. Cambridge University Press.
21. Wenger, E., McDermott, R., & Snyder, W. (2002). *Cultivating communities of practice*. Harvard Business School Press.

Рецензии, обзоры, рефераты

Сеннет, Р. Умо-зрение: Устройство и социальная жизнь городов

Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 328 с.

Выход русского перевода книги Ричарда Сеннета «Умо-зрение» представляет собой значимое событие для отечественной социальной теории, урбанистики и исследований визуальной культуры. Данный текст, впервые опубликованный в 1990 году под названием The Conscience of the Eye, занимает особое место в интеллектуальной биографии автора, он завершает условную трилогию о городской культуре, начатую «Падением публичного человека» и продолженную романом «Пале-Рояль», и одновременно знаменует переход к более сложной, междисциплинарной аналитике, соединяющей социологию, историю, философию и теорию архитектуры. В центре книги находится вопрос, который на первый взгляд может показаться частным и почти повседневным: почему в городе, встречаясь с незнакомцем, мы склонны отводить взгляд? Однако именно этот жест становится отправной точкой для реконструкции длительной культурной истории, в которой зрение выступает не просто физиологической способностью, но формой социального опыта, этической практикой и инструментом власти. Город в этой перспективе предстает не как нейтральное пространство взаимодействий, а как материализованная структура чувствительности — своего рода «архив» культурных установок, закреплённых в камне, стекле и пространственных конфигурациях.

Методологически работа Сеннета может быть описана как историческая социология чувственного опыта, в рамках которой материальная среда рассматривается как медиатор между абстрактными идеями и повседневными практиками. Речь идёт не столько о «детерминации» архитектуры идеями, сколько о более сложной взаимосвязи. Теологические, философские и моральные представления получают пространственное выражение, которое, в свою очередь, формирует способы восприятия и действия. В этом смысле реализуемый автором подход оказывается близок к линии, представленной в работах Анри Лефевра (производство пространства), Мишеля Фуко (пространства дисциплины и власти) и Мишеля де Серто (практики повседневности), однако сохраняет собственную специфику, связанную с акцентом на визуальности как ключевом медиуме социального опыта.

Центральный тезис книги сводится к тому, что западная культура характеризуется глубоким и исторически сформированным разрывом между внутренним (субъективным, аффективным) и внешним (материальным, публичным) измерениями жизни. Этот разрыв получает классическое теологическое выражение в трудах Августина, где

внутренняя жизнь веры противопоставляется внешнему миру чувственных впечатлений. Сеннет показывает, что подобная дихотомия не остаётся на уровне абстрактной мысли, но постепенно институционализируется в архитектуре и городском пространстве. Особенно наглядно это проявляется в средневековом городе, где сакральное пространство церкви формируется как зона строгой упорядоченности, контрастирующая с нерегулярной и функционально разнородной застройкой светской части. Этот контраст не является следствием технической отсталости или отсутствия планирования, но выполняет символическую и перцептивную функцию, делает различие между внутренним и внешним зримым и переживаемым. Церковь становится не просто религиозным центром, но пространством, в котором страдание, эмпатия и моральное переживание приобретают реальность, тогда как улица оказывается зоной, где различия и боль лишены этического веса. В этом контексте автор предлагает интерпретацию возникновения страха открытости (fear of exposure) как культурно обусловленного феномена. Публичное пространство, насыщенное различиями и непредсказуемостью, начинает восприниматься как потенциально угрожающее, тогда как подлинность и моральность локализуются во внутреннем пространстве — будь то религиозное убежище или, в более поздние эпохи, частный дом.

Дальнейшее развитие этой логики Сеннет прослеживает в современной и особенно в американской городской культуре. Анализируя феномен регулярной градостроительной решетки, он предлагает рассматривать её не только как инструмент рационализации пространства, но и как выражение специфической культурной установки, связанной с протестантской этикой. Пространство здесь мыслится как нейтральное, очищенное от исторической и символической нагрузки, что соответствует установке на внутреннюю работу субъекта и подозрению к внешним формам выражения. В отличие от античного или барочного города, где пространство организовано вокруг значимых центров и иерархий, решетка стремится нивелировать различия, превращая город в однородное поле. Эта тенденция усиливается в XX веке с развитием модернистской архитектуры и технологий строительства. Небоскреб, основанный на принципе «вертикальной решетки», воспроизводит логику повторяемости и нейтральности, а стеклянные фасады, создающие иллюзию прозрачности, фактически способствуют дальнейшему разделению зрения и телесного опыта. Визуальная доступность не сопровождается социальным взаимодействием; напротив, она может усиливать дистанцию, превращая другого в объект наблюдения, но не общения. В этом пункте анализ пересекается с фукианской проблематикой власти, зрение выступает одновременно инструментом познания и механизмом контроля. Однако, в отличие от Фуко, автор акцентирует не столько дисциплинарные аспекты, сколько утрату этического измерения восприятия.

Его задача не только диагностировать проблему, но и наметить возможность её преодоления.

Эта возможность раскрывается в третьей и четвёртой частях книги, где Сеннет обращается к альтернативным формам городской визуальности. В частности, он анализирует барочную организацию пространства (например, проекты папы Сикста V в Риме), где перспектива используется не для фиксации единой точки зрения, а для стимулирования движения взгляда и тела. Подобная визуальность не подчиняет пространство субъекту, а вовлекает его в процесс исследования. Аналогичным образом рассматривается опыт современного города — прежде всего Нью-Йорка, и, в частности, 14-й улицы, где наложение различных социальных, культурных и временных слоёв создаёт плотную и конфликтную, но продуктивную среду. Здесь возникает то, что можно описать как «нарративное пространство» — пространство, в котором смысл формируется через столкновение различий, а не через их устранение. В отличие от стерильных и функционально сегрегированных зон, подобные пространства требуют от субъекта способности к восприятию неоднородности и к сосуществованию с ней. Ключевым понятием в этом контексте становится заимствованное у античной традиции sophrosyne — состояние равновесия и самообладания, достигаемое не через изоляцию, а через опыт взаимодействия с различием. Сеннет противопоставляет эту установку как дионисийским формам растворения в толпе, так и модернистской тенденции к изоляции и контролю. Иллюстрацией служат художественные практики, от поэзии Бодлера до поздних работ Баланчина, в которых открытость к изменению и неопределённости становится условием творческого и этического существования. «Умо-зрение» выходит за пределы узко понимаемой урбанистики и предлагает широкую культурно-теоретическую рамку для анализа современности. Город предстает здесь как пространство, в котором пересекаются режимы восприятия, формы власти и этические установки, а архитектура — как медиум, способный как закреплять, так и трансформировать эти отношения.

Вместе с тем предложенный подход имеет и определённые ограничения. Во-первых, акцент на культурно-символических факторах иногда приводит к недоучёту экономических и политических механизмов, которые также играют ключевую роль в формировании городской среды. Во-вторых, географический фокус исследования остается преимущественно евро-американским, несмотря на отдельные сравнительные замечания, что ограничивает универсальность выводов. Наконец, нормативное измерение книги, идея «искусства открытости», остаётся в значительной степени на уровне этико-эстетического идеала и не получает развернутой институциональной или проектной конкретизации.

Эти ограничения не умаляют значимости работы, «Умо-зрение» представляет собой важный вклад в развитие междисциплинарного

диалога между социологией, архитектурой и теорией культуры. Автор предлагает убедительную интерпретацию кризиса публичности как следствия более глубоких трансформаций в режимах восприятия и пространственной организации, тем самым расширяя рамки обсуждения современных городских проблем. В условиях нарастающей сегрегации, коммодификации публичных пространств и усиления визуального контроля книга Сеннета звучит как одновременно аналитическое предупреждение и этическое приглашение. Она напоминает, что способность жить в городе, это не только вопрос инфраструктуры или управления, но и вопрос формирования определённого типа субъективности, открытой к различию, способной к вниманию и удерживающей равновесие в мире, лишенном простых и окончательных границ между внутренним и внешним.

В. Р. Мисихин

Для цитирования: *Мисихин, В. Р.* [Рец.] Сеннет, Р. Умо-зрение: Устройство и социальная жизнь городов / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2024 // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 189–192.

Ковальская Е., Угаров И. Постановка взгляда. Михаил Угаров о театре, в котором не играют. Лекции, семинары, интервью

М.: Individuum, Эксмо. 2025. — 640 с.

С конца XX века деятели театра всё чаще стали обращаться к событиям обыденной жизни. Драматургов и режиссеров интересовали реальные истории, они собирали материал для постановок, интервьюируя простых людей, а роли часто играли исполнители без специального актёрского образования. Это направление получило название документальный театр. У его истоков в России стояли драматурги и режиссеры Михаил Угаров (1956–2018) и Елена Гремина (1956–2018), основатели труппы «Театр.doc», которые работали в жанре вербатима. Отличительными особенностями вербатима является то, что на сцене показываются реальные истории людей, сохраняется их речь, иногда копируется и манера общения. Пьесы выстраиваются на основе интервью с персонажами, авторам и постановщикам строго запрещается сочинять или добавлять текст «от себя». Создатели спектаклей стараются привлечь внимания к будничному существованию современного человека, показать его без прикрас и доказать, что жизненные истории ничем не уступают выдуманным. «Русская культура прошлых лет велика, но она не решает проблем сегодняшнего дня. Нельзя защищаться Чеховым, Толстым и Достоевским… Скажу опасную вещь — необходимо оставить историю покойникам, необходимо заняться сегодняшним днём. Надо заниматься настоящим, тем, что, здесь и сейчас», — пояснял Угаров свой метод (С. 597).

Принципы документального театра можно рассмотреть с точки зрения «исследования искусством» или «социологии искусством», концепции, выдвинутой Дмитрием Рогозиным. Он считает, что наука, как и искусство, претендует на образность, связность и поэтому должна сознательно обращаться к искусству за «средствами и ресурсами познания, отсутствующими в прямых программных вопросах и процедурах извлечения научного знания» [Рогозин 2024, с. 109]. В своей статье Рогозин разделяет художественное исследование (запрос художника к науке и попытку с помощью научных методов создать произведение искусства) и исследование искусством (запрос учёного к искусству и обращение к искусству за недостающими интеллектуальными и методологическими ресурсами) [Рогозин 2024, с. 109–110]. Практика Михаила Угарова и Елены Греминой в «Театре.doc» — яркий пример первого. Однако именно поэтому она становится идеальным ресурсом для второго. Анализ методов вербатима может позволить социологу по-новому посмотреть на интервью и использование данных для создания истории. Таким образом, обращение к документальному театру Угарова может стать полноценным исследованием

искусством и лечь в основу новой «социологии искусством» — направления, где наука и искусство перестают конкурировать и начинают взаимно обогащать друг друга.

У документального театра и социологии много общего. Социология также строится на проблематизации обыденного, тоже использует метод интервью. Социологические исследования, в которых используются качественные методы, всё чаще презентуются в виде истории. Она же становится непосредственно финальным результатом в случае написания пьесы и постановки спектакля. В книге «Постановка взгляда. Михаил Угаров о театре, в котором не играют» не упоминается социологические концепции, учёные или исследования. Однако представителям документального театра приходится сталкиваться с вполне социологическими проблемами — какие вопросы задавать во время интервью; стоит ли предупреждать, что оно будет записываться; как систематизировать полученные данные. Тем интереснее посмотреть, к каким правилам проведения интервью и обработки материала пришёл сам Угаров и чему он учил своих последователей. Возможно, в них удастся найти то, что социологи по тем или иным причинам пропустили или чему уделили недостаточно внимания.

Люк Болтански в своём исследовании «Тайны и заговоры» утверждает, что социология и детективные романы имеют много общего [Болтански 2019, с. 115]. Социолог, подобно детективу, ищет скрытые причины, неявные структуры и заговоры. Под подозрение попадает любой, и именно своеобразная «паранойя» формирует социологический стиль мышления [Болтански 2019, с. 100]. Михаил Угаров следует этой логике, перекладывая её на интервью. Режиссёр говорит на занятии: «Ты слушаешь человека, сочувствуешь, проникаешься. Но всё, что он говорит, внутренне ставишь под вопрос» (с. 103).

Угаров считает, что у каждого человека есть своя тайна, которую он, с одной стороны, не хочет выдать, но с другой ужасно хочет раскрыть. В результате интервьюер может догадаться о ней, внимательно вслушиваясь в слова информанта, обращая внимание на мелкие детали его речи. По мнению Угарова, тайна может и даже должна присутствовать и в самой истории. Следуя принципу Аристотеля, автор должен оформить и рассказать её от момента незнания к узнаванию.

По мысли Угарова подходить к интервью нужно с «чистой», пустой головой, чтобы заранее не вписывать слова интервьюируемого в какую-либо концепцию. Такой подход в документальном театре называется «ноль-позиция». Он нужен, чтобы воспринимать речь информанта максимально полно, не пытаясь найти в ней подтверждение той или иной позиции. Отказ от вписывания слов информанта в готовую концепцию можно сравнить с подходом «от поля». Угаров говорит, что у каждого творца есть 5–10 любимых концепций мира, которые он любит вносить во всё, чем занимается. «И есть опасность,

что новый неожиданный материал будет загублен тем, что на него наложится старая матрица», — предупреждает режиссер (с. 107). Чтобы этого избежать, он советует убедить себя, что ты не имеешь мнения по исследуемому вопросу и вообще в первый раз столкнулся с какой-то проблемой.

Угаров называет интервью «парным танцем» (с. 395). Соответственно, в нём на равных участвуют двое. В книге не раз подчеркивается, что люди безумно хотят высказаться и быть услышанными. Вначале они пытаются закрыться, но потом начинают рассказывать про себя самые сокровенные вещи. Потому Угаров уделяет много внимания правилам налаживания контакта с интервьюируемым и психологической открытости. Чтобы получить искренние и откровенные ответы, интервьюер сам должен открыться. Только в этом случае информант будет делиться чем-то личным. Угаров советует: «Надо пить с героем водку — пейте водку. Надо всю ночь гулять — гуляйте всю ночь. Надо из него достать историю — значит, я первый должен открыться» (с. 359).

Особое внимание уделяется месту, где берётся интервью. Оно влияет на степень открытости разговора, поэтому должно быть выбрано так, чтобы не давить на информанта. В начале расшифровки обязательно помечается место и личные, отличительные особенности информанта, какие-то важные детали, дополняющие образ человека (например, красные сапоги). В речи информанта особое внимание следует уделять смене темпо-ритма, резким переходам на другую тему, немотивированным паузам. Все эти сигналы по Угарову могут означать, что интервьюируемый что-то пытается скрыть или аккуратно обойти тему. Защитной реакций информантов служат клишированные заготовленные фразы, которые Угаров называет «караоке». По его мнению, у человека есть набор безопасных историй и фактов о себе, рассказанных уже не раз. Он рассказывает их по привычке, чтобы избежать опасных тем и выставить себя с наилучшей стороны. В качестве одного из способов вывести человека из такого состояния, Угаров предлагает задать резкий вводящий в ступор вопрос. В результате загнанному в тупик человеку приходится думать и формулировать мысли здесь и сейчас. Выбитый из привычного порядка вещей, информант начинает отвечать спонтанно, и в таком разговоре можно услышать его индивидуальный голос.

Угаров настаивает, что основных вопросов для интервью должно быть семь, причём первые три самые важные. «Важен первый вопрос. Второй чуть меньше. Потому что ты задаёшь первый — и начинается сад расходящихся тропок. Третий — и ты понимаешь, что вообще вбок ушёл», — объясняет режиссер (с. 145). Однако иногда вопросы вовсе не готовятся заранее и как бы всплывают в ходе диалога. Во многом это заслуга постоянной включённости и внимания, о которых говорилось выше. В книге не раз приводятся примеры уличных

интервью с одним заготовленным вопросом — «А вы знаете, куда ведёт эта улица?» Задав его и получив ответ, интервьюер моментально задаёт уточняющие вопросы, затем ещё и ещё. Интервью получается на удивление «живым» и информативным, несмотря на отсутствие заготовленных вопросов.

Другой техникой, которой уделяется много внимания в книге, является интервью от лица информанта. Угаров говорит, что она помогает вжиться и по-настоящему почувствовать слова интервьюируемого. Техника используется следующим образом: человек, который взял интервью, вслух зачитывает его расшифровку, а затем слушатели задают вопросы, выходящие за пределы интервью. Интервьюеру приходится импровизировать и на ходу отвечать от лица информанта. В результате интервьюер начинает глубже проникаться в мировоззрение человека, которого он опрашивал.

Перед разговором информанту необходимо объяснить, для чего и как будут использоваться данные, прозвучит ли имя говорящего или нет (с. 568–569). Угаров настаивает, что интервью должны записываться. Лучше всего это делать на видео, чтобы сохранялись жесты и мимика информанта, передающие его эмоции. Диктофон для записи тоже приемлем, но его обязательно нужно держать открытым. Если информант попросит убрать диктофон, то нужно попытаться разжалобить человека, рассказывая, что это важно для учёбы и без записи работу не засчитают. «Есть история, когда наши студенты вообще в метро снимали, где это запрещено. Когда милиция пыталась их забрать, они плакали и говорили: „Нас отчислят из института!“ И милиция говорит: „Ладно, черт с вами, снимайте“» (с. 144).

Угаров подчёркивает, что объединение разрозненных материалов интервью в единую историю почти никогда не происходит по заранее продуманному плану. Решение приходит неожиданно, словно само собой, если автор остаётся «внутри» материала. В этом помогает техника «активного ожидания», разработанная в 1920-х годах актёром и педагогом Михаилом Чеховым. Вместо того чтобы насильно вписывать данные в готовые теоретические рамки, автор как бы терпеливо «ходит вокруг» материала, физически и ментально отстраняется и ждёт, когда проявится внутренняя логика истории. «Ты мучаешься и понимаешь — у меня нет решения, ну нет его, всё тупик. Но организм творческий сам работает. <…> Дальше нужно то, что Михаил Чехов называл „активно ждать“. В активном ожидании ходьба — первое средство. Работа на огороде, любая физическая работа хорошо действует. Подождать день-два, потом вдруг где-нибудь в магазине, когда ты покупаешь сигареты — ба-бах — и ты получил решение. Это происходит очень часто», — рассказывает Угаров (с. 108).

Очевидно, что автор книги не ставит перед собой цели рассказать что-то принципиально новое о методе интервью. В ней безусловно можно найти социологические мотивы, но они не являются

основными. Книга представляет собой сборник расшифрованных лекций, семинаров и интервью, собранных учениками Угарова спустя почти десять лет после его смерти. Во вступительной, биографической части кратко прослеживается жизненный и творческий путь Угарова как драматурга и режиссёра. Далее следует часть, в которой приведены расшифровки семинарских занятий и лекций, где Угаров заслушивает и комментирует тексты студентов, излагая суть своего метода. В третьей части собраны интервью Угарова разных лет — в них идёт речь о театре, драматургии и принципах работы. Завершает книгу авторский антисловарь — словарь терминов, которые использует Угаров. В целом книга напоминает мозаику: некоторые сюжеты возникают и пропадают, не получая развития, какие-то возвращаются снова и снова. Одного лишь прочтения книги может быть недостаточно, чтобы составить полноценное представление о творчестве Угарова. Если читатель ни разу не видел постановок в документальном театре, то сможет только бегло, фрагментарно познакомиться с методом Угарова. В театре всё же главное — сам спектакль, законченное и сложившееся сценическое произведение.

Тем не менее социологу эта книга может быть полезна и заставит поразмышлять о том, как иначе можно применять привычные методы, что можно перенять у театральных практиков. Она позволяет взглянуть на свою профессию со стороны, потому что знакомые методы тут предстают как будто в ином свете и используются как будто бы с другой целью. Хотя на самом деле задача у социологии и документального театре по сути одна — пристальное, внимательное наблюдение за человеком и обществом, в котором мы живем. Книга Угарова — свидетельство того, как документальный театр нащупывает те же болевые точки, что и качественная социология, но придаёт им другую форму. Обращение социологов к документальному театру может быть плодотворным и стать частью исследования искусством.

Т. С. Коршунов

Литература

1. *Болтански, Л.* Тайны и заговоры: по следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета. 2019.
2. *Рогозин, Д. М.* Исследование искусством // Пути России. 2024. Т.2. №1. С. 105–115.

Для цитирования: *Коршунов, Т. С.* [Рец.] Ковальская Е., Угаров И. Постановка взгляда. Михаил Угаров о театре, в котором не играют. Лекции, семинары, интервью. М.: Individuum, Эксмо. 2025 // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 193–197.

Авторы номера

Анастасия Сергеевна Астахова — кандидат социологических наук. **Д**екан Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **E-mail:** astakhova-as@ranepa.ru.

Тимур Михайлович Атнашев — независимый исследователь**. Электронная почта:** timur.atnashev@gmail.com.

Зинаида Сергеевна Васильева — приглашенный исследователь, Берлинский музей естествознания. **Адрес:** Deutschland, Berlin, Invalidenstraße 43. **Электронная почта:** zvasilyeva@gmail.com.

Анна Геннадиевна Ганжа — кандидат философских наук, доцент. Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** ann.ganzha@gmail.com.

Андрей Андреевич Герасимов — независимый исследователь. **Электронная почта:** agerasimov@eu.spb.ru.

Николай Алексеевич Гнисюк — магистр социологии. **E-mail:** brebabai13@gmail.com.

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), старший преподаватель кафедры философии религии и религиоведения богословского факультета ПСТГУ. **Электронная почта:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Максим Дмитриевич Жиганов — аспирант. Аспирантская школа по культурологии, Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** zhiganov.maksim.977@gmail.com.

Александр Сергеевич Калгин — магистр социологии, PhD. Приглашённый исследователь, Центр исследований примирения, Институт социологии, Университет Бонна (Германия). **E-mail:** akalginall@gmail.com. **ORCID:** 0000-0002-4133-1063.

Иван Юрьевич Кисленко — кандидат социологических наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** ivankislenko1994@gmail.com.

Тимофей Сергеевич Коршунов — студент 4 курса Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **Адрес:** просп. Вернадского, д. 84, стр. 1. **Электронная почта:** timotheykorshunov@yandex.ru.

Наталья Александровна Липкина — независимый исследователь. **Электронная почта:** nlipkina@gmail.com.

Владимир Русланович Мисихин — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории полевых исследований ИПЭИ РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, д. 11, к. 1, ком. 404. **Электронная почта:** misikhin@mail.ru.

Евгения Львовна Панова — независимый исследователь. **Электронная почта:** evepanova@gmail.com.

Артур Андреевич Печерских — исследователь в Центре институционального анализа науки и образования (ЦИАНО), Европейский университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, Гагаринская улица, д. 6/1 лит. А. **Электронная почта:** apecherskikh@eu.spb.ru.

Петр Александрович Сафронов — независимый исследователь. **Электронная почта:** peter.safronov@gmail.com.

Михаил Михайлович Соколов — кандидат социологических наук, профессор Назарбаев Университета. **Электронная почта:** mikhail.sokolov@nu.edu.kz.

Андрей Александрович Суворов — студент 4 курса Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 2. **Электронная почта:** as2453@yandex.ru.

Пути России
2026. Том 4. №2

Учредитель и издатель:
ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

Адрес редакции и издателя:
125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1

jrsre@universitas.ru

www.jrsre.ru

Цена свободная

Подписано в печать: 25.05.2026.
Дата публикации: 27.05.2026.
Формат 70×100/16.

Пути России
Том 4 № 2
2026